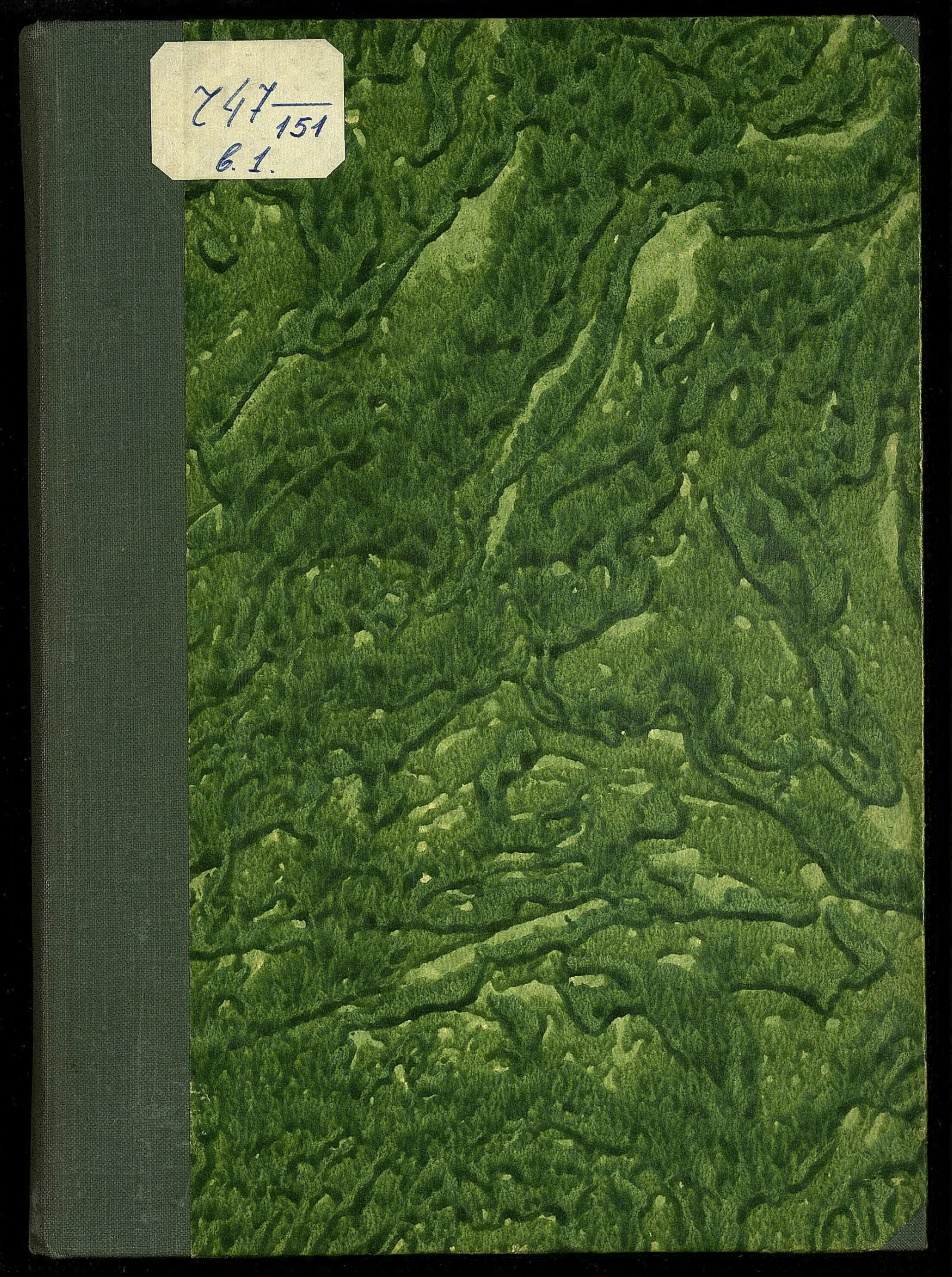

Проф. **Н. К. Грунскій.**

Изъ лекцій
по
русскому языку.

Вып. I.

Пособіе для преподавателей и студентовъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1914.

Проф. Н. К. Грунскій.

Изъ лекцій

по

русскому языку.

Вып. I.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1914.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

Издавая часть своихъ лекцій по русскому языку въ сокращеніи и въ извѣстномъ соединеніи отдѣловъ, я руководился желаніемъ дать научное пособіе при проведеніи въ жизнь новой программы по рус. языку 4 кл. ср. уч. зав. Новая программа требуетъ не только составленія особыхъ учебниковъ, но и заставляетъ желать появленія трудовъ, въ которыхъ давались бы методическія указанія, какъ проходить новый матеріалъ и въ которыхъ этотъ матеріалъ, представленный въ учебникѣ въ элементарномъ видѣ, значительно былъ бы расширенъ. Здѣсь я не касаюсь, конечно, отдѣла древне-ц.-слав. языка, отсылая интересующихся къ выходящему въ свѣтъ 2-му изданію моихъ лекцій по древ.-ц.-слав. яз. (съ многоч. снимками).

I.

Новая програма по русскому языку какъ попытка введенія научныхъ свѣдѣній въ среднюю школу и выполненіе этой программы въ учебникахъ.

Новая министерская программа по русскому языку для IV класса средне-учебныхъ заведеній отчасти возвращаетъ насъ къ прошлому: въ ней мы встрѣчаемся со старымъ знакомымъ—съ древне-церковно-славянскимъ языкомъ. Одно возвращеніе къ старому еще далеко въ данномъ случаѣ не значитъ возобновленіе этого стараго: теперь предположены къ прохожденію въ IV классѣ лишь главные элементы древне-ц.-славянскаго языка, при чемъ эти элементы являются въ качествѣ историческаго матеріала для освѣщенія фактовъ русскаго языка. Такимъ образомъ, совсѣмъ уже иная точка зрѣнія; слѣдовательно, и свѣдѣнія изъ древне-ц.-слав. языка не могутъ быть представлены здѣсь въ качествѣ чего-то главнаго, какъ то было раньше. На первомъ мѣстѣ русскій языкъ. Поэтому и программа министерская прежде всего начинается положеніями о русскихъ нарѣчіяхъ.

Приведу полностью программу, касающуюся упомянутыхъ вопросовъ:

„Очеркъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ. Языкъ образованнаго русскаго общества. Положеніе русскаго языка среди родственныхъ ему языковъ. Образованіе нарѣчій: великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго. Основныя фонетическія и морфологическія особенности языка древне-церковно-славянскаго въ сопоставленіи съ особенностями русскаго языка. Вліяніе на русскій языкъ древне-церковно-славянскаго“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на первомъ планѣ русскія нарѣчія, русскій литературный языкъ, а затѣмъ уже для освѣщенія русскаго языка факты языка древне-церковно-славянскаго.

Кромѣ указаннаго курса, для IV класса полагается еще прохожденіе теоріи словесности въ такомъ объемѣ: „Элементарныя свѣдѣнія о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній. Основныя понятія теоріи сочиненія. Тема. Идея. Содержаніе. Планъ. Понятіе о литературномъ стилѣ. Условія правильности, точности и ясности изложенія. Формы изложенія (монологическая, діалогическая и эпистолярная). Главнѣйшіе тропы и фигуры. Различіе между прозой и поэзіей. Повѣствованіе и разсужденіе. Эпосъ, лирика и драма; ихъ виды“. При этомъ указывается, что должны быть прочитаны и разобраны въ классѣ слѣдующія произведенія: отр. изъ Иліады, былины объ Ильѣ Муромцѣ, Тарасъ Бульба, Капитанская дочка, Семейная хроника Аксакова (отрывки), нѣсколько доступныхъ возрасту лирическихъ произведеній Пушкина, Лермонтова и Кольцова, Недоросль Фонъ-Визина.

Указаніе на прочтеніе извѣстныхъ сочиненій я бы отнесъ къ послѣдней части программы, въ которой говорится о „практическихъ упражненіяхъ“. Практическія упражненія должны состоять въ IV классѣ изъ слѣдующаго: „Провѣрочная диктовка (не болѣе одной въ четверть учебнаго года). Пересказъ. Описаніе. Характеристика. Сочиненія на темы, опредѣлившіяся при разборѣ указанныхъ выше произведеній. Разборъ текстовъ древне-церковно-славянской и древне-русской письменности съ точки зрѣнія исторіи языка“.

Къ практической части я бы отнесъ чтеніе упомянутыхъ литературныхъ произведеній, какъ отнесенъ къ ней разборъ письменности. Если же послѣдній отнести къ ранѣе приведенной программѣ, то можно было бы послѣдній пунктъ выдѣлить, но только уже подъ заголовкомъ „письменныя практическія упражненія“. И дѣйствительно, если мы познакомимся съ объяснительной запиской къ программѣ, то увидимъ, что теорія должна являться выводомъ изъ практической части, слѣдовательно, теорія должна въ данномъ случаѣ быть тѣсно связанной съ практикой.

Общій взглядъ на приведенную программу, на ея требованія, независимо отъ методовъ выполненія, говоритъ намъ, что работы предстоитъ много надъ выполненіемъ, принимая во вниманіе также особенно то, что для выполненія всѣхъ этихъ требованій отводится 4 недѣльныхъ урока. Уже первый взглядъ на программу, а также сознаніе того, для кого эта программа должна быть приспособлена, укажутъ намъ, что придется ограничиться самыми элементарными свѣдѣніями. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и объяснительная записка къ программѣ.

Прохожденіе теоріи словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ велось и раньше, ведется оно и теперь, правда, не въ 4-мъ классѣ, но, во всякомъ случаѣ этотъ предметъ уже хорошо намъ извѣстенъ въ учебномъ отношеніи. Первая же часть во всемъ ея объемѣ является предметомъ новымъ, какъ я сказалъ даже въ той части, которая на первый взглядъ какъ бы возвращаетъ насъ къ прошлому. Вотъ этой то части и будутъ посвящены мои дальнѣйшія собесѣдованія.

Необходимость введенія въ средней школѣ преподаванія болѣе научныхъ свѣдѣній по русскому языку сознавалась и раньше. Извѣстнымъ нашимъ педагогомъ Стоюнинымъ былъ изданъ въ 1855 г. „Высшій курсъ русской грамматики", въ которомъ сообщались и нѣкоторыя свѣдѣнія по общему языкознанію. Конечно, въ настоящее время этотъ учебникъ даже въ новомъ исправленномъ изданіи является устарѣвшимъ. Поэтому вполнѣ понятно появленіе новыхъ учебниковъ, преслѣдующихъ тѣ же цѣли болѣе широкаго ознакомленія учащихся средней школы съ положеніями языкознанія и данными научной разработки русскаго языка; это труды профессоровъ — Поржезинскаго (Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка". М. 1910), Михайлова („Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма". Варш. 1911). Конечно, эти труды могли бы быть рекомендованы для знакомства лишь въ 8-классахъ средне-учебныхъ заведеній. Мнѣ важно здѣсь лишь отмѣтить, что въ этихъ трудахъ прежде всего сказалось желаніе университетскихъ преподавателей дать средней школѣ болѣе подходящій матеріалъ, чѣмъ тотъ, который обыкновенно предлагается по грамматикѣ.

Если мы ознакомимся съ приведенными выше трудами, то легко убѣдимся, что нѣкоторые вопросы будутъ не по силамъ даже для учениковъ старшаго класса. Трудно, дѣйствительно, ввести учащагося во всю область научной мысли. Здѣсь также надо считаться съ „золотымъ" правиломъ, высказаннымъ еще въ 18 ст. — говорить правду, но правду не всю (т. е. предоставить будущему раскрыть всю область затронутаго предмета).

И вотъ, можно быть увѣреннымъ, что попытки ввести болѣе научное преподаванiе русскаго языка въ IV классѣ встрѣтятъ не особенно сочувственное отношенiе не только нашего общества, но даже очень и очень многихъ изъ преподавателей русскаго языка. И это отношенiе объясняется тѣмъ, что вообще къ научному изученiю языка у насъ не создалось благопрiятнаго общаго отношенiя: изученiе это представляется дѣломъ сухихъ спецiалистовъ. Конечно, нельзя винить и общество въ такомъ отношенiи, нельзя винить, потому что до сихъ поръ изученiе языка въ нашей средней школѣ давало главнымъ образомъ горькiе плоды.

Между тѣмъ, нельзя не привѣтствовать новой программы, потому что она даетъ возможность провести въ школу, дѣйствительно, такiя свѣдѣнiя, которыя, безспорно, являются очень полезными и которыя могутъ быть усвоены учащимися, поняты ими гораздо лучше, чѣмъ свѣдѣнiя по грамматикѣ даваемыя въ первыхъ трехъ классахъ. Если вдуматься въ новую программу, то можно понять ея цѣнность. Цѣнность тѣхъ свѣдѣнiй, которыя ею требуются, заключается въ ихъ жизненности. Для учащагося необходимо знать, что такое по существу своему русскiй языкъ, каковы особенности русской рѣчи народной, чѣмъ эта народная рѣчь отличается отъ языка литературнаго, какую службу сослужила она въ созданiи этого языка. Для учащагося, безспорно, должно быть полезнымъ знанiе тѣхъ главныхъ элементовъ, которые вошли въ русскую литературную рѣчь изъ древне-ц.-слав. языка. Преимущественная цѣнность этого курса предъ курсомъ первыхъ трехъ классовъ заключается именно въ его фактической сторонѣ. То отвлеченiе, которое требуется такъ называемой этимологiей и синтаксисомъ, иногда совершенно не по силамъ учащимся, само построенiе этихъ отвлеченiй, какъ показываетъ наука, дѣлается учебной

грамматикой неправильно. Учащійся не сознаетъ практическихъ результатовъ отъ изученія этимологіи и синтаксиса, кромѣ усвоенія нѣкоторыхъ отдѣловъ правописанія и умѣнія разстановки знаковъ. Здѣсь же при умѣлой постановкѣ дѣла практическіе результаты осязательны: учащійся знакомится съ законами языка, онъ объясняетъ себѣ то, чѣмъ онъ владѣетъ безсознательно. Тѣмъ болѣе, такимъ образомъ, мы вправѣ требовать, чтобы построеніе новыхъ учебниковъ для 4-го класса было таково, чтобы не уничтожена была цѣлесообразность новой программы.

Въ настоящее время вышло уже нѣсколько учебниковъ для 4-го класса. Вышелъ и учебникъ, составленный мною. Я позволю себѣ остановиться на учебникахъ, составленныхъ другими авторами, не съ цѣлью полнаго ихъ разбора, а съ цѣлью лишь отмѣтить ту разницу въ обработкѣ, въ методѣ постановки отдѣльныхъ вопросовъ и общаго плана, которая замѣчается въ моемъ учебникѣ и учебникахъ другихъ составителей. Подобный разборъ важенъ для насъ будетъ и въ томъ отношеніи, что онъ установитъ и методъ преподаванія. Кромѣ моего учебника, вышли въ свѣтъ въ настоящее время еще три учебника: профессоровъ Е. Ѳ. Карскаго и С. М. Кульбакина и извѣстнаго своими работами преподавателя А. В. Ветухова. Имена составителей таковы, что заставляютъ съ большимъ интересомъ приступать къ ознакомленію съ ихъ учебниками. Правда, прежде чѣмъ входить въ разборъ этихъ учебниковъ съ указанныхъ мною сторонъ, я долженъ сказать, что имѣется уже отзывъ обо всѣхъ названныхъ учебникахъ, въ томъ числѣ и о моемъ, принадлежащій перу М. А. Тростникова, извѣстнаго составителя учебниковъ для народной школы и методикъ русскаго языка. Отзывъ такого лица, конечно, имѣетъ огромное значеніе, какъ извѣстнаго теоретика и въ то же время практика-педагога[1]). Отсылая интересующихся къ этому отзыву, я перехожу къ собственнымъ замѣчаніямъ.

---

1) Уже послѣ прочтенія настоящей лекціи вышла въ свѣтъ въ Рус. Фил. Вѣстникѣ 1914 г. № 1 статья проф. Карскаго „Введеніе русской діалектологіи и исторіи русскаго языка въ среднюю школу“. Въ этой статьѣ авторъ останавливается на четырехъ разсматриваемыхъ мною учебникахъ. Общая характеристика, сдѣланная проф. К, такова съ научной точки зрѣніи: „Нельзя сомнѣваться въ научности сообщаемаго

Мы всѣ составители учебниковъ подошли къ выполненію своей задачи разно. Болѣе лишь сходства можно замѣтить только между учебниками профессоровъ Карскаго и Кульбакина.

Вотъ что говоритъ въ краткомъ предисловіи А. В. Ветуховъ: „Настоящій опытъ авторъ выпускаетъ въ свѣтъ сначала лишь въ первой части (теоретической), наиболѣе отвѣтственной, такъ какъ для 2-й части (образцы и примѣры) и матеріалъ указанъ отчасти программой Министерства Народнаго Просвѣщенія, да и имѣется онъ уже въ готовомъ видѣ, — необходимъ лишь вдумчивый, тщательный подборъ и такая же редакція его. Первая же часть должна явиться въ значительной мѣрѣ, — по крайней мѣрѣ по формѣ, по пріемамъ изложенія, — чѣмъ-то новымъ. Отношеніе къ этой части педагогическаго міра и вообще критики и читателей скажетъ, нужно ли выпускать въ свѣтъ 2-ю часть. Намъ она представляется связанной съ первою главнымъ образомъ единствомъ обложки — въ качествѣ одной цѣлой книги, что быть можетъ и съ технической стороны будетъ представлять менѣе удобствъ для пользующагося. Безъ нея 1-я часть легче (по доступности въ цѣнѣ и при маломъ объемѣ) можетъ пойти на широкій и разносторонній судъ общественный, столь важный и необходимый, когда замѣчается нѣчто, близко касающееся жизни школы, и особенно ея переустройства“. Какъ справедлива здѣсь мысль о томъ, что новой программой вносится нѣчто новое въ жизнь нашей школы, или, я бы выразился, должно

матеріала: если нѣкоторыя положенія въ названныхъ учебникахъ и могутъ вызывать возраженія, то это зависитъ отъ разныхъ точекъ зрѣнія на спорные вопросы“. Какъ на болѣе важную сторону, авторъ указываетъ на педагогическую пригодность, на необходимость разсмотрѣть съ этой точки зрѣнія, но, впрочемъ, самъ тотчасъ же говоритъ, что не берется вообще за разсмотрѣніе этихъ учебниковъ. Мотивируетъ это проф. К., тѣмъ, что онъ самъ является составителемъ одного изъ учебниковъ, и поэтому считаетъ неудобнымъ разбирать эти учебники, чтобы не оказать какого-либо вліянія на ученыхъ рецензентовъ, которымъ М. Н. П. поручило дать отзывы. На самомъ же дѣлѣ, отношеніе проф. К. къ тому или другому учебнику вскрываются вполнѣ ясно не столько въ прямыхъ его замѣчаніяхъ (о мелкихъ промахахъ и ошибкахъ), но въ выставляемыхъ пожеланіяхъ (напр. не надо давать того или другого, что дается въ томъ или др. уч., и пр.).

вноситься нѣчто новое, такъ какъ отъ исполнителей, собственно, зависитъ, будетъ ли внесено или останется нѣчто старое. Да, судъ общественный здѣсь важенъ, и важно, чтобы съ первыхъ же стадій выполненія программа не была испорчена для школы и для жизни. Не могу только согласиться, что вторая часть, которая не издана составителемъ, не представляетъ такого важнаго интереса, что она чисто внѣшнимъ образомъ соединяется съ первой, болѣе важной. Вторая часть, практическая, очень важна, и она стоитъ въ неразрывной связи съ первой, являясь для нея основаніемъ. Безъ второй части — первая, какъ зданіе безъ фундамента. Не единство, такимъ образомъ, обложки должно соединять эти двѣ части, а между ними должна быть внутренняя связь. Всю программу г. Ветуховъ выполняетъ на 11 страницахъ, затѣмъ на 14 страницахъ съ немногимъ у него выполняется программа для 4-го класса по теоріи словесности. Небольшая книжечка Ветухова, носящая очень красивое заглавіе: „Прошлое родного языка и основы строенія слова и рѣчи", заключаетъ всего около 26 страницъ. Краткость — это одна изъ лучшихъ сторонъ въ учебникахъ, но въ данномъ случаѣ краткость уже черезчуръ большая, заставляющая переходить къ конспективности изложенія, что дѣлаетъ учебникъ труднымъ для прохожденія. Именно желаніемъ сжать учебникъ, довести его до чрезмѣрной краткости я объясняю и трудный для пониманія языкъ. Не совладать, мнѣ думается, учащемуся съ такой конспективностью изложенія. Но я подчеркиваю здѣсь, что г. Ветуховъ вполнѣ правильно понялъ, что новый учебникъ долженъ вносить нѣчто новое въ жизнь нашей школы. Два другіе составители, проф. Карскій и проф. Кульбакинъ, иначе взглянули на дѣло: въ своихъ учебникахъ они возвращаютъ насъ къ прошлому — ихъ учебники собственно грамматики древне-ц.-славянскаго языка, а свѣдѣнія по языку русскому это небольшія введенія и послѣсловія. Проф. Карскій даже своему учебнику по русскому языку далъ двойное заглавіе (обозначивъ его и какъ 16 изданіе грамматики др.-ц.-слав. яз.). Относительно учебника проф. Кульбакина можно сказать, что этотъ учебникъ не только возвращаетъ къ прошлому, но курсъ др.-ц.-слав. яз. значительно даже увеличиваетъ различными подробностями. Я же ду-

маю, что нельзя оправдать такой точки зрѣнія, что, проводя въ жизнь эту точку зрѣнія, мы погубимъ съ самаго начала новое дѣло.

Теперь постараюсь обрисовать свою работу надъ составленіемъ учебника и тѣ руководящіе взгляды, которые легли въ основу этой работы. Я считаю одинаково важными — часть практическую въ видѣ образцовъ и часть теоретическую въ видѣ обобщеній тѣхъ фактовъ, которые наблюдаются въ приведенныхъ образцахъ. Теоретическая при этомъ часть должна охватывать матеріалъ нѣсколько больше, потому что взятая сама по себѣ она должна представить цѣльность. Правда, надо стараться, чтобы и подобранный матеріалъ въ практической части давалъ, какъ можно больше, особенно типичныхъ данныхъ для обрисовки языка и его исторіи.

Взявъ въ основу программу министерства народнаго просвѣщенія, я позволилъ себѣ въ выполненіи этой программы построить такой планъ: итти первоначально отъ наиболѣе типичныхъ особенностей народной русской рѣчи. Прежде всего занявшись подборомъ матеріала въ видѣ произведеній народнаго творчества, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что трудно подобрать выпуклыя и художественныя по содержанію произведенія, при томъ записанныя наиболѣе точно. Записи народныхъ произведеній не только прежде велись разно, но даже въ настоящее время мы не видимъ однообразія въ записяхъ: то, напр., пишутъ съ ъ, то безъ ъ, иногда одинъ и тотъ же записыватель одно и то же слово пишетъ разно. Прежнія записи были ведены не фонетически, записывалось, главнымъ образомъ, ради содержанія, въ этихъ собраніяхъ мы встрѣчаемъ, въ отличіе отъ современныхъ болѣе фонетическихъ записей, произведенія наиболѣе художественныя. Пришлось заимствовать нѣкоторые разсказы изъ прежде изданныхъ сборниковъ, но измѣнить фонетическую сторону передаваемыхъ разсказовъ. Я считалъ необходимымъ наряду съ теоретической частью, освѣщающей изданные отрывки народной рѣчи, издать карту, на которой бы ясно было вычерчено положеніе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій. О картѣ этой и сопряженныхъ съ выработкой ея затрудненіяхъ буду говорить дальше. Я думалъ и думаю, что въ этой же первой теоретической части, послѣ обри-

совки отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, удобнѣе было бы говорить объ единствѣ всего русскаго языка и въ общемъ сказать объ отношеніи къ другимъ славянскимъ языкамъ и о постепенномъ развитіи русскихъ нарѣчій. Объ этомъ вопросѣ надо сказать въ самыхъ общихъ чертахъ, но на ряду съ этимъ же дать опять-таки наглядное представленіе учащимся въ видѣ картъ — поселенія современнаго славянства и разселеніе славянскихъ племенъ, языкъ которыхъ далъ впослѣдствіе нашу народную рѣчь.

Вторая часть моего учебника также представляется центральной и по мѣсту и по числу страницъ. Она посвящена древне-церковно-славянскому языку, но главнымъ образомъ какъ первому литературному языку древней Руси. Я долженъ былъ, конечно, дать въ извѣстной цѣльности свѣдѣнія о древне-ц.-слав. языкѣ, но, гдѣ только возможно, я и въ этой части исходилъ изъ русскаго языка. Я старательно выдвигалъ данныя древне-ц.-слав. языка не для изученія его самого по себѣ, а для освѣщенія фактовъ исторіи русскаго языка и русскаго просвѣщенія. Поэтому я смотрю на 2-ю часть своего учебника какъ на связанную тѣсно съ первой и послѣдней частями. Въ ней я именно хочу показать, какимъ былъ этотъ первый письменный языкъ въ древней Руси, и послѣ выясненія этого вопроса уже подхожу къ 3-й части, которая посвящена вопросу о возникновеніи и развитіи русскаго литературнаго языка съ оригинальными русскими чертами, съ основой уже изъ народнаго русскаго языка.

Для того, чтобы лучше оттѣнить разницу въ произношеніи южно-великорусскаго и сѣверно-великорусскаго поднарѣчій, я взялъ близкіе по содержанію тексты — изъ разсказовъ объ Ильѣ Муромцѣ. Приступая къ чтенію этихъ образцовъ, надо прежде всего обратить вниманіе учащихся на разницу въ правописаніи народной рѣчи и рѣчи литературной. Здѣсь придется войти въ объясненіе, что такое письмо фонетическое и историко-этимологическое. Нѣтъ нужды, конечно, прибѣгать непремѣнно къ этимъ терминамъ — можно ихъ замѣнить „звуковое“ и „незвуковое“, указавъ, конечно, что теперь незвуковое ранѣе былъ также звуковымъ. Обращаю вниманіе на то, что при передачѣ образцовъ народной рѣчи, я не употреблялъ ъ, потому что

при малѣйшемъ приближеніи къ фонетическому письму, конечно, надо пропускать этотъ знакъ.

Возьмемъ любой текстъ народной рѣчи, для примѣра, изъ приведенныхъ мною, и мы увидимъ, что ограничиться тѣми только указаніями, которыя выдвинуты объяснительной запиской къ программѣ невозможно.

Вотъ указанія объяснительной записки: „При прохожденіи перваго отдѣла программы по русскому языку слѣдуетъ остановиться на немногихъ, самыхъ существенныхъ звуковыхъ и формальныхъ особенностяхъ, которыми характеризуются русскія нарѣчія и важнѣйшіе русскіе говоры. Говоря о великорусскомъ нарѣчіи, можно указать на переходъ **е** въ **о** въ такихъ словахъ: с е л о, п л е л ъ, на окончаніе **а** въ именительномъ пад. множ. ч. муж. р. (л ѣ с а, п р о ф е с с о р а), на окончаніе **ой** въ имен. муж. р. ед. ч. прилагательныхъ (с л ѣ п о й). Далѣе слѣдуетъ сообщить о дѣленіи великорусскаго нарѣчія на поднарѣчіе сѣверное (окающее) и южное (акающее). Изъ особенностей перваго достаточно указать на произношеніе **о** и **е** въ неударяемыхъ слогахъ х о р о ш о, ж о н а и пр.), на мѣну **ц** и **ч**, на **и** вмѣсто **ѣ** (на с и н и), на **тъ** въ 3 лицѣ глаголовъ. Изъ особенностей акающаго поднарѣчія желательно остановиться прежде всего на произношеніи неударяемыхъ гласныхъ, затѣмъ отмѣтить **h** вмѣсто **г**, мѣну **у** и **в** и, наконецъ, **ть** въ 3-мъ лицѣ глаголовъ“.

Примѣняя эти указанія къ текстамъ, мы видимъ, что придется упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ для выясненія разницы съ литературнымъ языкомъ, напр., объ измѣненіи согласныхъ звонкихъ предъ незвонкими или измѣненіи на концѣ словъ этихъ согласныхъ (впрочемъ, это измѣненіе происходитъ также часто въ зависимости отъ послѣдующаго слова). Не можемъ же мы при передачѣ народнаго произведенія въ той внѣшней формѣ, какъ эта форма существуетъ на самомъ дѣлѣ, производить какія либо подновленія. Правда, подобное стремленіе подогнать текстъ народной рѣчи къ литературному правописанію мы имѣемъ въ учебникѣ проф. Кульбакина, но подобное измѣненіе не представляется мнѣ возможнымъ. Слѣдовательно, пришлось бы оставить нѣкоторыя явленія языка безъ объясненія. Въ приведенномъ мною текстѣ встрѣчаются, напр., такія напи-

санія: „ношки (вм. ножки), шьто (вм. что)“ и пр. Руководясь указаніемъ объяснительной записки, впрочемъ, думается, можно вносить подобныя отличія, такъ какъ объяснительная записка вовсе не имѣла въ виду дать указанія относительно всѣхъ особенностей, тѣмъ и объясняется ея выраженіе „можно“. Указанія, такимъ образомъ, приведены только для примѣра, для образца характера тѣхъ особенностей, о которыхъ долженъ говорить учебникъ. Поэтому, мнѣ кажется, напр., неправъ составитель, который, минуя духъ объяснительной записки, сталъ бы слѣпо лишь слѣдовать за порядкомъ и числомъ ея указаній. Подобное отношеніе нахожу въ учебникѣ проф. Кульбакина. Проф. Кульбакинъ, руководясь упомянутыми указаніями объяснительной записки, измѣняетъ въ приведенныхъ текстахъ типичныя особенности нарѣчій, измѣняетъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ находитъ въ подлинникахъ, изъ которыхъ онъ эти тексты беретъ. Такъ, напр., въ хрестоматіи Дурново и Ушакова, вполнѣ соотвѣтственно народному говору (южновеликорусскому), напечатано: яѣткими (т. е. переходъ **д** въ **т**), фпирёт (т. е. впередъ), и пр. и пр. Кульбакинъ измѣняетъ всѣ эти и подобныя формы на орѳографическія литературныя формы. Спрашивается, зачѣмъ же такое искаженіе? Вѣдь, мы же должны знакомить учащихся съ настоящими народными говорами, а не фальсифицированными. Слѣдованіе не духу записки, а лишь слѣдованіе чисто внѣшнее заставило проф. Кульбакина впасть въ большую ошибку и въ теоретической части курса. Естественно, что сводя факты наблюденій надъ текстами, какъ требуетъ вполнѣ раціонально объяснительная записка, мы должны остановиться на такихъ общихъ положеніяхъ, которыя ярко характеризовали бы намъ нарѣчія. Указавъ на разновидности русскаго языка, надо, конечно, остановиться прежде всего на самой крупной разновидности — на великорусскомъ нарѣчіи и указать на двѣ большія части этой разновидности — сѣверно-великорусское и южно-великорусское поднарѣчія. Что же мы видимъ у проф. Кульбакина: на стр. 3, гдѣ дается въ началѣ характеристика нарѣчій, говорится о томъ, что „великоруссы говорятъ: злóй, худóй, слѣпóй, золотóй, молодóй, дорогóй...“. Такимъ образомъ, у учащагося составляется уже представленіе объ одной, повидимому, самой главной особенно-

сти (такъ какъ она стоитъ на первомъ планѣ) великорусскаго всего нарѣчія, но на слѣдующей же страницѣ ученикъ читаетъ: „въ южно-великорусскомъ нарѣчіи акаютъ, т. е. произносятъ: вада...“, нѣсколько далѣе, что неуд. о въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ какой-то неясный звукъ; какъ же, задастъ себѣ вопросъ внимательный ученикъ, произносятъ здѣсь: золотой, дорогой, и др. подобныя слова, о которыхъ ранѣе говорилось, что великоруссы произносятъ ихъ: золотой, дорогой и пр. безъ измѣненія гласныхъ? Недоумѣніе учащагося въ данномъ вопросѣ будетъ развиваться и дальше, когда онъ будетъ читать строки на стр. 10, посвященныя „языку образованнаго русскаго общества“. Приведемъ цитату изъ учебника: „Ясно, что языкъ этотъ — ближе всего къ великорусскому нарѣчію, что въ его основѣ лежитъ великорусское нарѣчіе: мы говоримъ — слѣпой, крою, мой, бей, города, въ рукѣ и т. д. Какъ и въ южно-великорусскомъ нарѣчіи, въ языкѣ русскаго образованнаго общества замѣчается аканье: вада, нага, карова“... Что же это такое? Мы говоримъ: города, слѣдовательно безъ аканья, затѣмъ мы произносимъ: вада, слѣдовательно съ аканьемъ. Все это, такъ непослѣдовательно изложенное, сравнимъ опять съ тѣмъ, что говорилось о произношеніи у всѣхъ великоруссовъ.

Можно было бы привести еще рельефные примѣры подобнаго же изложенія матеріала въ учебникѣ профессора Кульбакина, матеріала, который по своей трудности пониманія для учащихся требовалъ бы самой тщательной отдѣлки, а не былъ бы представленъ въ такомъ видѣ, что вносилъ бы путаницу въ головы учащихся. Въ связи съ тѣмъ же аканьемъ, можно указать, что на страницѣ 3 проф. Кульбакинъ отмѣчаетъ, что неударяемое **о** у бѣлоруссовъ произносится какъ **а** — все это опять въ противоположность великорусскому нарѣчію (слѣдовательно, опять-таки создается неправильное представленіе объ отношеніяхъ великорус. и бѣлорусскаго нарѣчій).

Обратимся теперь далѣе къ объяснительной запискѣ. „Характеризуя бѣлорусское нарѣчіе, необходимо указать на **дз** и **ц** вмѣсто **д** и **т** мягкихъ (дзенги, цетки), и твердое **р** (трапка, румка), Изъ отличительныхъ особенностей малорусскаго языка (нарѣчія) слѣдуетъ остановиться на **і** и дву-

звучіяхъ вмѣсто нашихъ **о** и **е** (вілъ, пічь, вуолъ, пiечь) и на твердости согласныхъ передъ **и** и **е** (сэстра, ходыти). Разсматривая бѣлорусское нарѣчіе, важно указать на сходство его съ южно-великорусскими говорами (аканье, **г**—**h**). Разсматривая малорусское нарѣчіе, желательно сопоставить его съ окающимъ великорусскимъ, а также съ бѣлорусскимъ и акающимъ великорусскимъ (указать на **г**—**h**, мѣну **у** и **в**, аканье, **ѣ**—**и**). Такое сопоставленіе наглядно покажетъ близость русскихъ нарѣчій одного къ другому".

Вотъ тѣ еще указанія, которыя даются объяснительной запискою относительно характеристики народныхъ нарѣчій. Безспорно, указано самое характерное, но при изложеніи на эти указанія надо смотрѣть, все же, какъ на примѣрныя указанія. Иначе задача составителя учебника состояла бы въ томъ лишь, чтобы перепечатать эти указанія, разбавивъ ихъ соотвѣтствующими примѣрами. Руководясь желаніемъ освѣтить приведенные тексты, приходится остановиться еще и на другихъ особенностяхъ, которыя не обременятъ учащихся уже потому, что могутъ представить интересъ при сравненіи народныхъ нарѣчій съ русскимъ литературнымъ языкомъ, при выясненіи отношенія письменнаго языка къ его произношенію.

Я упомянулъ, напр., объ особенности, которая сказалась на первыхъ же порахъ въ приведенныхъ текстахъ — переходѣ согласныхъ. Этотъ вопросъ, вѣдь, можетъ дать любопытный матеріалъ для выясненія того, что мы говоримъ и пишемъ неодинаково, отчего это зависитъ, какія соотвѣтствія находятся въ нашихъ говорахъ. Спрашивается, какое же научное освѣщеніе вопросовъ будетъ, если мы, вмѣсто выясненія подобныхъ вопросовъ, возьмемъ да измѣнимъ текстъ народной рѣчи, приблизивъ его къ несуществующему уже теперь и въ литературной рѣчи произношенію. А, вѣдь, при прохожденіи нашего курса ставятся объяснительной запиской слѣдующія цѣли, какъ показываютъ дальнѣйшія слова этой записки: „при прохожденіи ея части курса, въ которой даются сопоставленія съ древне-ц.-слав. языкомъ, уясняется более научно элементарный курсъ русской грамматики". И эта бо́льшая научность должна преслѣдоваться, конечно, и въ другихъ частяхъ даннаго курса.

Совершенно противъ педагогическихъ требованій и противъ требованій объяснительной записки то своеобразное пе-

чатаніе текстовъ, какое находимъ у проф. Кульбакина. Педагогическія требованія состоятъ въ томъ, чтобы предъ учащимся давалось ясное и точное представленіе излагаемаго, объяснительная записка требуетъ, чтобы особенности народныхъ нарѣчій не заучивались, а выводились изъ образцовъ. Спрашивается, какъ же выполнитъ послѣднее требованіе учащійся, если ему будутъ даны записи, не воспроизводящія особенностей этой рѣчи, а только предъ записями будетъ указано нѣсколько правилъ, о томъ, что читай не такъ, какъ написано, а такую-то букву замѣняй другой; придется во первыхъ замѣчать заранѣе указанныя особенности, а затѣмъ ихъ примѣнять. Въ данномъ случаѣ проф. Кульбакинъ шелъ совершенно противъ основательныхъ требованій объяснительной записки. Интересно сравнить отрывки, приведенные у проф. Кульбакина и у проф. Карскаго по бѣлорусскому нарѣчію (разсказъ о медвѣдѣ и крестьянинѣ, приведенный у того и другого составителя учебниковъ).

У проф. Кульбакина:

Жиў собѣ дзѣдъ и баба и была
у ихъ кобылка; пошо́ў дзѣдъ у
поля орацъ. Орэ́цъ, а кобылка
прыстае́цъ. Дзѣдъ подhо-
[ня́ецъ и
крычыцъ: „но, кабъ це мядзь-
[вѣцъ узяў“.
За́разъ и прышоў мядзьвѣцъ:
[ты, дзѣцька, казаў,
кабъ я кобылу узяў?

У проф. Карскаго:

Жыў сабѣ дзѣтъ и ба́ба, и была́
у ихъ кабы́лка. Пашо́у дзѣтъ
у по́ля ара́цъ. Аре́цъ, а ка-
[бы́лка
прыстае́цъ. Дзѣтъ падганя́ицъ
[и
крычыцъ: но, капъ це мядзь-
[вѣ́цъ“!
За́расъ и прышо́у мядзьвѣцъ:
[„Ты, дзѣ́цька, каза́ў,
капъ я кабы́лку узя́ў?“

Проф. Карскому не зачѣмъ было прибавлять: „неударяемое о произносится...“, потому что приведенный имъ текстъ, дѣйствительно, даетъ представленіе о бѣлорусскомъ нарѣчіи, на его текстѣ ученикъ можетъ продѣлать ту работу, которая предполагается объяснительной запиской, надъ образцомъ же въ учебникѣ проф. Кульбакина этой работы продѣлать нельзя.

Будучи противъ приведенія текстовъ народной рѣчи

по уѣздамъ или отдѣльнымъ какимъ-либо мѣстностямъ, я противъ и перечисленія въ теоретической части губерній, въ которыхъ слышится то или другое нарѣчіе. Въ данномъ случаѣ для лучшаго оріентированія въ общемъ положеніи нашихъ нарѣчій можетъ служить карта, на которой надо стараться болѣе или менѣе въ яркомъ представленіи дать этотъ отвѣтъ. Тѣмъ болѣе, что и сама объяснительная записка указываетъ: „территоріальное распредѣленіе русскихъ нарѣчій, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, преподаватель указываетъ на картѣ“. Если допускается общее лишь указаніе по картѣ, то тѣмъ болѣе, если имѣется вычерченная въ данномъ направленіи карта, совершенно нѣтъ надобности въ деталяхъ опредѣлять мѣстности, гдѣ господствуетъ то или другое нарѣчіе. Поэтому я не могу согласиться съ постановкой даннаго вопроса въ учебникѣ проф. Карскаго, гдѣ дается именно такое подробное указаніе на границы русскихъ нарѣчій. У проф. Карскаго даются очень подробныя указанія на этотъ счетъ, и эти указанія дѣлаются тѣмъ болѣе затруднительными для ихъ не только запоминанія, но даже для того, чтобы возсоздать по нимъ извѣстныя очертанія, затруднительны, потому что нѣтъ соотвѣтствующей карты нарѣчій.

Я приведу мѣста изъ учебника Карскаго, касающіяся опредѣленія границъ великорусскаго нарѣчія и другихъ нарѣчій— это будетъ нагляднымъ образчикомъ сказаннаго, и затѣмъ — для насъ опредѣленія эти будутъ полезны. „Границами великорусскаго нарѣчія на сѣверѣ Европы служитъ Ледовитый океанъ, при чемъ великорусская рѣчь здѣсь прерывается рѣчью народовъ финскаго племени (зырянъ, самоѣдовъ и др.). Съ запада, начиная отъ С.-Петербурга, граница идетъ до устья р. Наровы, затѣмъ по этой рѣкѣ и оз. Чудскому, далѣе по западной границѣ Псковской губ. почти до Витебской. Здѣсь она поворачиваетъ на востокъ, отдѣляя великорусское нарѣчіе отъ бѣлорусскаго. Вслѣдствіе смѣшаннаго характера пограничныхъ говоровъ южную границу великорусскаго нарѣчія опредѣлить точно довольно трудно. Приблизительно ее можно провести такъ: сначала по юго-западной границѣ Псковской г., далѣе по южнымъ ея частямъ, не доходя границы Витебской г., такъ какъ части уѣздовъ Опочецкаго, Торопецкаго и Великолуцкаго уже въ области

бѣлорусскихъ говоровъ; затѣмъ граница идетъ по Тверской г., при чемъ южная часть Осташковскаго у. и юго-западная Ржевскаго представляютъ особенности бѣлорусской рѣчи; затѣмъ по Смоленской губ. граница спускается на югъ, гдѣ въ уѣздахъ Сычевскомъ, Гжатскомъ, Юхновскомъ и Вяземскомъ говорятъ по-великорусски. Идя дальше на югъ, граница великорусскаго нарѣчія направляется по самой западной части Калужской г., по сѣверо-западному углу Орловской и достигаетъ сѣверо-восточной окраины Черниговской; далѣе граница идетъ на востокъ по Курской г., гдѣ въ южныхъ окраинахъ есть уже малоруссы; сѣверная половина Воронежской г. тоже занята великоруссами; въ Области Войска Донского великорусскія поселенія по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ и вообще по Дону и къ востоку отъ нижняго Донца, хотя здѣсь кое-гдѣ живутъ и малоруссы; затѣмъ съ разными перерывами граница великорусскаго племени достигаетъ устьевъ р. Волги и Урала. Много великоруссовъ въ Сибири (по торговымъ пунктамъ, а также въ качествѣ поселенцевъ и добровольныхъ переселенцевъ), по р. Тереку на сѣв. Кавказѣ, въ восточной части Харьковской г. и отчасти въ Новороссіи. Наконецъ, великорусская рѣчь (въ видѣ литературной) слышится на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи въ устахъ образованнаго класса общества, преимущественно въ городахъ" (стр. 3). „Бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ область, лежащую къ югозападу отъ великорусскаго нарѣчія. Сѣверо-восточная его граница отъ юга Псковской и до Черниговской губерніи уже обозначена при указаніи юго-западной границы великорусскаго нарѣчія. На югѣ бѣлоруссы соприкасаются съ малоруссами. По Черниговской г., начиная примѣрно отъ Новгородъ-Сѣверска, граница идетъ на западъ черезъ Городню до Любеча на Днѣпрѣ, затѣмъ спускается внизъ по Днѣпру до границы Минской г. съ Кіевской, захватывая весь Рѣчицкій у. въ бѣлорусскую область; отъ Мозыря она направляется по р. Припяти на западъ до границы Пинскаго у.; отсюда примѣрно по р. Цнѣ граница идетъ въ сѣв.-западномъ направленіи къ Щарѣ, далѣе параллельно московско-варшавскому шоссе до границы Пружанскаго у. Гродн. г., затѣмъ сѣвернѣе г. Пружанъ черезъ Шерешево, Бѣловѣжъ по р. Наревкѣ и р. Нареву; отъ м. Суража къ западу отъ Бѣлостока почти по

прямой линіи на сѣверъ до г. Августова Сувалк. г. Сѣверозападная граница, начиная отъ Августова сначала ломанной линіей идетъ на востокъ по Августовскому уѣзду, Гродненскому, Лидскому и Ошмянскому, а затѣмъ не доходя Вильны съ югозапада, запада и сѣверовостока верстъ на 30—40, въ Свенцянскомъ у. переходитъ почти въ сѣверное направленіе къ Зап. Двинѣ у г. Двинска. По Двинѣ она идетъ на востокъ до м.-Придруйска, а отсюда ломанной линіей на сѣверъ по уѣздамъ Дриссенскому и Люцинскому до Псковской г.“ (6).

„Малорусское нарѣчіе лежитъ къ югу отъ бѣлорусскаго и великорусскаго. Поэтому граница его на сѣверѣ намъ уже извѣстна: идетъ она по губерніямъ Гродненской, южной части Минской, по Черниговской, сначала соприкасаясь съ бѣлорусскими, а затѣмъ съ южно-великорусскими говорами; съ послѣдними малорусскіе говоры граничатъ по губ. Курской, Воронежской, заходятъ въ Область Войска Донского; затѣмъ спускаются на югъ приблизительно къ устью Донца; здѣсь, впрочемъ, въ перемежку съ малоруссами въ значительномъ количествѣ живутъ и великоруссы; такъ граница доходитъ до Таганрога и Ростова на Дону, затѣмъ идетъ по восточной сторонѣ Азовскаго моря до средней Кубани, далѣе по этой рѣкѣ къ юго-западу и доходитъ до Чернаго моря. Въ Таврической губ. почти нѣтъ малоруссовъ. Отъ устья Днѣпра къ сѣверу опять малоруссы и здѣсь достигаютъ до Днѣстра и отчасти Прута, соприкасаясь съ румынами; далѣе малоруссы переходятъ за Карпаты, гранича съ мадьярами, и здѣсь достигаютъ верховьевъ Тиссы. Затѣмъ западная граница идетъ сначала со словаками и поляками въ Галиціи, а потомъ съ поляками въ Россіи по губерніямъ Холмской и Люблинской“ (7).

Уже одна эта передача можетъ вполнѣ убѣдить, что въ такихъ размѣрахъ нельзя дать опредѣленія для учащихся IV класса границъ русскихъ нарѣчій. Подобное опредѣленіе могло лечь въ основу лишь карты, но не быть даннымъ само по себѣ. Спрашивается, что съ нимъ дѣлать преподавателю и ученику — отмѣчать по обыкновенной географической картѣ, но это трудъ очень большой, а затѣмъ и продѣлавъ этотъ трудъ, мы вовсе не можемъ себѣ сразу представить наглядно нужную картину.

Приведенныя опредѣленія можно лишь признать цѣлесообразными въ сокращеніи при картѣ и то въ качествѣ примѣчанія.

Но съ другой стороны, такая карта и такія предварительныя объясненія, которыя мы находимъ у проф. Кульбакина, не могутъ быть одобрены ни съ научной ни съ дидактической точекъ зрѣнія. На картѣ мы имѣемъ обозначенными различными красками: сѣверно-великорусское, южно-великорусское, малорусское, бѣлорусское нарѣчія, великорусскіе переходные говоры и малоруссы въ смѣшеніи съ другими народностями. Прежде всего нѣтъ цѣльности въ дѣленіи: почему на общей картѣ нарѣчій вдругъ поставлены только великорусскіе переходные говоры, какъ будто бы нѣтъ переходныхъ говоровъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Такое выдѣленіе великорусскаго нарѣчія съ переходными говорами представляется совершенно недопустимымъ. Получается неточное представленіе объ общей схемѣ нарѣчій; это неточное представленіе усиливается еще тѣмъ, что обозначая переходные говоры, обозначая также въ сплошномъ залитомъ сѣверно-великоруссами пространствѣ довольно большое мѣсто поселеній южно-великоруссовъ, составитель не обратилъ вниманія на необходимость обозначенія малорусскихъ говоровъ, раскинувшихся на большомъ пространствѣ среди великорусскаго поселенія, и говоровъ великорусскихъ среди поселеній малорусскихъ. Стоитъ взять то опредѣленіе, которое мы находимъ у проф. Карскаго, относительно границъ и поселеній, примѣнить къ картѣ, приложенной къ учебнику проф. Кульбакина, чтобы убѣдиться въ полной ея несостоятельности. Въ предисловіи къ своему учебнику проф. Кульбакинъ говоритъ: „Въ приложенную къ учебнику карту русскихъ нарѣчій внесены, съ разрѣшенія Н. Н. Дурново, нѣкоторыя измѣненія, имѣющіяся въ виду въ изготовляемой въ настоящее время діалектологической картѣ русскаго языка, издаваемой Московской Діалектологической Комиссіей“ (VIII). Изъ этихъ словъ выходитъ какъ будто бы, что карта должна быть изготовлена со всей научной точностью, за это говоритъ упоминаніе о работахъ Діалектологической комиссіи, при томъ работахъ еще необнародованныхъ — тѣмъ цѣннѣе, такимъ образомъ, должно быть для незнакомыхъ еще съ результатами этой работы. На самомъ

дѣлѣ, не зная работы, какъ оказывается, на основанiи существующаго матерiала можно составить карту гораздо болѣе точную, чѣмъ то находимъ здѣсь. Да и признаковъ и стремленiя къ точности здѣсь и помину нѣтъ. Какая же это точность, если взять закрасить сплошь краской пространство, не указавъ ни инородческихъ поселенiй, не указавъ на различныя сплетенiя самихъ русскихъ нарѣчiй, не обозначивъ русскiя нарѣчiя тамъ, гдѣ они имѣются. Затѣмъ изъ приведенныхъ словъ совершенно неясно, кто составлялъ карту. Повидимому, составлялъ проф. Кульбакинъ и только измѣненiя внесены благодаря разрѣшенiю Н. Н. Дурново изъ работъ комиссiи. Но кто знаетъ „Народную Энциклопедiю" изданную харьковскимъ обществомъ грамотности, тотъ въ картѣ, приложенной къ учебнику проф. Кульбакина, узнаетъ, какъ основу, карту Н. Н. Дурново, приложенную въ упомянутомъ сборникѣ (т. VII).

Если отъ карты мы перейдемъ къ § 3 учебника, гдѣ говорится о границахъ русскихъ нарѣчiй (къ каковому § карта и приложена), то здѣсь мы не видимъ даже ни намека на переходные говоры, о переходныхъ говорахъ уже говорится значительно дальше. Спрашивается, удобно ли въ дидактическихъ цѣляхъ подобная постановка?

Смотря на карту, приложенную къ учебнику проф. Кульбакина, учащiйся получитъ совершенно неправильное представленiе о распредѣленiи русскихъ нарѣчiй, потому что это распредѣленiе представляется въ видѣ какихъ-то сплошнымъ образомъ заселенныхъ пространствъ.

Надо также обратить вниманiе на слѣдующiя крупныя неточности: переходные говоры великорусскiе не отмѣчены въ Казанской г., а между тѣмъ ихъ надо здѣсь отмѣтить; какъ и въ Поволжьѣ, здѣсь эти переходные говоры результатъ колонизацiоннаго движенiя. Впрочемъ, повидимому, это проф. Кульбакину совершенно неизвѣстно. Даже болѣе того, судя по тексту въ его учебникѣ, ему неизвѣстно, что переходные говоры великорусскiе имѣются въ Новгородской г., въ значительной части г. Тверской, въ г. Нижегородской, а также Симбирской. Такъ въ примѣчанiи на стр. 6 проф. Кульбакинъ говоритъ: „такiе переходные говоры находимъ въ значительной части Московской губернiи, въ сѣверной части Рязанской, въ Тамбовской, Пензенской, Владимирской,

Псковской губерніяхъ и въ Поволжьи". Какъ объяснить подобныя слова, если на картѣ, приложенной къ учебнику Кульбакина, мы видимъ совсѣмъ не то: обозначены переходными говорами и другія мѣста (кромѣ Казанской и Симбирской гг.). Странное несовпаденіе текста съ картой, съ одной стороны, и съ другой — нѣсколько менѣе непонятное необозначеніе нѣкоторыхъ мѣстъ на картѣ. Представимъ теперь положеніе ученика, который будетъ исходить изъ данныхъ карты и захочетъ перечислить мѣста переходныхъ говоровъ. Сдѣлаетъ онъ эту работу съ полной добросовѣстностью, но вдругъ найдетъ въ примѣчаніи въ учебникѣ также подведеніе итоговъ, только совсѣмъ другое!

Въ объяснительной запискѣ не указано на необходимость приложенія къ учебнику карты нарѣчій. Составитель записки не хотѣлъ, очевидно, затруднять составителей учебниковъ требованіемъ этого приложенія, безспорно очень полезнаго. Но если составитель учебника даетъ карту, то онъ долженъ использовать въ ея исполненіи требованія научности и требованія дидактическія, иначе лучше никакой карты къ учебнику не прилагать.

Я уже замѣтилъ о нѣкоторыхъ крупныхъ недостаткахъ, обнаруживавшихся въ изложеніи первыхъ же страницъ въ учебникѣ проф. Кульбакина. Но этихъ недостатковъ еще очень много, притомъ недостатки такого характера, что должны вредно отзываться на учащихся.

Начиная характеризовать русскія нарѣчія, проф. Кульбакинъ, какъ сказано было, относительно всѣхъ великоруссовъ выразился, что произносятъ они: золото́й, дорого́й и пр.; говоря о бѣлорусскомъ нарѣчіи, онъ въ началѣ же упомянулъ, что неударяемое **о** у бѣлоруссовъ произносится какъ **а**, поэтому характеризуя особенности этого нарѣчія, проф. К. допускалъ написанія: поясы́, (вмѣсто паясы́) и пр.; такимъ образомъ, предоставляя самимъ учащимся въ умѣ уже производить работу, замѣтивши указанное положеніе, черезъ нѣсколько страницъ (напр., 7 стр.) онъ уже пишетъ: паѣздимо, дакупимо, и рядомъ съ этимъ носимо и пр., затѣмъ нѣсколько далѣе: чалавѣче и пр. Въ текстахъ же снова указывается, что неударяемое **о** надо читать какъ **а**, слѣдовательно опять работа, совершенно напрасная для учащагося. Надо помнить также, что отсутствіе написаній,

отсутствіе, такимъ образомъ, зрительныхъ ощущеній должно вліять на ослабленіе представленія о самихъ звукахъ. Нельзя затѣмъ быть и непослѣдовательнымъ. Такая же непослѣдовательность въ обозначеніи неударяемаго **е**. Надо быть послѣдовательнымъ въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ и въ общихъ положеніяхъ. Спрашивается, почему же не распространить указаній о передачѣ произношенія неударяемыхъ гласныхъ и въ другихъ случаяхъ. Было бы послѣдовательнѣе и можно было бы напечатать какой-либо одинъ текстъ, затѣмъ сдѣлать общія указанія на отличія русскихъ нарѣчій, заставить учащагося замѣтить эти отличія и затѣмъ примѣнить къ тексту — и изъ одного текста получилось бы возможнымъ дать образцы всѣхъ русскихъ нарѣчій! Та же самая непослѣдовательность въ такихъ случаяхъ, какъ постановка **ъ** въ текстахъ. Въ однихъ случаяхъ проф. Кульбакинъ ставитъ это **ъ**, напр. въ образцахъ велик. и бѣлор., въ малорус. — же нѣтъ. Надо было бы, если имѣются основанія, объяснить эту непослѣдовательность. Если на отсутствіе въ малорус. отразилась транскрипція въ современномъ литературномъ малорус. языкѣ, то въ другихъ случаяхъ эта транскрипція (напр., относительно замѣны е-э) измѣняется. Затѣмъ, относительно записи народ. говоровъ: у насъ теперь болѣе склонны записывать безъ **ъ**, такъ какъ это приближаетъ къ фонетическому воспроизведенію. Вообще, въ данномъ случаѣ учащійся останется въ полномъ недоумѣніи, почему въ однихъ образцахъ употребляется **ъ**, почему его нѣтъ въ другихъ мѣстахъ.

Впрочемъ, и въ образцахъ великорус. нарѣч. въ текстѣ учебника К. попадаются случаи безъ **ъ** (5 стр). Между тѣмъ на употребленіи и неупотребленіи этого знака надо было бы остановиться даже для того, чтобы объяснить приведенный проф. Кульбакинымъ переходъ въ великорусскомъ нарѣчіи **г** (на стр. 5). Если мы будемъ оставлять подобные вопросы безъ вниманія, если мы будемъ относиться къ нимъ механически, то пропадетъ всякое значеніе изученія фактовъ языка. Эти, вѣдь, факты должны быть научно освѣщаемы и освѣщеніе въ данномъ случаѣ было бы вполнѣ возможно для учащихся. Изъ этого освѣщенія вытекало бы, что при записяхъ фонетическихъ незачѣмъ ставить **ъ**, которое у насъ сохраняется уже какъ пережитокъ.

Въ своихъ замѣчаніяхъ я касаюсь пока лишь образцовъ и первыхъ страницъ учебника Кульбакина, тѣхъ положеній, которыя касаются объясненія текстовъ народной рѣчи. На 10 страницахъ, посвященныхъ обрисовкѣ русскихъ нарѣчій, есть свѣдѣнія совершенно ненужныя — детали относительно произношеній въ той или другой мѣстности, почти страница мелкой печати посвящена переходамъ **в** и **л** въ русскихъ нарѣчіяхъ, а между тѣмъ, какъ уже было замѣчено, о нѣкоторыхъ крупныхъ особенностяхъ совсѣмъ неупомянуто (о переходахъ согласныхъ), невыясненными на первыхъ порахъ являются нѣкоторыя какъ бы вскользь брошенныя замѣчанія (напр.: г, какъ согласный длительный или мгновенный, падежъ мѣстный и пр.).

Я уже высказалъ нѣкоторыя замѣчанія относительно положеній въ учебникѣ проф. Карскаго. Учебникъ проф. Карскаго начинается съ выясненія такихъ общихъ вопросовъ: 1. Индоевропейская семья языковъ, 2. Славянскіе языки, 3. Древній церковно-славянскій языкъ, 4. Русскій языкъ, 5—8. Великорусское нарѣчіе, 9 Бѣлорусское нарѣчіе, 10. Малорусское нарѣчіе.

Мнѣ кажется, что такой порядокъ изложенія не можетъ такъ выяснить учащемуся затронутые вопросы, какъ если мы возьмемъ порядокъ изложенія противоположный: исходить отъ извѣстнаго, болѣе понятнаго къ неизвѣстному, менѣе понятному. Исходя отъ русскаго языка, мы можемъ дать лучшее представленіе для учащагося. Вѣдь, говоря объ индоевр. семьѣ языковъ, надо было бы упомянуть о языкахъ германскихъ, романскихъ и пр., слѣдовательно еще осязательнѣе надо было сначала ознакомить съ ними; затѣмъ учащійся не можетъ еще представить себѣ съ ясностью отношеніе языка древне-ц.-слав., а тутъ вдругъ къ тому же прочитаетъ: „этотъ языкъ древнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ языковъ . . .“ Для него будетъ совсѣмъ непонятна слѣд. фраза (или она введетъ его въ совершенно неправильное освѣщеніе): „та и другая (т. е. русская литературная и народная рѣчь) развилась изъ одного общаго корня“. Незнакомый еще съ древними формами, онъ совсѣмъ не пойметъ фразы: „въ дательномъ, творит. и предложномъ всѣхъ существительныхъ употребляются окончанія, первоначально свойственныя только словамъ женскаго р. на а: -амъ (ямъ)“ . . . Въ

учебникѣ проф. Карскаго, въ образцахъ, мы видимъ также непослѣдовательности, которыя могутъ вводить въ заблужденія: приводятся образцы по губерніямъ и вотъ въ однихъ образцахъ на концѣ употребленъ ъ, въ другихъ нѣтъ, точно это связывается съ особенностями говоровъ, затѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ согласныхъ на концѣ отмѣчается, въ другихъ нѣтъ. Не говорю уже о томъ, что многія слова оставлены безъ объясненія[1]).

Мнѣ важно было отмѣтить здѣсь особенности упомянутыхъ учебниковъ, чтобы обсудить вопросъ, какъ наиболѣе цѣлесообразно можно поставить составленіе учебника по новой программѣ. Вѣдь, мы особенно должны страшиться того, чтобы на первыхъ же порахъ не испортить дѣла, чтобы изъ этого новаго дѣла, которое при умѣлой постановкѣ можетъ дать прекрасные результаты не вышло бы чего такого, что заставило бы раскаиваться въ веденіи новой программы; мы особенно должны стараться, чтобы хотя бы на этотъ разъ попытки ввести болѣе научное освѣщеніе вопросовъ языка не потерпѣли фіаско. А это можетъ быть, потому построеннымъ невѣрно учебникомъ, переборщеніемъ въ отношеніи матеріала, несвойственнаго возрасту, можно сразу же испортить все дѣло.

Сомнѣваюсь, чтобы было раціонально говорить о литературномъ русскомъ языкѣ тотчасъ послѣ разсмотрѣнія русскихъ нарѣчій. Правда, русскій литературный языкъ основывается на русскомъ народномъ языкѣ, но его исторія такова, что сразу перейти отъ народной рѣчи къ литературной невозможно. Правда, въ программѣ послѣ „очерка современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ“ слѣдуетъ: „языкъ образованнаго русскаго общества“, но программа не можетъ требовать слѣпой послѣдовательности. Надо лишь остановиться на этомъ вопросѣ, но другое совсѣмъ дѣло, гдѣ оста-

1) Въ послѣднемъ случаѣ характерно особенно слѣдующее: въ разсказѣ „медвѣдь и крестьянинъ“ есть выраженіе „на панарадчыку“; проф. Карскій въ академ. извѣстіяхъ, высказался что это слово „панарадчыку“ для него „неизвѣстно“ и лишь подъ знакомъ вопроса поставилъ: не телѣга ли? Теперь приводя данный разсказъ, онъ не объясняетъ этого слова. Слѣдовало бы выбросить (какъ сдѣлалъ это проф. Кульбакинъ), такъ какъ, выбросивъ, мы не измѣнимъ смысла и избавимъ учителя и ученика отъ лишнихъ недоумѣній.

новиться. Послѣдовательность внутренняя, логичность теченія убѣждаетъ въ томъ, что о литературномъ языкѣ можно сказать учащимся только тогда, когда элементы, вошедшіе въ составъ этого литературнаго языка, будутъ для нихъ ясны. Сдѣлавъ очеркъ современныхъ русскихъ говоровъ, познакомивъ учащихся съ фактической стороной русскаго народнаго языка, надо перейти къ зачаткамъ русскаго литературнаго языка, показать, какъ этотъ языкъ образовался, и тогда уже ясно можно представить отношеніе этого искусственнаго языка къ народному. То же можно сказать и относительно дальнѣйшаго требованія программы: „положеніе русскаго языка среди родственныхъ ему языковъ". Нельзя, по моему, дѣлать изъ этого положенія цѣлый параграфъ. Надо не забывать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Вѣдь, для ученика IV класса всѣ могущія быть приведенными сравнительныя данныя (если именно ставить этотъ вопросъ отдѣльно) будутъ и трудны и какъ-то сами по себѣ безцѣльныя. Этотъ вопросъ надо, конечно, развить, но только когда приходится касаться разрѣшенія нѣкоторыхъ фактовъ языка, его надо какъ бы разбить такъ, чтобы онъ самъ вытекалъ въ дальнѣйшемъ, какъ необходимая подробность. Тогда не придется упоминать о многихъ мелочахъ, которыя будутъ необходимы, если вопросъ ставить отдѣльно, совершенно самостоятельно. Что нельзя выполнять механически слѣпо программу, наглядно и показываетъ учебникъ проф. Кульбакина. Здѣсь сначала обрисовка особенностей русскихъ нарѣчій, затѣмъ объ языкѣ русскаго образованнаго общества, послѣ этого положеніе русскаго языка среди родственныхъ ему языковъ и, наконецъ, образованіе русскихъ нарѣчій — т. е., такимъ образомъ, никакой внутренней послѣдовательности. У проф. Карскаго находимъ болѣе цѣльности: у него послѣ очерка особенностей русскихъ нарѣчій переходъ къ началу слав. письменности.

На вопросѣ объ образованіи русскихъ нарѣчій я остановлюсь особо, теперь же только укажу, что ознакомившись съ литературой вопроса, врядъ-ли мы сдѣлаемъ (какъ сдѣлалъ это проф. Кульбакинъ) ссылку для учащихся на атласъ Торнау, потому что на приведенной картѣ у Торнау надо сдѣлать уже измѣненія согласно съ разработкой даннаго вопроса въ нашей научной литературѣ. Впрочемъ, повторяю,

объ этомъ ниже. Затѣмъ, если ужъ говорить о распредѣленіи славянскихъ племенъ по группамъ, образованіи изъ этихъ славянскихъ народностей развѣтвленій русскихъ народностей, то нельзя говорить „въ составъ великорусской народности... вошли между прочимъ“. Такъ какъ ранѣе перечислены были всѣ славянскія племена, населившія территорію древней Руси, то и надо было сказать о распредѣленіи всѣхъ этихъ племенъ, а не прибѣгать къ „между прочимъ“, „какъ напримѣръ“, и опредѣлить составъ только одной бѣлорусской народности: „въ составъ бѣлорусской народности вошли радимичи, дреговичи и часть кривичей“. Что послѣднее не соотвѣтствуетъ даннымъ исторической разработки вопроса, это мы вполнѣ увидимъ дальше, когда я буду разбирать положенія выработанныя академикомъ Шахматовымъ, положенія, которыя остались, къ сожалѣнію, не использованными. Конечно, для учебныхъ цѣлей это не такой ужъ ущербъ, но, вѣдь, учебникъ долженъ и въ деталяхъ быть, если то возможно, проводникомъ научныхъ теорій, особенно здѣсь, такъ какъ безспорно бо́льшая научность въ освѣщеніи загадочныхъ вопросовъ старины лежитъ въ новомъ времени, а не въ прежнемъ.

У проф. Карскаго объ образованіи русскихъ нарѣчій говорится уже въ концѣ учебника. Здѣсь, мнѣ думается, напрасно авторъ указываетъ, что „въ древнѣйшую пору русскій языкъ не дѣлился на нарѣчія и лишь со временемъ въ немъ постепенно развиваются черты, свойственныя отдѣльнымъ русскимъ говорамъ и нарѣчіямъ: уже въ XI в. встрѣчаемъ нѣкоторыя особенности...“ Подъ вліяніемъ этихъ словъ можетъ составиться не особенно правильное пониманіе того, что представлялъ собою древнѣйшій русскій языкъ.

Я не буду входить въ разборъ тѣхъ главныхъ частей, которыя посвящены у профессоровъ Карскаго и Кульбакина древне-ц.-слав. языку: я не пишу спеціальной критики на эти учебники, а если подробно и затрогиваю нѣкоторыя мѣста, то это является мнѣ необходимымъ для выясненія лучшей постановки новаго предмета въ средней школѣ. Я говорю „новаго“, а если мы возьмемъ учебники профессоровъ Карскаго и Кульбакина, то скажемъ, что это предметъ вовсе не новый, а предметъ, хорошо уже извѣстный изъ преж-

нихъ печальныхъ опытовъ нашей школы, предметъ, который многимъ стоилъ, можетъ быть, горькихъ слезъ. Возвращается древне-ц.-слав. грамматика, при томъ лишь подъ новой вывѣской, а съ старымъ, и даже увеличеннымъ содержаніемъ. Такъ нельзя было понять программы и объяснительной къ ней записки, нельзя губить самого дѣла въ его началѣ. Правъ нашъ маститый педагогъ М. А. Тростниковъ, когда онъ съ раздраженіемъ пишетъ свою критику на данные учебники: для того, кто сознаетъ, сколько вреда получится отъ подобнаго прохожденія матеріала, для того, кому ясно, какъ несвойственъ возрасту даваемый матеріалъ, понятно станетъ это раздраженіе.

Если же остановиться на этихъ частяхъ, то и здѣсь въ упомянутыхъ учебникахъ много можно найти такого, что нельзя признать правильнымъ. Прежде всего въ началѣ у проф. Карскаго мы читаемъ, напр., такое мѣсто: „Составленная Кирилломъ азбука, по имени изобрѣтателя, называется кириллицей...... Кромѣ кириллицы есть еще другая славянская азбука—глаголица, отличающаяся вычурностью начертаній. Она не менѣе стара, чѣмъ кириллица. О мѣстѣ ея изобрѣтенія, а также о лицѣ, составившемъ ее, точныхъ свѣдѣній не имѣется. Полагаютъ даже, что собственно эта азбука изобрѣтена Кирилломъ, а „кириллица“ явилась на смѣну ей послѣ, при ученикахъ славянскихъ первоучителей“ (стр. 9). Какъ понять это учащемуся: съ одной стороны говорится, что обѣ азбуки одинаково стары, съ другой — указывается на предположеніе, что глаголица раньше возникла, наконецъ, что о составителѣ глаголицы, о времени ея происхожденія мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Если нѣтъ точныхъ свѣдѣній, то, естественно, мы не можемъ сказать, что обѣ азбуки одинаково стары; если мы не знаемъ въ точности, не составилъ ли ее Кириллъ, то не можемъ же сказать, что „кириллица“— азбука составленная Кирилломъ. Все это очень важное мѣсто представляетъ какое то сплошное недоразумѣніе. На тотъ же вопросъ у проф. Кульбакина мы находимъ лучше формулированный отвѣтъ, хотя проф. Кульбакинъ совершенно напрасно дѣятельность Кирилла и Меѳодія переноситъ изъ отдѣла др. ц.-слав. языка въ послѣдній отдѣлъ, такимъ образомъ, объ одномъ и томъ говоритъ въ двухъ мѣстахъ. Въ отдѣлѣ „славянская азбука“

указывается на неопредѣленность въ данномъ вопросѣ. Вполнѣ можно согласиться, что нельзя говорить категорически даже въ учебникѣ о тѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ не дано наукой. Отъ этого происходитъ неопредѣленность въ положеніяхъ, неопредѣленность, къ которой относится отрицательно дидактика, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ этой неопредѣленности отказаться нельзя. Но дальше и у проф. Кульбакина мы находимъ не особенно удачныя формулировки: „древне-церковно-славянская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ . . . .“ и затѣмъ перечисляются буквы кириллицы (напр. ꙗ, ѥ, п с и, к с и). На той же страницѣ, 19, въ примѣчаніи (гдѣ совершенно некстати снова приведены образцы глагол. буквъ) неточно сказано о передачѣ буквами числовыхъ величинъ (именно не сказано о разницѣ въ данномъ случаѣ кириллицы и глаголицы), затѣмъ говорится объ употребленіи, кромѣ титла, одного лишь надстрочнаго значка, при чемъ даже не указано основное значеніе этого значка, его смыслъ употребленія. Дальнѣйшая страница, 20, представляетъ образецъ непедагогичности изложенія вообще этой части, переполненной массой детальныхъ свѣдѣній и передачи этихъ свѣдѣній для учащихся въ непонятной формѣ. Напр.: „гласные, обозначающіеся **ѣ, ъ, ь, ѧ, ѫ**; этихъ гласныхъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ, и о нихъ должно сказать особо о каждомъ“. И ненужно было раньше говорить объ этомъ: подобныя обобщенія возможны послѣ уже разсмотрѣнія отдѣльныхъ фактовъ. Затѣмъ начинается у составителя разсмотрѣніе „особо“ каждаго звука. Начинается съ ѣ; я приведу отрывокъ для характеристики: § 19. Гласный ѣ, — былъ особымъ звукомъ, отличнымъ и отъ э (др.-ц.-слав. є), и отъ русскихъ гласныхъ; нельзя его представлять себѣ и какъ сочетаніе **йэ**: этому соотвѣтствуетъ въ древне-церк.-славянской азбукѣ — ѥ. Въ др.-церк.-славянскихъ рукописяхъ буква ѣ никогда не смѣшивается ни съ какой другой буквой; слѣдовательно, писцы отличали на слухъ звукъ ѣ отъ всѣхъ другихъ гласныхъ. Этому гласному ѣ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ соотвѣтствовалъ или долгій гласный **е**, или двухгласный **oi, ai**: ср. др.-ц.-слав. сѣмѧ и лат. sēmen, др.-церк.-слав. снѣгъ и др.-нѣмецкое (готское) snaiws (снѣгъ — ср. соврем. нѣм. глаголъ schneien). Между тѣмъ др.-ц.-слав. гласному є (=э) соотвѣтствуетъ въ родст-

венныхъ (неславянскихъ) языкахъ всегда краткій гласный е (=э): ср. древне-церк.-славянское вєзѫ и лат. veho, др.-ц.-слав. берѫ — лат. fero (несу).

Примѣчаніе. Вѣроятно, ѣ произносился въ др.-ц.-славянскомъ, какъ широкое э (ä, звукъ, средній между а и э).

Др.-церк.-славянскій языкъ показываетъ, что въ славянскихъ языкахъ въ глубокой древности имѣлся особый звукъ (гласный) ѣ; этотъ особый звукъ имѣлся и въ русскомъ языкѣ и произносился первоначально одинаково во всѣхъ говорахъ русскаго языка; затѣмъ онъ сталъ произноситься въ однихъ нарѣчіяхъ, какъ е, въ другихъ какъ и...." Не буду продолжать дѣлать выписку, и такъ достаточно для обрисовки характера изложенія и самаго изложенія.

А вотъ образчикъ (черезъ двѣ страницы) объясненій не только непонятныхъ для учащихся, но вообще непонятныхъ:

„Что ѫ былъ носовымъ гласнымъ о, а ѧ — носовымъ е, показываютъ глаголическія буквы, соотвѣтствующія кирилловскимъ ѫ и ѧ: вторая часть обоихъ знаковъ общая, а первая въ глаголическомъ ѫ — о, первая же часть глаголическаго ѧ — е". Почему же, спроситъ учащійся, если онъ заинтересуется найти основаніе сказанному, почему же то обстоятельство, что имѣется общая часть у обоихъ знаковъ, есть указаніе на носовое произношеніе? Казалось бы, скорѣе надо доказать, что эта общая часть обозначала носовой призвукъ, но то, что есть общая часть, это еще совсѣмъ не доказательство сказаннаго.

Изъ предыдущаго мы могли уже заключить, что учебникъ по русскому языку для IV класса долженъ быть построенъ такъ, чтобы было изложено самое главное. Къ этому понуждаетъ обиліе матеріала, который предназначенъ къ прохожденію въ IV классѣ помимо даннаго отдѣла, а затѣмъ и характеръ этого отдѣла, который не можетъ быть доступенъ въ деталяхъ для возраста учащихся IV класса.

Теперь перейду къ краткому указанію плана своей работы надъ учебникомъ.

Планъ у меня составился такой. Дать прежде всего характеристику современныхъ русскихъ нарѣчій, затѣмъ перейти къ началу образованія литературнаго русскаго языка — такимъ образомъ, естественно было начать съ древне-церковно-славянскаго и затѣмъ перейти къ русскому литературному

языку. Выполненіе этого плана я началъ съ подысканія матеріала въ качествѣ образцовъ. Матеріалъ этотъ былъ необходимъ прежде всего потому, что отъ него придется исходить учащемуся при построеніи теоріи. Подыскать матеріалъ изъ древней письменности не представляло особеннаго труда, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ уже былъ отчасти опредѣленъ объяснительной запиской къ программѣ. Желая лишь сдѣлать этотъ матеріалъ болѣе живымъ для учащагося, я приложилъ различные снимки. Нѣкоторые изъ снимковъ я приложилъ, руководясь только желаніемъ показать пріемы письма, потому приведенные тексты къ этимъ снимкамъ не представляются особенно интересными по языку или содержанію. Въ другихъ же образцахъ я стремился по возможности соединить типичность формъ съ интересомъ содержанія. Особенно это стремился я достигнуть въ образцахъ народной рѣчи: мнѣ здѣсь хотѣлось не только обратить вниманіе учащагося на словесныя формы, но и на интересъ, красоту самой мысли. Это представлялось мнѣ во многихъ отношеніяхъ цѣлесообразнымъ. Прежде всего интересъ содержанія можетъ способствовать сохраненію и словесной формы, этому можетъ способствовать красота выраженія. Затѣмъ, не лишнее здѣсь же показать, что въ народной словесности имѣется то, чѣмъ можетъ заинтересоваться учащійся—вѣдь, здѣсь онъ впервые будетъ знакомиться съ народнымъ творчествомъ и было бы грубой ошибкой ввести образцы, которые характеризуютъ народное творчество съ отрицательной стороны. На любомъ образцѣ народной рѣчи мы можемъ познакомить учащагося съ особенностями народныхъ русскихъ нарѣчій. Поэтому вовсе нѣтъ нужды брать какой-либо наиболѣе точно записанный образецъ этой рѣчи, не обращая вниманіе на его содержаніе, но выставляя на первый планъ точность записи.

Кромѣ снимковъ съ древне-ц.-славянской русской письменности, я счелъ необходимымъ приложить къ учебнику нѣсколько картъ, которыя также способствовали бы болѣе ясному представленію затронутыхъ вопросовъ. Если подборъ матеріала требовалъ довольно усиленныхъ поисковъ, то составленіе двухъ изъ приведенныхъ картъ: карты Руси въ IX в. и современныхъ русскихъ нарѣчій то же потребовало довольно много труда.

II.

Печальное положеніе грамматики въ средней школѣ; причины этого и средства улучшенія грамматическаго матеріала.

„Грамматика творитъ чудеса“ — такъ выражались въ прежнее время. Въ значеніе грамматики вѣрили и все школьное ученіе основывалось на ней. Считалось, что грамматика учитъ правильно говорить и писать. Послѣднее воззрѣніе находитъ, правда, и теперь еще приверженцевъ, но опытъ убѣдилъ въ противоположномъ: послѣ изученія грамматической системы не научаются ни говорить, ни правильно писать. Горькій опытъ убѣждаетъ часто въ совершенной безполезности и даже вредѣ грамматическаго изученія.

Какъ же быть въ данномъ случаѣ? Гдѣ находится истина?

Подъ грамматикой надо разумѣть систематическое изложеніе законовъ устнаго и письменнаго языка. Опредѣляя такъ грамматику, мы выходимъ изъ предѣловъ, которые первоначально ограничивали понятіе „грамматика“. Въ греческомъ языкѣ, изъ котораго заимствовано это слово, первоначально грамматика, соотвѣтственно своему корню, обозначала изученіе буквъ, изученіе письменной рѣчи. Теперь, такимъ образомъ, содержаніе термина увеличилось.

Спрашивается, почему же изученіе грамматики приводитъ сплошь и рядомъ къ нежелательнымъ результатамъ и вызываетъ тѣмъ самымъ отрицательное отношеніе ко всей грамматической системѣ? Основывается это на томъ, что грамматика у насъ строится не такъ, какъ слѣдуетъ, и проходится не такъ, какъ слѣдуетъ.

Разсмотримъ, что даетъ существующая грамматика въ средней школѣ и каковы ея недостатки въ общемъ. Въ первыхъ классахъ проходится такъ называемая этимологія. Не имѣетъ, конечно, особеннаго значенія, что терминъ „этимологія" неправильно примѣняется къ тому матеріалу, который вкладывается въ содержаніе учебниковъ по этимологіи. Ради лишь точности опредѣленія термина „этимологія", надо указать, что этимологіей является лишь небольшой отдѣлъ въ учебникахъ (именно — словопроизводство является передачей термина этимологіи). Тѣ части, которыя проходятся въ учебной этимологіи, въ наукѣ о языкѣ называются фонетикой (ученіе о звукахъ) и морфологіей (ученіе о склоненіяхъ и спряженіяхъ). Оставляя въ сторонѣ неважный, въ сущности, вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи термина, надо указать, что многіе отдѣлы въ учебной этимологіи совершенно ошибочны. Если грамматика должна раскрывать предъ нами законы устной и письменной рѣчи, то прежде всего учебная этимологія грѣшитъ противъ устной рѣчи, которою она особенно не занимается и противъ которой допускаетъ рядъ ошибокъ. Въ нашей учебной грамматикѣ мы не находимъ достаточнаго разграниченія между буквой и звукомъ, буква часто принимается за звукъ, между тѣмъ, на разницу между буквами и звуками необходимо обратить вниманіе на первыхъ же порахъ прохожденія грамматики. Правда, здѣсь грамматика имѣетъ нѣкоторыя извиняющія ее обстоятельства, именно условія нашего алфавита. Если она, напр. не учитъ, что **я** состоитъ собственно изъ двухъ звуковъ **j** и **a**, или, что ё состоитъ изъ **j** и **o**, особеннаго вреда отъ этого не происходитъ, какъ не происходитъ вреда отъ неточной передачи этихъ звуковъ въ нашемъ алфавитѣ. Но если вреда нѣтъ, то, конечно, и пользы нѣтъ въ подобномъ смѣшеніи, и если изъ практическихъ соображеній, въ нашемъ алфавитѣ мы можемъ прибѣгать къ извѣстной условной передачѣ звуковъ, то, во всякомъ случаѣ, изученіе языка требуетъ уже сознательнаго отношенія къ явленіямъ языка, къ ихъ передачѣ на письмѣ.

Особеннымъ недостаткомъ нашей учебной этимологіи является анализъ частей рѣчи, опредѣленія этихъ частей рѣчи. Эти опредѣленія, совершенно неправильныя, прямотаки вдалбливаются въ учащихся. И вотъ, если мы удалимъ

изъ существующей этимологіи все ошибочное, то, повидимому, останется слишкомъ мало такого, что могло бы быть оцѣнено съ точки зрѣнія пользы и цѣлесообразности. Нѣкоторую пользу этимологіи мы замѣчаемъ относительно изученія правописанія, и защитники грамматики въ средней школѣ особенно указываютъ на то, что прохожденіе правописанія безъ знанія грамматики немыслимо. Послѣднее, впрочемъ, надо понимать нѣсколько относительно, такъ какъ на опытѣ можно убѣдиться въ существованіи вполнѣ грамотныхъ людей, не обучавшихся грамматикѣ.

Дѣйствительно, правописаніе отдѣльныхъ словъ замѣчается не путемъ изученія грамматическихъ правилъ, а путемъ, главнымъ образомъ, зрительнаго навыка. Поэтому и происходитъ, что тѣ, кто обладаетъ зрительной памятью, гораздо скорѣе могутъ привыкнуть къ правильному воспроизведенію словъ, чѣмъ тѣ, кто подобною памятью не обладаетъ. На этомъ основаны въ новое сравнительно время попытки обучать правописанію посредствомъ списыванія съ особо приспособленныхъ для этого упражненій (печатаются мѣста трудныя въ отношеніи правописанія жирнымъ шрифтомъ, и такимъ образомъ переписывающій невольно обращаетъ на нихъ особенное вниманіе). Такимъ образомъ, видимъ, что и въ области правописанія значеніе изученія грамматики нѣсколько суживается. Здѣсь приходится также считаться съ мнѣніемъ, что правописаніе, въ сущности, къ грамматикѣ и не должно было бы относиться, такъ какъ правописаніе имѣетъ дѣло не съ живымъ языкомъ, которой должна изучать грамматика, а съ условной передачей этого живого языка на бумагу. Если учебная грамматика посвящаетъ много времени правописанію, то это понятно, такъ какъ это первоначально и составляло ея главную задачу (ars grammatica). Изучая правописаніе, грамматика часто имѣетъ дѣло съ чисто условными правилами, не опирающимися совершенно на законахъ языка, а искусственно придуманными.

Уже изъ сказаннаго видны отрицательныя стороны современной учебной этимологіи. Гдѣ же ея стороны положительныя? Эти стороны часто не учитываются совершенно, или учитываются за положительное, что не является въ этимологіи таковымъ. Этимологія, хотя и невѣрными

путями, но, все же, ведетъ учащагося къ анализу нашей рѣчи; давая неправильныя опредѣленія частей рѣчи, она даетъ возможность довольно правильно классифицировать нашу рѣчь. Этимъ самымъ она способствуетъ развитію въ учащемся формальнаго мышленія. Такимъ образомъ, умѣнье расчленять составъ нашего языка, одни изъ первыхъ шаговъ по пути отвлеченнаго мышленія даются школьною этимологіей. Нельзя также не видѣть положительной стороны при изученіи этимологіи въ томъ, что дается этимъ изученіемъ и въ области правописанія. Съ установившимся письменнымъ языкомъ приходится считаться и потому та область, которая способствуетъ хотя отчасти усвоенію этого письменнаго языка, является полезною. Такимъ образомъ, оставаясь при прежнемъ терминѣ „этимологія", можно внести въ содержаніе области грамматики, обозначаемой этимъ терминомъ, прежніе отдѣлы, только проходить эти отдѣлы иначе. Слѣдовательно, необходимо прежде всего реформировать у насъ тѣ пути, которыми идетъ грамматическое ученіе, такъ какъ уже сказано, что въ своей работѣ этимологія построена неправильно.

Если отъ этимологіи перейдемъ къ синтаксису, то и здѣсь встрѣтимся съ тѣми же ошибками, какъ въ этимологіи: правильности въ опредѣленіяхъ нѣтъ; такимъ образомъ, сразу же бросается въ глаза ошибочность путей, по которымъ идетъ построеніе системы. Съ практической точки зрѣнія какъ-то болѣе оцѣнивается изученіе синтаксиса, такъ какъ безъ знанія синтаксиса трудно думать о правильности въ постановкѣ знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, и здѣсь выступаетъ вовсе ненаучное значеніе грамматики, такъ какъ изученіе живого языка, врядъ-ли, можетъ оцѣниваться съ точки зрѣнія навыковъ пунктуаціи. Продолжаетъ оцѣниваться значеніе грамматики по отношенію къ языку письменному. Здѣсь несомнѣнная положительная сторона синтаксиса. Кромѣ того, работа по анализу нашей рѣчи также производится изученіемъ синтаксиса, хотя и здѣсь нельзя признать правильности всѣхъ тѣхъ построеній, которыя мы находимъ въ синтаксической теоріи.

Не переоцѣнивая, такимъ образомъ, значеніе учебной грамматики, можно, безспорно, признать пользу ея изученія.

Намъ пришлось, въ то же время, установить необходимость измѣненія въ построеніи учебной грамматики, такъ какъ неправильность ея постановки ведетъ къ несомнѣнному вреду и заставляетъ такъ незаслуженно ополчаться противъ изученія вообще грамматики. Съ измѣненіемъ построенія грамматической системы, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ учебной грамматики было бы возможнымъ приблизить ее къ научной грамматикѣ и, такимъ образомъ, усилить ея образующее значеніе.

Обыкновенно грамматическія правила заучиваются механически, подъ эти правила также механически подыскиваются разнообразные примѣры, изощряется главнымъ образомъ память, въ ущербъ часто сознательному отношенію къ дѣлу. До чего доходитъ механическое отношеніе къ дѣлу, убѣждаютъ особенно доходящіе до виртуозности грамматическіе разборы. На грамматику въ такомъ ложномъ ея пониманіи убивается черезчуръ много драгоцѣннаго времени. И возникаетъ поэтому, естественно, вопросъ: да возможно ли вообще прохожденіе грамматики въ низшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній? Можетъ быть, учащимся этого возраста вовсе не свойственно то отвлеченіе, которое должно создаваться грамматикой, можетъ быть, само прохожденіе грамматики есть какое-то несчастное недоразумѣніе, насиліе надъ дѣтской душою?

Понятенъ вопросъ: возможно ли вообще ознакомленіе ребенка съ отвлеченными грамматическими понятіями. На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно, но съ извѣстной оговоркою. Изъ науки о языкѣ могутъ быть сообщены лишь нѣкоторыя положенія, которыя постепенно пріучатъ ребенка болѣе внимательно всматриваться въ языкъ и постепенно учиться постигать его законы. Языкъ это матеріалъ, которымъ владѣетъ ребенокъ, входя въ школу, и надо только сумѣть подойти къ изученію этого матеріала.

Когда методисты говорятъ о значеніи изученія грамматики въ школѣ, то главнымъ образомъ указываютъ то значеніе, которое грамматика въ настоящее время не имѣетъ въ школѣ, а именно значеніе болѣе научной грамматики. Такимъ образомъ, въ теоріи говорятъ вовсе не о томъ, что имѣется на практикѣ. Но эти теоретическія указанія заставляютъ задаться вопросомъ, нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ,

попытаться ввести въ школу элементы грамматики научной, которые дѣйствительно вели бы къ усовершенствованію умственныхъ силъ учащихся. И первый шагъ въ данномъ направленіи я вижу въ новой программѣ для 4-го класса.

Остановимся на популярномъ учебникѣ по методикѣ русскаго языка Солонины. Первая глава этого учебника взята даже какъ введеніе въ методическую хрестоматію, составленную Зелинскимъ: очевидно, глава эта считалась составителемъ одной изъ лучшихъ по выясненію поставленнаго здѣсь вопроса: „о грамматикѣ вообще и о языкѣ, какъ матеріалѣ для изученія грамматическаго“. Когда читаешь эту главу, когда знакомишься съ дальнѣйшимъ изложеніемъ учебника, то не перестаешь удивляться, сколько приходится и приходилось будущимъ преподавателямъ замѣчать самимъ невѣрнаго матеріала и сколько затѣмъ эти самые преподаватели должны были передавать подобнаго матеріала своимъ ученикамъ. „Слово Грамматика происхожденія греческаго и означаетъ систематическое изложеніе законовъ языка. Законами же языка называются тѣ существенныя свойства его, которыми онъ отличается отъ другихъ языковъ и которымъ подчиняется въ своемъ собственномъ развитіи. Основные законы языка предписываютъ извѣстныя правила, которымъ слѣдуетъ при его употребленіи — какъ устномъ, такъ и письменномъ“. Въ слѣдующемъ § , раздѣляя грамматику, какъ науку и учебный предметъ, Солонина замѣчаетъ: „Какъ учебный предметъ, грамматика имѣетъ цѣлью посредствомъ ознакомленія учащихся съ законами языка, научить ихъ правильно выражать на немъ свои мысли устно и письменно“. Итакъ, съ первыхъ же словъ учебника невѣрное опредѣленіе значенія грамматики какъ учебнаго предмета, невѣрное опредѣленіе того, что она даетъ въ дѣйствительности. Во многихъ случаяхъ наша ошибка, что мы часто прибѣгаемъ къ преувеличеніямъ, къ общимъ построеніямъ, которыя не имѣютъ подъ собою почвы. Немудренно послѣ этого, что получается у учащихся вовсе неправильное отношеніе къ словамъ, къ выражаемой ими мысли. Учебная грамматика не знакомила и не знакомитъ учащихся съ законами языка. Если она не знакомитъ съ законами языка, то ея отношеніе къ наукѣ о языкѣ не представляется такимъ пря-

мымъ и непосредственнымъ, какъ это выставляется людьми не разбирающимися совершенно въ подобныхъ вопросахъ. Горе также въ томъ, что методику часто пишутъ люди, которые незнакомы или слишкомъ мало знакомы съ самимъ предметомъ, методикой котораго они занимаются.

Если бы даже согласиться, что учебная грамматика, идя вслѣдъ за грамматикой научной, показываетъ учащимся законы языка, развѣ этимъ самымъ она учитъ ихъ правильно выражать свои мысли устно и письменно?

При опредѣленіи вопроса о значеніи учебной грамматики и объ отношеніи ея къ грамматикѣ научной, или, точнѣе, къ наукѣ о языкѣ, надо прежде всего считаться съ тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ, а затѣмъ можно выставить и положеніе желаемое. Въ настоящее время учебная грамматика имѣетъ мало отношенія къ грамматикѣ научной и по содержанію и по отношенію къ общимъ затрогиваемымъ вопросамъ. На это нельзя закрывать глазъ. Только тому представляется учебная грамматика какимъ-то популяризованіемъ грамматики научной, кто съ научной грамматикой незнакомъ. Съ другой стороны всякій практикъ-педагогъ, здраво всматривающійся въ результаты отъ изученія учебной грамматики, врядъ-ли можетъ сказать, что грамматика эта учитъ правильно выражать мысли на родномъ языкѣ устно и письменно.

Итакъ, наше опредѣленіе существующаго порядка было бы таково. Наука о языкѣ, или научная грамматика, задается цѣлью открытія законовъ языка, задается цѣлью, какъ и всякая другая наука, изслѣдовать языкъ, представить исторію его развитія. Въ учебной грамматикѣ на первый планъ поставлено стремленіе обучить правильному письму. Учебная грамматика преслѣдуетъ главнымъ образомъ тѣ же цѣли, которыя она преслѣдовала раньше, когда она уже существовала и когда не существовала еще наука о языкѣ. Изъ послѣдняго мы уже видимъ, что учебная грамматика не являлась извѣстнымъ выводомъ изъ грамматики научной, она появилась самостоятельно, будучи вызвана практическими нуждами жизни, и съ тѣхъ поръ ея характеръ мало чѣмъ измѣнился. Учебная грамматика сплошь и рядомъ не только не знакомитъ учащихся съ законами языка, а поступаетъ обратно, она навязываетъ различныя правила, не имѣющія

отношенія къ законамъ языка, а представляющія результатъ измышленій отдѣльныхъ лицъ. Надо въ этомъ вполнѣ разобраться, чтобы представить себѣ ясно значеніе учебной грамматики. Признавая недостаточность многихъ положеній учебной грамматики, мы должны въ то же время оттѣнить, что положенія эти освящены временемъ и мы должны уже съ ними считаться. Такимъ образомъ, всѣ ненужныя иногда стороны нашей орѳографіи дѣлаются уже важными съ точки зрѣнія жизненной. И если грамматика учебная помогаетъ изучить эти стороны, то въ этомъ уже ея заслуга. Значитъ, считаясь съ тѣмъ, что есть въ жизни, мы должны разъединять понятія научной и учебной грамматикъ.

Посмотримъ, что дальше говоритъ г. Солонина относительно языка, какъ матеріала, которымъ должна заниматься грамматика. „Первое и самое важное отличіе языка человѣческаго отъ языка животныхъ заключается въ томъ, что словесная рѣчь человѣка есть результатъ его самосознанія, тогда какъ у существъ низшаго разряда языкъ, или звуки съ опредѣленнымъ значеніемъ, употребляются только изъ простого подражанія или же по инстинкту. Второе отличіе состоитъ въ построеніи языка. Языкъ всѣхъ безъ исключенія животныхъ состоитъ или изъ отдѣльныхъ шумовъ, легко замѣчаемыхъ, но состоящихъ изъ смѣшенія многихъ звуковъ, или же изъ крика, различіе въ силѣ и тонѣ котораго показываетъ разницу и въ ощущеніи животнаго...... не то видимъ въ языкѣ людей: здѣсь для каждаго понятія существуетъ условное сочетаніе звуковъ (слово), извѣстная группа звуковъ, легко отдѣляемая отъ другихъ группъ; а нѣсколько словъ, поставленныхъ въ извѣстное соотношеніе между собою, выражаютъ цѣлое сужденіе. Затѣмъ, каждое слово, взятое въ отдѣльности, также легко можетъ быть разложено на составляющіе его члены, или звуки. Такое свойство человѣческой рѣчи называется членораздѣльностью“. Человѣческая рѣчь представляется какимъ-то результатомъ нашего самосознанія, хотя на самомъ дѣлѣ наше самосознаніе является результатомъ существующаго языка. Картина представлена совсѣмъ не такъ, какъ выясняетъ это наука о языкѣ. Только не знающій совершенно исторіи языка скажетъ, что для понятій существуютъ условныя сочетанія звуковъ. Нельзя, конечно, въ настоящее

время говорить о членораздѣльности звуковъ человѣческой рѣчи въ отличіе отъ нечленораздѣльности звуковъ, издаваемыхъ животными: настоящее время признаетъ понятіе членораздѣльности только въ примѣненіи къ характеристикѣ самой мысли человѣческой, которая является въ отличіе отъ мысли животныхъ членораздѣльной.

Не буду останавливаться на другихъ крайне ошибочныхъ взглядахъ на языкъ, которые мы находимъ въ методикѣ Солонины (напр., индоевропейскіе языки С. выводитъ изъ санскрита, — санскритъ является праотцемъ русскаго языка, и т. п.).

Каждый изъ насъ владѣетъ правильно рѣчью благодаря тому, что слышитъ эту рѣчь съ дѣтства. Мы учимся говорить, подражая рѣчи взрослыхъ. Такимъ образомъ, работа идетъ безсознательно. Задача граммматики вовсе не та, чтобы усовершенствовать то, что воспринимается нами безсознательно, а чтобы осмыслить это безсознательное. Учебная грамматика могла бы задаваться цѣлью не только осмысленія нашей рѣчи въ ея устномъ употребленіи, но и осмысленія того, что усваивается нами въ нашей письменной рѣчи. Нельзя скрывать того, что наша письменная рѣчь часто расходится съ устной, что часто п р а в и л а письменнаго языка вовсе не выходятъ изъ законовъ нашего языка. Такимъ образомъ, въ учебную грамматику, помимо тѣхъ свѣдѣній, которыя она могла заимствовать изъ грамматики научной и ихъ популяризовать, должны было бы входить и знанія, относящіяся къ письменнымъ историческимъ навыкамъ. И въ послѣднемъ случаѣ научная грамматика не разъ могла бы помочь учебной грамматикѣ въ томъ отношеніи, что помогла бы осмыслить здѣсь разбираемый матеріалъ. Поясню это на примѣрѣ. Для многихъ представляется въ настоящее время совершенно безполезнымъ изученіе словъ, въ которыхъ употребляется буква ѣ. Даже приверженцы этой буквы часто не могутъ привести данныхъ, которыя защищали бы цѣлесообразность изученія. Между тѣмъ, наука о языкѣ показываетъ, что въ словахъ съ буквой ѣ сохраняется какъ бы отзвукъ прежде существовавшаго здѣсь особаго звука, который въ различныхъ славянскихъ языкахъ и даже въ разныхъ русскихъ говорахъ получилъ разныя замѣны. Можно съ точки зрѣнія практической не удовлетвориться подобнымъ объяснені-

емъ въ отношеніи цѣлесообразности теперь буквы для выраженія уже несуществующаго звука, но, во всякомъ случаѣ, употребленіе этой буквы получаетъ уже осмысленіе. Съ точки же зрѣнія чисто практической надо было бы тогда осудить принципы, заложенные въ алфавиты нашихъ сосѣдей, достигшихъ высокой культуры, народностей обладающихъ практическимъ характеромъ и не отказывающихся, несмотря на всѣ неудобства, отъ своихъ алфавитовъ, не реформирующихъ эти алфавиты.

Посмотримъ, что говоритъ другой не менѣе популярный методистъ г. Ельницкій о значеніи изученія школьной грамматики. „Грамматическіе законы языка, будучи усвоены ученикомъ, способствуютъ къ усовершенствованію его устной и письменной рѣчи. Кромѣ содѣйствованія усовершенствованію устной и письменной рѣчи, знаніе грамматическихъ законовъ важно тоже и въ томъ отношеніи, что помогаетъ пониманію чужой рѣчи. Вслѣдствіе тѣсной связи языка съ мыслью и чувствомъ, особенные оттѣнки мысли и чувства отражаются на формѣ и языкѣ. Пониманіе формы помогаетъ болѣе глубокому и точному пониманію мыслей и чувствъ, выразившихся въ данной словесной формѣ. Далѣе, обогащеніе учениковъ грамматическими знаніями ведетъ къ расширенію ихъ (учениковъ) умственнаго кругозора, что, конечно, очень важно. Наконецъ, изученіе грамматики имѣетъ значеніе еще и въ томъ отношеніи, что способствуетъ развитію умственныхъ силъ учениковъ. Въ самомъ дѣлѣ, при изученіи ея приходится вникать въ рѣчь, подмѣчать и выводить законы ея; приходится также выведенные общіе законы примѣнять при письменномъ или устномъ изложеніи своихъ мыслей. А то и другое, будучи проявленіемъ умственной дѣятельности, ведетъ къ развитію умственныхъ силъ. Такъ какъ грамматическіе законы могутъ быть постигнуты только посредствомъ наблюденія надъ собственной рѣчью, то изученіе грамматики способствуетъ развитію въ ученикахъ навыка къ самонаблюденію, къ внутреннему опыту. Изъ указаннаго значенія изученія грамматики легко вывести цѣли, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при обученіи ей. Цѣли эти слѣдующія: 1. усовершенствованіе устной и письменной рѣчи учащихся; 2. доведеніе ихъ, чрезъ изученіе законовъ языка, до болѣе вѣрнаго и глубокаго пониманія чужой рѣчи; 3. обогащеніе ихъ законами отечественной рѣчи,

обладая которыми, они сознательнѣе пользовались бы устной и письменной рѣчью; 4. развитіе ихъ умственныхъ силъ и пріученіе къ самонаблюденію и къ отвлеченному мышленію".

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ также совершенно невѣрное представленіе того, что даетъ грамматика въ настоящее время, и того, чего можно было бы ожидать даже при самомъ хорошей ея постановкѣ.

Приведенное мѣсто очень характерно въ томъ отношеніи, что представляетъ хорошія мысли, хорошія слова, но слова безъ фактическаго подъ ними матеріала. Это наглядный примѣръ, какъ въ учебникахъ проводятся мысли, которыя разлетаются, какъ только постараемся провѣрить ихъ практикой.

* * *

Съ чего начинать преподаваніе грамматики, съ этимологіи или синтаксиса? На этотъ вопросъ давались различные отвѣты. Раньше господствовало убѣжденіе въ томъ, что начинать надо съ этимологіи, даже собственно въ этомъ не возникало никакого сомнѣнія. Сравнительно въ болѣе позднее время начало упорно проводиться противоположное мнѣніе, выдвигавшее на первый планъ синтаксисъ. При этомъ указывалось, что ребенокъ владѣетъ предложеніемъ, что предложеніе, небольшая рѣчь для него болѣе говоритъ, чѣмъ искусственно выдѣленное слово, что ребенка не можетъ занять разборъ звуковъ, различныхъ корней, префиксовъ, суффиксовъ и пр. Противники этого мнѣнія указывали на то, что синтаксическій анализъ мы не можемъ сдѣлать безъ знанія этимологіи, такъ, напр., какъ опредѣлить подлежащее, не зная ничего о падежахъ (именит. пад.), какъ можно затѣмъ говорить о главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, не зная ничего о союзахъ и пр. Разбираясь во мнѣніяхъ тѣхъ и другихъ методистовъ, можно придерживаться середины — т. е. признать при первоначальномъ прохожденіи грамматики необходимость соединенія этимологіи и синтаксиса. Въ данномъ случаѣ вполнѣ былъ правъ Тихомировъ, который говорилъ въ своей методикѣ о необходимости на первыхъ порахъ соединенія самыхъ элементарныхъ понятій этимологическихъ и синтаксическихъ.

Дѣйствительно, языкъ не знаетъ ни этимологіи, ни синтаксиса и на первыхъ порахъ изученія нельзя дѣлить грамматику на двѣ части. Одно дѣло систематическое раздѣленіе предмета, другое его прохожденіе на первыхъ порахъ. При систематическомъ изложеніи нельзя часто избѣжать подробностей, а эти подробности на первыхъ порахъ являются и ненужными и подчасъ очень трудными. Прохожденіе же несистематическое можетъ выдвигать всегда одинъ изъ необходимыхъ принциповъ — переходъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Такимъ образомъ, надо притти къ заключенію, что на первыхъ порахъ при прохожденіи грамматики слѣдуетъ выбрать такой матеріалъ, который давалъ бы возможность ученикамъ продѣлать анализъ этимологическій и синтаксическій одновременно, чтобы на основаніи этого матеріала путемъ разсмотрѣнія его у нихъ сложились бы самыя элементарныя свѣдѣнія по грамматикѣ. Когда матеріала накопится въ достаточной степени, тогда уже можно перейти къ систематическому изложенію.

Разложить слово на составляющіе звуки не представитъ для начинающаго изучать грамматику большой трудности, такъ какъ съ этой работой приходится знакомиться ему уже при обученіи письму. Нельзя согласиться, что работа подобная можетъ представиться для начинающаго крайне сухой. Важно, какъ повести эту работу.

Строя систему прохожденія первоначальныхъ грамматическихъ познаній только на указанномъ принципѣ — переходѣ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, можно прежде всего, напр., познакомить (какъ справедливо указываетъ Тихомировъ) съ понятіемъ числа: понятіе о числѣ доступнѣе, чѣмъ понятіе падежа.

Вотъ какъ рисуетъ Тихомировъ первые годы обученія грамматикѣ въ начальной школѣ: „Въ первый годъ ученикъ получаетъ первоначальныя понятія объ общихъ свойствахъ слова, объ общемъ значеніи и общихъ формахъ слова: слово служитъ для обозначенія предмета, качества, дѣйствія; слово состоитъ изъ звуковъ; звуки въ словахъ группируются въ корень, приставку и окончаніе. Во второмъ году ученикъ вводится въ изученіе взаимнаго отношенія словъ въ рѣчи, получаетъ понятіе о постоянномъ (части рѣчи) и временномъ (члены предложенія) значеніи

слова, узнаетъ и общія средства, какія употребляетъ языкъ для выраженія того и другого значенія слова (окончанія, первоначальное понятіе объ измѣненіи слова). Третій годъ завершаетъ два предшествующіе и даетъ возможно полныя для элементарнаго курса знанія формъ предложенія и частей рѣчи".

На первый взглядъ нѣсколько непонятнымъ является раздѣленіе нашей рѣчи на части и члены, какъ будто бы часть рѣчи и членъ предложенія не одно и то же. На самомъ же дѣлѣ, если мы всмотримся въ тѣ основанія, которыя положены въ основу подобнаго дѣленія, то намъ станетъ понятнымъ подобное дѣленіе, при чемъ названіямъ можно придавать уже условное значеніе.

Если разсматривать разнообразныя слова, которыя составляютъ нашу рѣчь, то нетрудно замѣтить, что эти слова распредѣляются по нѣкоторымъ признакамъ въ извѣстные, опредѣленные ряды. Это и есть такъ называемыя части рѣчи. Намъ хорошо извѣстно дѣленіе частей рѣчи: существительное, прилагательное... и пр. Въ основу дѣленія частей рѣчи обыкновенно клалось ранѣе значеніе ихъ, при чемъ выдвигались и формальныя отличія. Въ послѣднее время къ дѣленію по значенію относятся совершенно отрицательно и, не безъ основанія, выдвигаютъ сторону формальную. Впрочемъ, прежняя точка зрѣнія и точка зрѣнія современная какъ-то смѣшиваются, и отъ этого происходитъ какое-то колебательное состояніе въ вопросѣ о дѣленіи частей рѣчи: иногда даже одинъ и тотъ же составитель учебника въ разное время неодинаковую даетъ классификацію частей рѣчи.

Подойдемъ къ дѣленію рѣчи на части съ чисто формальной стороны. Грамматика должна, безспорно, выдвигать ту точку зрѣнія, которая выдвигала бы вопросъ: какъ выражается наша мысль, а не что выражается этой мыслью.

Прежде всего при дѣленіи нашей рѣчи на части можно выдвинуть измѣняемость или неизмѣняемость словъ, при этомъ надо замѣтить, что неизмѣняемость нѣкоторыхъ словъ относительная, т. е. имѣется цѣлый рядъ словъ отъ того же корня измѣняемыхъ, так. обр., неизмѣняемость получается только по отношенію къ отдѣльнымъ лишь формамъ словъ. Продолжая сдѣланное общее дѣленіе по формальнымъ признакамъ, надо прежде всего выдвинуть разный характеръ

измѣненій, т. е. то, что мы знаемъ подъ именемъ склоненія и то, что знаемъ подъ именемъ спряженія. Такимъ образомъ, измѣняемыя слова распадаются на двѣ большія группы: склоняемыя и спрягаемыя. Къ склоняемымъ мы относимъ: существительныя, прилагательныя, мѣстоименія и числительныя, къ спрягаемымъ — глаголъ, но изъ глагольныхъ формъ выдѣляются причастія, которыя тоже надо отнести къ склоняемымъ, дѣепричастія и неопредѣленное наклоненіе. Пока я не останавливаюсь на основаніи, положенномъ въ основѣ послѣднихъ дѣленій, а привожу это дѣленіе, между прочимъ, и для того, что и среди раздѣляемыхъ измѣняемыхъ частей рѣчи имѣются какъ-бы связующія звенья. Обыкновенно къ названію „существительное", „прилагательное" и „числительное" прибавляется названіе „имя", это уже указываетъ на подмѣченное ранѣе сходство въ этихъ частяхъ рѣчи; въ названіи „мѣстоименіе" этого нѣтъ, потому что въ основаніе названія этой части рѣчи было положено, въ сущности, невѣрное представленіе о роли этой части рѣчи, о какомъ то служебномъ ея значеніи. На самомъ дѣлѣ, мѣстоименіе играетъ вовсе не служебную роль, его значеніе таково же, какъ и значеніе существительнаго въ предложеніи, только оно образовалось совсѣмъ инымъ путемъ сравнительно съ существительнымъ. Мѣстоименіе, свободно, по своему назначенію можетъ быть названо „именемъ", даже болѣе, чѣмъ того заслуживаютъ другія части рѣчи, которымъ приписывается это названіе. Все это разсужденіе даетъ, такимъ образомъ, возможность объединить измѣняемыя части рѣчи въ двѣ группы: имена и глаголы. Имена, такимъ образомъ, измѣняются по падежамъ, глаголы измѣняются по лицамъ, въ этомъ исконное различіе приведенныхъ группъ. Выдвинувъ по различнаго рода измѣяемости двѣ группы, въ дальнѣйшемъ мы должны также исходить изъ формальныхъ точекъ зрѣнія, не выдвигая значенія, какъ то дѣлается обыкновенно. Въ „именахъ" измѣненія бываютъ по падежамъ, числамъ— что свойственно всѣмъ именамъ, но кромѣ этого имѣется измѣненіе по родамъ — послѣднее свойственно уже не всѣмъ „именамъ". Подобное дѣленіе, какъ то можно замѣтить, сразу нарушитъ создавшуюся систему, но въ то же время внесетъ бо́льшую цѣльность. Удерживая прежнія названія „существительныя" и „прилагательныя" (и выбрасывая, такимъ обра-

зомъ, мѣстоименія и числительныя), можно эти названія примѣнить къ указанному дѣленію, т. е. склоняемыя слова дѣлятся на существительныя имена и имена прилагательныя. Что такое дѣленіе было бы вполнѣ раціональнымъ, подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что отъ грамматическихъ (формальныхъ) особенностей стоитъ въ зависимости и значеніе выдвигаемыхъ группъ, къ прилагательнымъ отнесемъ и глагольныя формы, которыя у насъ называются причастіями.

Я указалъ на неправильность въ опредѣленіи мѣстоименія, неправильность имѣется въ преувеличеніи значенія числительнаго, такъ какъ формальныя особенности этой части рѣчи таковы, что ее надо раздѣлять между именами существительными, именами прилагательными (колич. и порядковыя числительныя).

Устанавливая указанное число частей рѣчи по формальнымъ признакамъ, мы легко подойдемъ и къ той роли, которую играютъ эти части рѣчи въ предложеніи, т. е., такимъ образомъ, разрѣшимъ вопросъ объ отношеніи частей рѣчи къ частямъ предложенія (или членамъ предложенія). Если мы сопоставимъ теперешнее дѣленіе частей рѣчи и членовъ предложенія, то прежде всего насъ поставитъ въ затрудненіе бо́льшее количество частей рѣчи сравнительно съ членами предложенія. При нашемъ же дѣленіи картина мѣняется: число частей рѣчи меньше, чѣмъ число членовъ предложенія. Подобное положеніе сдѣлается намъ понятнымъ уже изъ того, что положеніе части рѣчи въ предложеніи не всегда можетъ быть одинаково, поэтому вытекаетъ и разное ея синтаксическое значеніе.

У насъ насчитывается обыкновенно 5 членовъ предложенія: подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство. Надо сказать, что совершенно несправедливо выбрасываются какъ члены предложенія союзы. Если мы внесемъ эти послѣдніе, то получится 6 членовъ предложенія (предлоги, конечно, не могутъ быть считаемы отдѣльными членами предложенія, потому что роль ихъ такова же, какъ роль падежныхъ окончаній).

Въ качествѣ подлежащаго выступаетъ „имя“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. имена существительныя (слѣдовательно, по принятой терминологіи и числительныя количественныя и мѣстоименія). Я говорю „имя“ въ тѣсномъ

смыслѣ этого слова, имѣя въ виду отличіе именъ существительныхъ отъ именъ прилагательныхъ. Ихъ отличіе обусловлено родовыми окончаніями прилагательныхъ. Имена въ тѣсномъ смыслѣ этого слова обозначаютъ, какъ принято то говорить, предметы; это, по общепринятому пониманію, — названіе предметовъ. Правда, хотя въ послѣднемъ смыслѣ значеніе „предмета" значительно расширятся, но, во всякомъ случаѣ, подмѣчается одна вѣрная черта, отличающая имена существительныя отъ прилагательныхъ. Эта черта: существительное обозначаетъ что-то, какъ-бы существующее само по себѣ, въ то время какъ прилагательное обозначаетъ какой-то признакъ, существующій въ чемъ-либо. Поэтому прилагательное, употребленное само по себѣ, не даетъ законченности мысли, оно опредѣляетъ, и потому оно измѣняется по родамъ.

Прилагательное постепенно можетъ перейти въ существительное, и такимъ образомъ сдѣлаться именемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Бываетъ это тогда, когда оно можетъ быть употреблено самостоятельно. Здѣсь въ качествѣ аналогіи можно привести употребленіе такъ называемыхъ безсубъектныхъ предложеній, въ которыхъ сказуемое употреблено безъ подлежащаго, употреблено уже въ качествѣ самостоятельнаго предложенія. Если прилагательное постепенно можетъ дѣлаться именемъ существительнымъ, то понятно, что иногда оно можетъ выступать въ качествѣ подлежащаго.

Имя, поставленное въ именительномъ падежѣ, независимомъ отъ другихъ падежей, является подлежащимъ. Имя, поставленное въ косвенныхъ падежахъ, является дополненіемъ (въ косв. падежахъ съ предлогами и безъ предлоговъ). Слѣдовательно, въ основѣ подлежащаго и дополненія лежитъ положеніе, въ какомъ стоитъ имя, въ качествѣ ли дѣйствующаго лица или нѣтъ. При этомъ надо замѣтить, что грамматическій дѣйствователь можетъ часто расходиться съ „дѣйствователемъ" логическимъ. При употребленіи синтаксическихъ терминовъ „дополненіе" и „опредѣленіе", нельзя не замѣтить нѣкотораго неудобства, обусловленнаго самыми значеніями данныхъ терминовъ: всякое опредѣленіе тѣмъ самымъ является дополненіемъ, а дополненіе также иногда является опредѣленіемъ. Здѣсь слѣдовало бы установить

новые термины, но, конечно, приходится считаться съ трудностью порвать нити съ традиціей, и приходится, употребляя эти термины, закрывать какъ-бы глаза на ихъ непосредственное значеніе.

Въ качествѣ опредѣленія выступаетъ имя съ родовыми измѣненіями (т. е. прилагательныя, причастія, числительныя порядковыя). Грамматическое отличіе опредѣленія отъ дополненія — его согласуемость въ родѣ, его бо́льшая какая-то подчиненность тому слову, къ которому оно относится. И это вполнѣ понятно, если вспомнимъ, что по природѣ своей такое имя не показываетъ на что-либо опредѣленное, а указываетъ лишь признакъ, находящійся въ какомъ-либо предметѣ, явленіи и пр. Съ логической точки зрѣнія, повидимому, безразлично сказать: домъ отца или отцовскій домъ, съ грамматической будетъ разница, при чемъ замѣтимъ, что и въ смыслѣ (съ логической, такимъ образомъ, точки зрѣнія) долженъ быть извѣстный оттѣнокъ разницы, но онъ какъ-то незамѣтенъ для простого глаза.

Въ качествѣ обстоятельствъ выступаетъ часть неизмѣняемыхъ словъ, или, лучше сказать, выступаютъ нѣкоторыя окаменѣвшія формы именъ (нарѣчія) и глаголовъ (дѣепричастія).

Роль сказуемаго беретъ на себя обыкновенно глаголъ въ личныхъ формахъ. Я говорю: беретъ на себя обыкновенно, потому что неправильнымъ является воззрѣніе, что безъ глагола не можетъ быть предложенія. А если безъ глаголовъ бываютъ предложенія, то, значитъ, роль сказуемаго выпадаетъ иногда и не только на глаголъ. Въ языкѣ имѣются особыя средства — неграмматическаго характера, которыя придаютъ сказуемость другимъ частямъ рѣчи, но такимъ образомъ этимъ частямъ рѣчи, самимъ по себѣ, не принадлежитъ то, что принадлежитъ глаголу — свойство быть сказуемымъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что безъ глагола могутъ быть предложенія, мы должны признать за глаголомъ его преимущественное употребленіе въ качествѣ сказуемаго, въ данномъ случаѣ свойство, которое отличаетъ глаголъ въ предложеніи отъ другихъ частей рѣчи. Здѣсь приходитъ на мысль, какъ относиться къ синтаксической роли неопредѣленнаго наклоненія. Особенно на это надо обратить вниманіе уже потому, что роль неопредѣлен-

наго наклоненія въ предложеніи разсматривалась съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ настоящее время мы не найдемъ вполнѣ установленнаго взгляда относительно этого. Тутъ можно привести слѣдующія соображенія. Если причастія уже выдѣлены въ область именъ прилагательныхъ, то и неопредѣленное наклоненіе можно отдѣлить отъ личныхъ формъ глагола: ясно для всякаго, что неопредѣленное наклоненіе не можетъ играть той же роли въ предложеніи, какъ личныя формы глагола. Если же оно не можетъ играть такой роли, то нечего и говорить о возможности выступать въ качествѣ сказуемаго. Какъ показываютъ данныя сравнительнаго языкознанія, неопредѣленное наклоненіе было раньше формой существительнаго имени, измѣнявшагося по падежамъ. Если въ настоящее время глагольность неопредѣленнаго наклоненія усилилась, то, всетаки, эту форму нельзя уравнять съ глаголами личныхъ окончаній.

Союзы обыкновенно не считаются членами предложенія; ихъ роль нѣкоторые изслѣдователи уподобляли даже роли предлоговъ въ простомъ предложеніи. На самомъ же дѣлѣ, союзы обладаютъ гораздо большей самостоятельностью сравнительно съ предлогами, и потому ихъ можно считать отдѣльными членами предложенія.

* * *

Очень часто въ нашихъ учебныхъ грамматикахъ наблюдаются совершенно неправильные пріемы сообщеній грамматическихъ правилъ. Прежде всего дается какое-либо опредѣленіе и затѣмъ приводятся примѣры. Если мы хотимъ сдѣлать живымъ преподаваніе грамматики, то должны ввести учащагося въ тотъ процессъ работы, который совершался въ теченіе долгихъ вѣковъ въ дѣлѣ наблюденія надъ языкомъ. Трудно ребенку сразу имѣть дѣло съ отвлеченіемъ, но если къ этому отвлеченію онъ подойдетъ послѣ разсмотрѣнія фактическаго матеріала, на которомъ построено то или другое отвлеченіе, тогда работа будетъ легче и раціональнѣе.

Въ учебникахъ послѣдняго времени замѣтно стремленіе для грамматическихъ разборовъ пользоваться матеріаломъ изъ классическихъ писателей, и замѣтно какое-то во-

обще отрицательное отношеніе къ примѣрамъ придуманнымъ. Для грамматическихъ выводовъ вовсе нельзя отрицательно относиться къ примѣрамъ послѣдняго рода. Относительно грамматическаго разбора художественныхъ произведеній, читаемыхъ въ классахъ, скорѣе надо высказаться вполнѣ отрицательно, такъ какъ подобные разборы могутъ уменьшать или даже уничтожать то впечатлѣніе, которое можетъ вызвать само по себѣ художественное произведеніе. Особенно это надо сказать по отношенію къ небольшимъ лирическимъ стихотвореніямъ, послѣ чтенія которыхъ прямо таки надо запрещать прибѣгать къ грамматическому разбору.

Полевой справедливо обращалъ вниманіе на то, что разборъ грамматическій не долженъ вестись послѣ чтенія перваго же попавшагося отрывка. Разборъ лучше всего долженъ происходить надъ отдѣльно составленнымъ матеріаломъ, написанномъ на доскѣ и переписанномъ учениками въ тетради. Если ученики разбираютъ по книгѣ, то, дѣйствительно, часто они отвлекаются чтеніемъ статьи, видомъ даже всего печатнаго текста.

Никакія методическія указанія не помогутъ, если у преподавателя не имѣется живости, не имѣется темперамента. Грамматическія свѣдѣнія, даже при соблюденіи индуктивнаго метода, могутъ быть занимательными для учащихся, если они видятъ интересъ самого преподавателя. Спрашивается, какой же интересъ можетъ быть здѣсь для преподавателя? Интересъ большой — онъ вводитъ учащихся въ жизнь языка. Для этого, конечно, надо самому прежде всего интересоваться этой жизнью.

* * *

Въ методикахъ русскаго языка мы встрѣчаемъ нападки на науку о языкѣ за то, что ею не разработанъ вопросъ о сложныхъ предложеніяхъ. Нападки эти иногда обусловлены прежде всего незнаніемъ составителей методикъ научной литературы о данномъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что частично уже вопросъ о сложномъ предложеніи былъ предметомъ разсмотрѣнія въ наукѣ и давались иногда отвѣты, которые должны были бы отразиться въ нашей учебной литературѣ, но этого, къ сожалѣнію, нѣтъ (напр. труды Корша, Потебни).

Если мы посмотримъ на наши грамматики, а также на наши методики, то увидимъ, что въ вопросѣ о сложномъ предложеніи обращается вниманіе не на то, что необходимо для уясненія сущности этихъ предложеній. Грамматики и методики заняты главнымъ образомъ сортировкою сложныхъ предложеній и можетъ приводить въ ужасъ то разнообразіе, которое господствуетъ въ этой сортировкѣ. Дѣйствительно, если обратимъ вниманіе, какъ группируются сложныя предложенія въ различныхъ учебникахъ, то мы не увидимъ единства. Не увидимъ единства даже въ признаніи нѣкоторыхъ предложеній придаточными или самостоятельными.

Та разница въ сортировкѣ предложеній, которую мы наблюдаемъ въ различныхъ грамматикахъ, объясняется причиною, лежащей въ основѣ языка: одни изъ составителей грамматикъ чутьемъ становятся на болѣе историческій взглядъ, другіе же слѣдуютъ болѣе формальнымъ признакамъ.

Поясню. Условныя предложенія въ нѣкоторыхъ грамматикахъ относятся къ предложеніямъ самостоятельнымъ, въ другихъ — къ придаточнымъ, третьи грамматики отмѣчаютъ ихъ бо́льшую самостоятельность сравнительно съ другими придаточными предложеніями. То же — относительно уступительныхъ предложеній.

Только историческое изученіе строя предложенія откроетъ намъ и ясно представитъ данный вопросъ. Изъ исторіи мы узнаемъ, что зависимость нѣкоторыхъ предложеній получается только со временемъ, что ранѣе вполнѣ самостоятельныя предложенія дѣлаются постепенно „придаточными“. При этомъ естественно, что эта ихъ прежняя самостоятельность сказывается или, скорѣе, чувствуется и теперь. Въ этомъ будетъ и объясненіе тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя мы находимъ у различныхъ составителей учебниковъ по отношенію къ самостоятельности или несамостоятельности нѣкоторыхъ предложеній.

Я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ своего изслѣдованія по исторіи изученія славянскихъ синтаксисовъ, чтобы яснѣе представить высказанную мысль.

Представляется вполнѣ вѣроятною догадка, что наши предложенія „кто . . ., тотъ, который . . .“ возникали изъ первоначально двухъ самостоятельныхъ предложеній, при чемъ первое изъ нихъ было вопросительнымъ. „Кто хочетъ слы-

шать пѣсни, загадки...? тотъ пусть идетъ"... Отсюда понятна конструкція: „а которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати" (изъ Домостроя), и здѣсь вовсе никакой нѣтъ перестановки опредѣляемаго слова изъ главнаго въ подчиненное предложеніе (это перемѣщеніе лишь съ нашей, современной точки зрѣнія). Думается, что изъ прежняго паратаксиса свободно могъ выработаться гипотаксисъ, именно прежде всего благодаря мѣстоименіямъ. Такимъ образомъ, изъ 2 первоначально самостоятельныхъ предложеній, изъ коихъ одно начиналось мѣстоименіемъ вопросительнымъ или указательнымъ, получалось впослѣдствіи подчиненіе предложеній, при чемъ мѣстоименія вопросительное и указательное переходили въ мѣстоименія относительныя (переходъ этотъ съ указательными мѣстоименіями совершился черезъ переходъ этихъ мѣстоименій въ анафорическія).

Идя вслѣдъ за ученіемъ Потебни, нѣкоторые составители новѣйшихъ учебниковъ по русскому синтаксису вполнѣ справедливо удаляютъ такъ называемое сокращеніе придаточныхъ предложеній (см., напр., учебники С. Н. Брайловскаго — Учебный курсъ русской грамматики литер. русс. языка СПБ. 1904., Д. К. Брешенкова — Курсъ русскаго синтаксиса — Москва 1907; Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — Грамматика русскаго языка, М. 1907).

Правы, конечно, упомянутые составители учебниковъ, поступая такъ съ пресловутымъ сокращеніемъ, но, въ то же время, нужно сознаться, что разрушая прежнюю школьную традицію, они не попытались дать ясное представленіе о дѣйствительномъ соотношеніи между „полными" и „сокращенными" придаточными предложеніями. Возьмемъ для примѣра учебникъ г. Брешенкова. О такъ называемыхъ придаточныхъ сокращенныхъ предложеніяхъ онъ говоритъ въ отдѣлѣ частей предложенія, при чемъ говоритъ въ примѣчаніяхъ даже не всецѣло своими словами, а прибѣгая къ выдержкамъ изъ Потебни и Овсянико-Куликовскаго (ср. 29—30, 38—40, при чемъ въ примѣчаніи II даже путаница въ разъясненіи разницы во взглядахъ Потебни и Овсянико-Куликовскаго).

Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о „сокращеніи" придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться

„реформой“ грамматики, если не усвоена сущность новаго научнаго теченія, и если авторъ не обладаетъ способностью представить результаты новаго въ видѣ доступной цѣльной картины. Невольно появляется вопросъ, что лучше въ педагогическомъ отношеніи: прежняя, хотя и невѣрная, постановка и прежнее изложеніе вопроса, или новыя разъясненія, безсистемныя, не особенно ясно представляемыя. Я думаю даже, что не всякій изъ преподавателей, не ознакомившійся лично съ трудами Потебни или Овсянико-Куликовскаго, могъ-бы разобраться въ примѣчаніяхъ, напр., учебника г. Брешенкова, не говоря уже, конечно, объ учащихся.

Въ древне-русскихъ памятникахъ есть наглядные примѣры того, что зависимость между такъ называемыми главными и придаточными предложеніями, или лучше назовемъ ихъ самостоятельными и зависимыми, была не такая тѣсная, какъ теперь. На это уже обратилъ вниманіе Буслаевъ (Грам. § 268), но особенно рельефно это представлено у Потебни (Ш 337 и слѣд.): Послаша Псковичи . . . ко князю Ив. Вас . . . которой князь Пскову любъ. Чтобъ они къ тому дни, въ который день. . . — Подобные примѣры показываютъ исторію образованія на первый взглядъ непонятныхъ по согласованію предложеній: здѣсь былъ человѣкъ, котораго ты вчера видѣлъ. Примѣры, приведенные выше, говорятъ о пропускѣ въ придаточномъ предложеніи первоначально стоящаго дополненія — человѣка. Пропускъ послѣдняго слова сдѣлалъ въ данныхъ сочетаніяхъ предложеній то, что они болѣе какъ-бы сростаются, а ранѣе такъ называемое придаточное обладало большей самостоятельностью. Большая самостоятельность придаточныхъ предложеній дѣлала возможнымъ ихъ постановку передъ „главными“.

Котораго князя хощеше и язъ вамъ того дамъ (Пск. I. 222, Потебня Ш. 345). Котрий чоловік отця свого, матер штить, поважае, тому Богъ . . . Потебня совершенно правильно отмѣчаетъ, что эта препозитивная постановка придаточныхъ предложеній въ данныхъ и подобныхъ случаяхъ была болѣе естественна, такъ какъ содержаніе придаточнаго предложенія предшествовало содержанію главнаго. „Намъ кажется естественнымъ порядокъ:

„я видѣлъ человѣка, который приходилъ“ . . . и „когда онъ приходилъ“, между тѣмъ, какъ это есть извращеніе первоначальнаго порядка, ради выраженія подчиненности придаточнаго. Первообразнѣе: „(который, когда) человѣкъ приходилъ, (и) я (того, его) видѣлъ“.

Если мы согласимся съ тѣмъ общимъ воззрѣніемъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ предложенія принимаютъ болѣе компактный видъ, то должны въ вышеприведенныхъ примѣрахъ видѣть образцы очень древняго языка, когда этой компактности не было. Какъ-же теперь согласовать съ этими примѣрами слѣдующія предложенія, которыя такъ же характеризуютъ древніе памятники: Иже бо не видѣвъ тоя радости въ той день, то неиметь вѣры. . . Ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедъше. . . т. е., когда вмѣсто „изъявительнаго“ наклоненія, выступаетъ причастіе. Вѣдь, повидимому, послѣдніе примѣры ужъ показываютъ бо́льшую несамостоятельность предложеній съ иже? Здѣсь, конечно, можно выдвинуть на первый планъ предикативность прежнихъ причастій, такъ что тѣ предложенія, которыя намъ кажутся такъ тѣсно примыкающими къ другимъ, ранѣе не представлялись таковыми. Не даромъ же являлась возможность постановки между ними союза *и*.

Я привелъ изъ матеріала, собраннаго Потебней, лишь 2 примѣра, въ которыхъ наши такъ называемыя опредѣлительныя придаточныя предложенія передаются мѣстоимѣніями и глаголами въ причастныхъ формахъ вмѣсто изъявительнаго наклоненія. Матеріалъ, собранный Потебней, даетъ возможность представить примѣры и другихъ придаточныхъ предложеній, въ которыхъ также вмѣсто нашего изъявительнаго наклоненія выступаютъ причастія. Напр. такъ называемыя придаточныя дополнительныя: невѣста сѧ, чесо просяща; невѣдѧть бо сѧ, чьто творѧще; аще добро твориши, вѣжьсѧ, кому творѧ; придаточныя подлежащія: нѣсть, кто милоуѩ; небѫдетъ, къто послушаѩ . . . не бысть, кто княжа; — придаточныя обстоятельства мѣста: невѣдяхоу бо, камо бѣжаше; куда же ходяще путемъ. . . . не дайте пакости дѣяти отрокомъ. . . .; а друзіи разбѣжалися, куда кто поспѣвъ; придаточныя предложенія сравнительныя и изъяснительныя: а како ся нагадавъше вси, тако

же съ тобою уладимся; какъ мога, такъ имъ бобра ловити; да приходячи Русь съльбьноіе ѥмлють, ѥлико хотячи; убогыхъ незабывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите; .... я отписую до честности твоей, якъ умѣя; придаточныя обстоятельства времени: коли хотяче молитву творити болному, преже глаголи...; якоже внидучи въ градъ.... когда отъимая.... придаточныя условныя: а гдѣ (въ смыслѣ если) будете хотя послали на мое лихо и вамъ тамо отослати...; аще усрѣсти вѣрующе.

Я сгруппировалъ данный матеріалъ по извѣстнымъ категоріямъ съ цѣлью нагляднѣе показать, какъ наши придаточныя предложенія передавались причастными формами, при чемъ о какомъ-то сокращеніи ихъ сравнительно съ придаточными „полными" не могло быть и рѣчи. Здѣсь вопросъ только въ томъ, обладали-ли дѣйствительно эти причастныя формы въ такой степени предикативностью, какъ то имъ приписывалъ Потебня. Если возьмемъ для примѣра предложеніе: невѣдѧть боса, чьто творѧще, то здѣсь наше изъявительное наклоненіе появляется, нужно думать, позже, какъ писалъ Потебня вопреки обратному мнѣнію Востокова; но почему появляется: потому-ли что причастіе теряетъ предикативность или потому, какъ намъ кажется, что причастіе не обладало настолько предикативной силой, чтобы удержать вновь полученную позицію. Если было-бы не такъ, то причастія настоящаго и прошед. времени должны были бы постепенно пріобрѣсти ту-же предикативную силу, которую пріобрѣли II причастія прошедшаго времени, сдѣлавшіяся вполнѣ формами изъявительнаго наклоненія.

Итакъ, считая ранѣе приведенныя „придаточныя" предложенія развившимися, отколовшимися отъ предложеній самостоятельныхъ, считая, что причастіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало и извѣстную долю еще большей предикативности, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Потебни о силѣ этой предикативности. Мнѣніе Потебни нашло себѣ продолжателя въ лицѣ ак. Ягича. Послѣдній уравнивалъ предикативную силу причастія прошедшаго врем. съ той предикативной силой, которую пріобрѣли II причастія прошедшаго времени на *лъ* послѣ постепен-

наго исчезновенія вспомогательнаго глагола (Beiträge 69—70). Но важно было-бы обратить вниманіе на то, какъ получалась предикативная сила причастій на-*лъ*; здѣсь было именно постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, значеніе этого послѣдняго какъ-бы впитывалось остававшимися причаст. ф. на *лъ*, а вѣдь ничего подобнаго не было съ причастіемъ на *ъ*, *въ*, или причастіемъ настоящаго времени. Иначе мы должны бы и при этихъ причастіяхъ подразумѣвать пропуски вспомогат. глагола, чего ни Потебня, ни Ягичъ, вопреки прежнимъ мнѣніямъ, не допускаютъ.

И дѣйствительно, такіе примѣры, какъ нѣсть прося, затѣмъ нѣсть къто прося и изъ этого еще, въ сущности, одного предложенія путемъ постепеннаго усиленія второй части: нѣсть, къто прося, могутъ показать, что въ уже отдѣлившемся придаточномъ предложеніи нѣтъ вспомогательнаго глагола, но онъ былъ тогда лишь, когда причастіе составляло одно цѣлое съ образовавшимся теперь „главнымъ“ предложеніемъ. Причастіе очутилось безъ бывшей опоры, оно начало употребляться вмѣсто изъявительнаго наклоненія, вполнѣ же стать на мѣсто этого послѣдняго ему не удалось. Еще большой вопросъ въ томъ, что не подразумѣвался-ли иной разъ, когда причастіе являлось въ качествѣ самостоятельнаго сказуемаго, и вспомогательный глаголъ при немъ.

Теперь вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Можно-ли уподобить наши „сокращенныя“ придаточныя предложенія тѣмъ, которыя я раньше приводилъ, и можно-ли считать послѣднія прототипами, источниками нашихъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній. На этотъ вопросъ, мнѣ кажется, дать положительный отвѣтъ нельзя. Причины тѣ, что въ приведенныхъ мною и подобныхъ примѣрахъ мы не видимъ удержанія причастій, а ихъ замѣну изъявительнымъ наклоненіемъ (въ такихъ примѣрахъ, какъ не вѣдяху камо бѣжаще, — замѣна: бѣжать т. е. неопред. наклоненіемъ). Но эти примѣры могутъ говорить о возможности вліянія на замѣну (на „сокращеніе“) несамостоятельныхъ предложеній со стороны близкихъ оборотовъ, въ которыхъ причастіе или позже дѣепричастіе непосредственно примыкало къ глаголу или подлежащему, входило въ составъ составного сказуемаго или было ихъ аппозиціей. Мы находимъ

и остатки прежнихъ оборотовъ въ такихъ примѣрахъ: итти куда зря, кто кого смога, тотъ того въ рога; бить чѣмъ попадя; малорусс.: з кимъ попавши, и нѣк. др. (См. Потебня II, 217).

Итакъ извѣстное расчлененіе, выдѣленіе мысли, заключавшейся въ глаголѣ предложенія и причастіи, образовавшихъ составное сказуемое, могло повести къ образованію придаточнаго предложенія. Въ этомъ придаточномъ предложеніи, еще очень сильно тяготѣвшемъ къ своему „главному", въ качествѣ сказуемаго выступало причастіе, при которомъ можетъ быть иной разъ въ началѣ подразумѣвался вспомогательный глаголъ; но въ заключеніе это причастіе иногда замѣнялось изъявительнымъ наклоненіемъ и образовавшаяся фраза дѣйствительно уже дѣлалась предложеніемъ, хотя и придаточнымъ. Съ другой стороны, прежніе обороты могли и оставаться, давая такъ называемыя наши „сокращенныя" предложенія.

Что разбираемыя причастія не достигли предикативной силы причастій на — *лъ*, указываетъ и то обстоятельство, что въ славянскихъ языкахъ они допускались въ качествѣ сказуемыхъ лишь при единствѣ подлежащихъ „главнаго" и „придаточнаго" предложеній. Это обстоятельство опять наглядно указываетъ на исторію происхожденія данныхъ оборотовъ. Вполнѣ можно согласиться съ той картиной, которую рисуетъ Потебня въ данномъ случаѣ, сближая разсматриваемые обороты съ предикативно-аттрибутивными и аппозитивными причастіями.

Возьмемъ такое предложеніе: и в ъ з р а т и с я А н д р е й н е в р е ж е н ъ, с ъ х р а н е н ъ Б о г о м ъ и м о л и т в о ю р о д и т е л ь с в о и х ъ (Потебня II, 154). Здѣсь мы видимъ употребленіе причастій въ видѣ аппозицій и данное предложеніе можетъ быть у насъ передано — н е в р е д и м ы й и пр., наряду съ этимъ, конечно, можетъ быть передано: б у д у ч и н е в р е д и м ъ . . . .

Затѣмъ такой примѣръ: к т о л и е е о б р ѣ т е п р ѣ с л у ш а в ъ с и і е м о і е . . . д а п р и м е г н ѣ в ъ . . .; здѣсь уже меньшая аппозитивность; у насъ можетъ быть передано: н а р у ш и в ш і й, и л и к о т о р ы й н а р у ш и л ъ, п р е с т у п и л ъ . . .

Подобная аппозитивная постановка причастій давала

бо́льшую возможность развиваться въ дальнѣйшемъ придаточнымъ предложеніямъ; причастіе въ данныхъ случаяхъ было дальше отъ сказуемаго, чѣмъ такъ называемое предикативно-аттрибутивное причастіе, и находясь дальше отъ глагола, примыкая болѣе къ подлежащему или дополненію, оно могло скорѣе стать сказуемымъ. Самъ смыслъ предложенія въ данномъ случаѣ указываетъ на бо́льшую самостоятельность аппозитивныхъ причастій предъ причастіями аттрибутивно-предикативными. Но, съ другой стороны, мы видимъ также, что эти бывшія аппозитивныя причастія, какъ показываетъ современный строй рѣчи (переходъ причастія въ дѣепричастіе), начинаютъ тѣсно примыкать къ глаголу, хотя и сохраняютъ признаки былой собственной глагольности. Сравнивая древне-русскую рѣчь, поскольку она отразилась въ древнихъ народныхъ памятникахъ, съ современной русской по синтаксическому строю и стремясь схватить разницу съ общей точки зрѣнія, можно уподобить первую древнимъ рисункамъ безъ перспективы: въ нихъ нѣтъ центра, предложенія текутъ другъ за другомъ, эти предложеія раздѣльны, самостоятельны, иногда неоконченныя.

Возьму примѣръ изъ одной древней грамоты:

„А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити... А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти... А которые господине слуги потягли къ дворьскому... и мнѣ тѣхъ не примати... А пріѣдетъ мой приставъ... но тѣ люди... ино или срокъ“... или слѣдующее мѣсто изъ старинной русской грамоты, гдѣ мы находимъ рядъ разнообразныхъ относительныхъ подчиненій: „на Покровскаго монастыря землѣ, *что* дана в Тетюшскоі монастырь под убогим домом и под слободу Тетюшскаго города, з животным выпуском, от водороіного врага, *котороі* впал в большоі враг, *котороі большоі враг* около города, *что в нем* ключь впал в Волгу реку, и того водороіного врага поставлен столб, *а на нем* грань, а под столбом пять камнеі, а напротив того столба яма, *а в неі* каменье, а от того столба и от ямы на столб же, *на немъ* двѣ грани; а столб стоит у дорошки, *что* ѣздят іс тоі монастырскоі слободки взвоз в город Тетюши“.

III.

Мысль и слово. Изученіе звуковой стороны слова. Графика.

Однимъ изъ первыхъ возможныхъ для постановки въ учебной грамматикѣ вопросовъ могъ бы быть вопросъ объ опредѣленіи, что такое языкъ и каково его отношеніе къ мысли. Если смотрѣть на языкъ только какъ на орудіе нашей мысли, то изученіе его во многомъ потеряетъ интересъ, такъ какъ языкъ являлся-бы тогда чѣмъ-то побочнымъ. Языкъ, говорилъ одинъ изъ великихъ мыслителей прошлаго столѣтія В. Гумбольдтъ, не есть какое-то мертвое произведеніе, а есть дѣятельность, это есть постоянная работа духа въ томъ направленіи, чтобы сдѣлать членораздѣльный звукъ выраженіемъ мысли.

Первоначально въ свой учебникъ я думалъ ввести этотъ отдѣлъ, но затѣмъ отказался въ виду его общей трудности для всѣхъ преподавателей, но думаю, гдѣ возможно, надо было бы предпринимать экскурсы въ эту область.

Труднымъ представляется выясненіе вопроса объ отношеніи мысли и языка. Тѣмъ болѣе это трудно, что даже представителями науки въ новѣйшее время проводятся совершенно ненаучныя воззрѣнія по даннымъ вопросамъ. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ недавно сравнительно изданной „Народной энциклопедіи" (изд. харьк. общ. распр. грам., VII т.): „Прошли тысячи лѣтъ, пока постепенно развилось его (т. е. человѣка) мышленіе и сложился его языкъ. Сперва его мысль подмѣтила нѣчто общее между отдѣльными лошадьми, отдѣльными собаками, и явились слова для обозначенія лошади, собаки, дуба; позже онъ замѣтилъ нѣчто общее между лошадью и собакою, между дубомъ и березой; явились понятія животное дерево и слова для этихъ понятій и т. д. . . ." (6). Здѣсь совершенно невѣрно представлена картина

развитія языка. И подобныя мысли мы можемъ сплошь и рядомъ отмѣтить въ нашей литературѣ.

Одной изъ крупныхъ ошибокъ, свойственныхъ многимъ изслѣдованіямъ въ различныхъ научныхъ системахъ, является перенесеніе настоящаго въ область прошлаго. Та работа анализа, которая свойствена намъ, не могла быть свойственой нашимъ отдаленнѣйшимъ предкамъ, и работа мысли уже сложившимися понятіями является не такой, какой она была въ періодъ зарожденія понятій. Первоначальное слово выдвигало на первый планъ извѣстный признакъ предмета. Это было въ настоящемъ смыслѣ обозначеніе извѣстнаго представленія. Человѣкъ, предположимъ, видѣлъ воду; могла остановить вниманіе человѣка особенность воды — текучесть, и вотъ готово слово, при чемъ это слово въ передачѣ на нашъ теперешній языкъ звучало бы такъ: „текучее"; останавливаетъ другая особенность, напр., прозрачность, и снова готово слово. Если мы предположимъ такой путь обозначенія одного и того же понятія различными словами, обозначавшими это понятіе съ различыхъ точекъ зрѣнія, со стороны тѣхъ впечатлѣній, которыя вызывались предметомъ или явленіемъ, то намъ станетъ понятнымъ, почему для обозначенія одного предмета раньше употреблялось иногда нѣсколько (часто много) названій.

Наряду съ такой работой мысли шла и другая. Къ слову — знаку представленія прибавлялось другое слово, которое обогащало прежнее представленіе новыми оттѣнками. Мы говоримъ: вода свѣтла. На первыхъ порахъ образованія предложенія, можно предположить, сказали бы: текучее свѣтъ, т. е. текучее какъ свѣтъ. Предложеніе, такимъ образомъ, слагалось путемъ синтетическимъ, а не аналитическимъ (какъ то можно было бы думать, основываясь на современномъ нашемъ предложеніи, орудующемъ понятіями). Изъ ряда подобныхъ синтетически составленныхъ предложеній постепенно образуется и слово — понятіе. Постепенно, такимъ образомъ, слово изъ знака представленія дѣлается знакомъ понятія, и благодаря тому, что начинаетъ вмѣщать въ себѣ обозначеніе ряда признаковъ, постепенно затемняется въ словѣ обозначеніе прежде всего выдвинутаго признака. Надо помнить также, что еще раньше передаваемое словомъ обозначало цѣлое воспріятіе, слово являлось цѣлой

рѣчью. Это слово передавало то, что у насъ теперь передаютъ имя и глаголъ. Что образовалось изъ слова — предложенія, по дифференціаціи имени отъ глагола, оставалось ли имя (при томъ nomen agentis) или имя съ оттѣнкомъ причастія — трудно сказать. При выдѣленіи имени и глагола не было, конечно, разницы между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ. Не надо забывать, что имѣющіяся у насъ „части рѣчи" — результатъ послѣдующей жизни. Наше „прилагательное" — результатъ большого отвлеченія.

Процессъ образованія языка не можетъ считаться выясненнымъ до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ, мышленіе на первыхъ порахъ совершалось далеко не съ такой легкостью, какъ теперь. При каждомъ словѣ возникало представленіе, при чемъ это представленіе облекалось въ словесныя формы, надѣленныя извѣстнымъ грамматическимъ обозначеніемъ рода. Чтобы хотя нѣсколько представить себѣ работу мышленія на первыхъ порахъ, нужно вспомнить, съ какимъ трудомъ дается знаніе иностранныхъ языковъ, нужно вспомнить, что при изученіи иностр. языка мы должны считаться съ такими факторами, какъ, напр., соображеніе о томъ, какого рода то или другое слово. Когда же мы теперь употребляемъ то или другое слово на своемъ языкѣ, то мы вовсе не думаемъ объ этомъ. Въ то же время грамматическій родъ существуетъ, существуетъ онъ съ пользой; только онъ уже не останавливаетъ на себѣ нашего вниманія и укладывается онъ въ общія рамки, существующія въ области безсознательной. Психологія вполнѣ правильно отмѣчаетъ ту огромную работу, которую можетъ совершать и совершаетъ эта область для нашего творчества. Она даетъ такія готовыя формы, которыя систематизируютъ новое, входящее въ область нашего сознанія.

Скрытый процессъ образованія словъ для насъ незамѣтенъ. Намъ кажется, что слово состоитъ только изъ звуковъ и обозначаемыхъ ими представленій и понятій. Когда мы мыслимъ, то въ нашемъ мышленіи, въ нашемъ сознаніи выступаетъ представленіе, понятіе, а звуковая сторона слова остается въ сферѣ безсознательной. Эта сторона является необходимой для возстановленія тогда, когда мы захотимъ возбудить подобныя нашимъ мыслямъ мысли у другихъ. Возможность думать, не прибѣгая къ словесному выраженію

мыслей, и является прежде всего причиной устанавливающагося раздѣленія мысли и слова.

Мы разъединяемъ мысль и слова, считаемъ вполнѣ возможнымъ говорить о мышленіи безъ словъ. Правда, на это возражаютъ, что когда мы молча о чемъ-либо думаемъ, то безсознательно для себя и незамѣтно мы произносимъ слова. На разъединеніи мысли и слова построены всѣ жалобы о невозможности часто выразить словомъ подвертывающуюся мысль, жалобы о томъ, что наше слово часто бываетъ безсильно и даже портитъ мысль. Извѣстны жалобы поэтовъ на то, что они никакъ не могутъ выразить своихъ мыслей, а мысли, выраженныя словами, обращаются въ „ложь".

„Мысль и чувства, говоритъ Кирѣевскій, тогда только могущественны, пока они не вполнѣ высказаны. Разъ они совершенно уяснились для разума и нашли выраженіе въ словѣ — они превратились въ цвѣтокъ, изображенный на бумагѣ: онъ не растетъ и не пахнетъ. Такъ и совершенно изъясненная мысль утрачиваетъ свою власть надъ думой человѣка. Она родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ".

„Я передалъ вамъ мое стихотвореніе, говоритъ Сюлли-Прюдомъ, — и оно стало чуждо моему сердцу: лучшее осталось во мнѣ — моихъ истинныхъ стиховъ не будутъ читать никогда. Какъ вокругъ цвѣтовъ порхаютъ бѣлыя бабочки, такъ вокругъ дорогихъ мнѣ мыслей толпится рой трепещущихъ стиховъ. Едва коснулась рука — онѣ вспорхнули и умчались, оставивъ по себѣ лишь легкій слѣдъ своихъ крыльевъ, хрупкихъ и робкихъ. Я не сумѣю схватить ихъ, не стирая ихъ нѣжной окраски; наколоть ихъ попарно на булавки — значитъ убить ихъ. Такъ наши души полны стиховъ, слышныхъ лишь намъ, невѣдомыхъ другимъ; вы такъ и не видите этихъ мотыльковъ — вамъ видны лишь наши пальцы, окрашенные ихъ цвѣтною пылью".

Въ приведенныхъ цитатахъ мы видимъ несправедливое отношеніе къ языку и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь сказывается неправильное пониманіе значенія языка для мышленія.

Я позволилъ себѣ привести всѣ эти мысли для того прежде всего, чтобы показать, насколько трудно было бы входить въ выясненіе положенія выдвинутаго еще Гумбольдтомъ, но до сихъ поръ неоцѣненнаго, какъ слѣдуетъ, что „языкъ есть органъ о б р а з у ю щ і й м ы с л ь".

Выясняя значеніе слова въ умственной жизни человѣка, можно остановиться на развитіи слѣдующихъ мыслей.

Слова закрѣпляютъ массу тѣхъ воспріятій, которыя испытываетъ человѣкъ; благодаря словамъ весь умственный капиталъ группируется, систематизируется. Этотъ капиталъ, заключенный въ словахъ, можетъ быть въ любое время вызванъ на поле сознанія изъ той области безсознательной, въ которой онъ покоится. Но конечно, важно, чтобы слова были полны содержанія. Въ одно и то же слово вливается различными лицами содержаніе иногда совершенно разное, и сплошь и рядомъ неодинаковое, никогда у двухъ разныхъ лицъ содержаніе не будетъ тожественнымъ. Это станетъ понятнымъ изъ того же процесса образованія понятій изъ представленій. На этомъ основано положеніе, выставленное Гумбольдтомъ, что „всякое пониманіе есть непониманіе".

Для того, чтобы яснѣе представить значеніе языка въ жизни народа и отдѣльнаго человѣка, можно воспользоваться сравненіемъ состоянія дикаря, владѣющаго малымъ запасомъ словъ, и человѣка цивилизованнаго, запасъ словъ котораго значительно больше и значительно шире вкладываемое въ эти слова содержаніе. Можно сопоставить также различные слои одного и того же народа.

Процессъ образованія нашего слова, значеніе слова въ образованіи нашей мысли особенно хорошо раскрыты въ изслѣдованіяхъ Потебни. Всякому изъ преподавателей русскаго языка, желающему поглубже всмотрѣться въ скрытые процессы жизни языка, слѣдуетъ прежде всего обратиться къ изслѣдованіямъ Потебни и къ изслѣдованіямъ его популяризатора и оригинальнаго продолжателя его мыслей проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Значеніе изслѣдованій Потебни и Овс.-Куликовскаго мнѣ пришлось уже подробно отмѣтить въ моихъ „Очеркахъ по исторіи изученія синтаксиса славянскихъ языковъ" (3-й выпускъ I-го тома и II томъ, Юрьевъ 1911 г.).

* * *

Грамматика до сихъ поръ очень мало обращала вниманія на изученіе звуковъ, она все свое вниманіе обращала на буквы, оправдывая какъ бы тѣмъ самымъ свое названіе.

Несмотря на нераздѣльность звука и мысли въ ка-

ждомъ словѣ, является полная возможность раздѣленія ихъ при изученіи, есть возможность изученія только звуковъ, составляющихъ слова, есть возможность изученія чисто внутренней стороны словъ, т. е. со стороны выражаемыхъ ими мыслей. Правда, когда мы будемъ изучать звуки, составляющіе слова, мы не будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на какія-то части словъ опредѣленныхъ, а будемъ разбирать и разсматривать ихъ въ отдѣльности. Поэтому ясно, что мы должны будемъ перейти къ изученію органовъ произношенія, такимъ образомъ перейти уже въ область физіологіи.

Изученіе звуковъ человѣческой рѣчи началось очень давно. Уже въ древности у индусовъ и у грековъ мы находимъ попытки разобраться въ свойствахъ различныхъ звуковъ; правда, попытки эти были далеки отъ научности. Начиная съ XVI в. мы имѣемъ труды, уже болѣе представляющіе удачныя попытки войти въ изученіе человѣческой рѣчи. На первыхъ порахъ въ новомъ времени изученіе человѣческой рѣчи вызывали чисто практическія нужды: желаніе искусственнымъ путемъ обучить звукамъ глухонѣмыхъ, затѣмъ выдвинутый нѣкоторыми педагогами XVIII в. вопросъ о звуковомъ способѣ при начальномъ обученіи. Въ концѣ XVIII в. и со стороны русской академіи наукъ былъ выказанъ интересъ къ разработкѣ физіологіи звуковъ: была предложена на конкурсъ тема — опредѣлить природу и свойства гласныхъ **a**, **e**, **o**, **u**, **i**, и построить приборъ, искусственно производящій эти гласные звуки. Удачнымъ по времени отвѣтомъ на поставленную тему была работа датчанина Краценштейна, который воспользовался результатами предыдущей разработки и присоединилъ собственныя наблюденія. Краценштейномъ же былъ построенъ и требуемый аппаратъ (сочиненіе К. написано было на латинскомъ языкѣ).

И въ XIX ст. изученію звуковъ человѣческой рѣчи не сразу удалось стать на вполнѣ научную почву. Въ данномъ случаѣ много вредила также и привычка ученыхъ къ буквѣ: филологи привыкли изучать не звукъ, а букву, которую отожествляли со звукомъ. На возникновеніе физіологіи звуковъ, какъ вполнѣ научной дисциплины, прежде всего повліяли успѣхи анатоміи и физіологіи органовъ рѣчи.

Образовавшаяся новая научная отрасль не можетъ претендовать на свою принадлежность къ области филологіи, если взять ее въ полномъ ея объемѣ.

Интересно, что и въ Россіи первый опытъ научнаго изученія звуковъ русской рѣчи принадлежалъ естественнику: это былъ трудъ собственно начинающаго-студента Барана („Стихіи человѣческой рѣчи. Физіологическое изслѣдованіе"; напеч. въ Маякѣ 1844 г.).

Начатки изученія физіологіи русскаго языка въ новое время прежде всего можно отмѣтить въ статьѣ Тулова „Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи" (Кіевъ 1874 г.). Но первымъ капитальнымъ трудомъ въ этомъ отношеніи является сочиненіе Грота. Самъ авторъ замѣчаетъ относительно своего труда, что онъ намѣренъ „при помощи физіологическихъ наблюденій разсмотрѣть звуки русскаго языка въ приложеніи къ требованіямъ филологіи: онъ прибѣгаетъ къ физіологическимъ объясненіямъ только въ той мѣрѣ, въ какой это кажется ему нужнымъ для означенной цѣли".

На русскомъ языкѣ имѣется уже нѣсколько общихъ трудовъ по физіологіи звукообразованія и въ частности физіологіи образованія русскаго языка:

Проф. Томсона Общее языковѣдѣніе; проф. Богородицкаго Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія, Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, Общій курсъ русской грамматики; проф. Булича Фонетика (статья въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Эфрона), Крушевскаго Антропофоника.

Недавно сравнительно изданное сочиненіе Брока „Очеркъ физіологіи славянской рѣчи" (вып. 5-й Энциклопедіи славянской филологіи, СПБ. 1910) не только въ отношеніи научномъ, но и въ отношеніи чисто педагогическомъ (учебномъ) представляется цѣннымъ. И въ то же время оно ясно показываетъ, что дать болѣе или менѣе полную картину изслѣдованія звуковъ славянской рѣчи въ настоящее время совершенно невозможно. Прежде всего подобная задача должна быть продѣлана относительно отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, при чемъ, конечно, не въ упрекъ г. Броку лучше, если бы задача и подобныя (относительно отдѣльныхъ слав. языковъ были бы продѣланы славянскими учеными въ родной ихъ области).

Изъ отдѣльныхъ трудовъ упомяну:

Проф. Богородицкаго Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. — Уч. Зап. Каз. ун. 1908 г. № 1; Критика на статью Усова Экспериментальная фонетика — Р. Ф. В. 1898 г. № 1—2, Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія — Уч. Зап. Казан. ун. 1905 № 3; Къ методологіи и техникѣ фонетическихъ изслѣдованій — тамъ же 1907 № 7—8; Усова — Экспериментальная фонетика (Изв. Ак. Н. 1897 г. № 4); Киттермана — Нѣсколько соображеній по физіологіи рѣчи (Ж. М. Н. П. 1902 № 8), Къ ученію о палатализаціи звуковъ русскаго языка (тамъ же, 903 № 2), Къ вопросу о длительности звуковъ русскаго языка (Изв. отд. рус. яз. и сл. Ак. Н. 905 № 4), Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ рус. яз. (тамъ же 908 № 1); Ершевъ — Графическій методъ изслѣдованія состава согласныхъ, характеръ ихъ составныхъ частей.... (Уч. зап. Каз. ун. 901 № 11), Экспериментальная фонетика (тамъ же, 902 № 12); Рогозинъ — Звуки рѣчи, какъ результатъ работъ органовъ (Филолог. Зап. 901 № 3); Щерба — Субъективный и объективный методъ въ фонетикѣ (Изв. отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. 1909 № 4), Критическія замѣтки по поводу книги Фринты о чешскомъ произношеніи (тамъ же 910 № 1) и новѣйшій трудъ: „Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи, СПБ. 1912 г.

Такъ какъ русскимъ ученымъ занимающимся физіологіей звуковъ, приходится во многомъ учиться у западноевропейскихъ представителей этой науки, нелишнимъ будетъ здѣсь упоминаніе о нѣкоторыхъ лучшихъ учебникахъ по физіологіи звуковъ: на нѣмецкомъ языкѣ Сиверса, Бремера, Траутмана, Фитора, Сторма, Есперсена, на французскомъ — Русслo, на англійскомъ — Свита.

Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время наука о звукахъ человѣческой рѣчи достигла особо крупныхъ результатовъ. Дѣло изслѣдованія звуковъ поставлено, конечно, на гораздо болѣе научную почву, но отъ многихъ выводовъ все же, вѣетъ извѣстной неустановленностью, неточностью Изобрѣтены приборы, которые графически характеризуютъ основныя стороны звуковъ рѣчи (высоту, силу), но приборы эти не могутъ считаться въ точности передающими

характерные признаки звуковъ. Изобрѣтены другіе способы также для изслѣдованія артикуляціонныхъ движеній нашихъ органовъ рѣчи (напр., окрашиваніе), но и здѣсь далеко отъ полной точности.

Въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по физіологіи звуковъ часто поражаетъ мелочность наблюденій, подчасъ даже какая-то безполезность этихъ наблюденій, а въ общихъ итогахъ, къ которымъ приходятъ эти изслѣдованія, отсутствіе общихъ законовъ. Но здѣсь нужно считаться съ тѣмъ, что наука эта сравнительно молодая.

Несмотря, однако, на многія неточности, недочеты, несмотря на то, что выводы, къ которымъ приходитъ посредствомъ своихъ приборовъ такъ называемая экспериментальная фонетика, кажутся добытыми и ранѣе посредствомъ простого наблюденія, нельзя не признать видимыхъ вполнѣ успѣховъ, которые достигнуты этой научной областью. Важно уже и то, что данныя простого наблюденія провѣрены здѣсь посредствомъ опыта. Нельзя не считаться также съ тѣмъ, что ранѣе дѣлаемыя наблюденія основывались главнымъ образомъ на акустическихъ чувствованіяхъ, а послѣднія далеко не всегда могутъ быть точными опредѣлителями.

Уже на первыхъ порахъ изученія грамматики представляется вполнѣ возможнымъ выяснить отношеніе русской азбуки къ звукамъ русскаго языка. Задача эта не такая трудная. Указаніе на то, что азбукой прежде всего добиваются люди самымъ простымъ, практическимъ способомъ передать нашу рѣчь, можно уже оправдать непередачу ею разнообразныхъ оттѣнковъ звуковъ рѣчи. Болѣе труднымъ представляется ознакомленіе учащихся съ разнообразными звуками русскаго языка и съ классификаціей этихъ звуковъ. Достаточно уже указать, что въ научной литературѣ не имѣется вполнѣ установленнаго взгляда на тѣ или другіе звуки, отсюда трудность распредѣленія этихъ звуковъ по группамъ. Затѣмъ затрудненіе возникаетъ при выясненіи характера разнообразныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, здѣсь надо заботиться о самомъ удобопонятномъ изложеніи и не вдаваться въ частности.

Прежде всего необходимо, какъ и въ другихъ, конечно, случаяхъ, чтобы преподаватель ранѣе самъ усвоилъ себѣ ясно нѣкоторыя физіологическія познанія, привелъ бы эти позна-

нія въ извѣстную систему. Если же мы посмотримъ не только на разнообразные учебники русскаго языка, но и на методики этого языка, то увидимъ обратное, т. е. самимъ составителямъ этого матеріала данный вопросъ представлялся совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ это стоитъ въ наукѣ, или представлялся крайне туманно — Это общее замѣчаніе избавляетъ меня отъ необходимости останавливаться на отдѣльныхъ учебникахъ или методикахъ.

Основательное знакомство съ анатоміей и артикуляціей нашихъ органовъ рѣчи очень важнымъ является въ практическомъ отношеніи для учителей родного языка. Важнымъ оно является, потому что даетъ возможность исправить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дефекты произношенія. Въ Германіи обращено уже вниманіе на важность примѣненія тѣхъ или иныхъ пріемовъ при изученіи иностранныхъ языковъ для усвоенія произношенія.

„Мы должны (говоритъ проф. Богородицкій) ознакомиться съ физіологической стороной произношенія: мы должны изучить анатомическое устройство органа рѣчи — его кости, мускулатуру, нервы; затѣмъ мы ознакомимся съ дѣйствіемъ каждой мышцы; а такъ какъ при произнесеніи каждаго звука происходитъ дѣйствіе не одной мышцы, а цѣлая ассоціація мышечныхъ движеній, то намъ слѣдуетъ разсмотрѣть эти координаціи мышечныхъ работъ. Мы должны также изучить акустическую сторону произношенія и физіологію органа слуха. Кромѣ того при изученіи произношенія необходимо переноситься воображеніемъ и въ область головнаго мозга, откуда идутъ импульсы для произведенія звуковъ рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно помнить, что звуки нашей рѣчи, производимые и слышимые, образуютъ въ нашемъ умѣ соотвѣтствующія двигательно-слуховыя представленія или идеи, это психическая сторона произношенія. Мы должны развивать мышечное чувство и чувство осязанія въ органахъ рѣчи, чтобы посредствомъ него, какъ можно точнѣе, узнавать о мѣстѣ, способѣ и степени дѣйствія органовъ рѣчи; мы должны изощрять глазъ и слухъ для наблюденія надъ своимъ произношеніемъ и надъ произношеніемъ другихъ. Наконецъ намъ слѣдуетъ ознакомиться съ ошибками наблюденія, которымъ подвергается даже самый опытный, такъ какъ произношеніе часто бываетъ не вполнѣ

доступнымъ для наблюденія . . . . . Послѣ такой подготовки мы можемъ приступить къ строгимъ физіологическимъ наблюденіямъ надъ собственнымъ своимъ произношеніемъ и надъ произношеніемъ другихъ . . . " (Очерки, 2-е изд., 32—33).

*
* *

Въ образованіи звуковъ нашей рѣчи принимаютъ участіе нѣсколько органовъ нашего тѣла. Прежде всего необходимъ воздухъ. Вдыханіе и выдыханіе воздуха производится легкими. Такимъ образомъ начнемъ съ работы этихъ послѣднихъ. Легкія покрыты сѣтью небольшихъ каналовъ. Эти каналы соединяются въ два большихъ канала. Эти два канала соединяются въ одинъ каналъ — дыхательный. При дыханіи и произнесеніи звуковъ воздухъ вдыхается и выдыхается черезъ дыхательный каналъ. При вдыханіи легкія расширяются, при выдыханіи они сжимаются. Происходитъ работа подобная работѣ мѣха. Наблюдается разница въ этой работѣ при обыкновенномъ дыханіи и произнесеніи словъ. Въ первомъ случаѣ вдыханіе и выдыханіе обыкновенно равномѣрны, во второмъ этой равномѣрности нѣтъ: вдыхается воздухъ сильнѣе, и равномѣрнѣе, а выдыхается какими-то толчками, съ извѣстными перерывами.

Въ верхней части своей дыхательный каналъ переходитъ въ г о р т а н ь.

Въ нашей учебной грамматикѣ встрѣчается названіе „гортанные" звуки въ примѣненіи къ **г, к, х.** Собственно говоря, названіе это не особенно точно, такъ какъ не только эти звуки гортанны, гортанны и другіе, такъ какъ всѣмъ звукамъ приходится проходить черезъ гортань. Правда, изъ названныхъ звуковъ только одинъ, именно **г**, при томъ въ произношеніи частичномъ (или въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, напр., малорусскомъ), могъ бы съ большимъ правомъ претендовать на названіе гортаннаго.

Между гортанью и дыхательнымъ каналомъ находятся перепонки, которыя имѣютъ особенное значеніе при образованіи голоса, а именно воздухъ, выходящій изъ легкихъ, заставляетъ дрожать эти перепонки. Перепонки эти, или такъ называемыя голосовыя связки, обладаютъ большой упругостью, онѣ то натягиваются, то сжимаются. Такимъ образомъ, если воздухъ, выходящій изъ легкихъ, заставляетъ дро-

жать перепонки, то получается голосъ. Чтобы изъ получающагося голоса образовался тотъ или иной звукъ, важно участіе другихъ органовъ рѣчи, а именно: полости рта, полости носа и языка.

Голосовыя связки образуютъ щель. Когда мы дышимъ, щель довольно широка и воздухъ безпрепятственно можетъ входить и выходить. Когда мы говоримъ, щель суживается, воздухъ, выпускаемый изъ легкихъ, встрѣчаетъ препятствія, выталкиваясь приводитъ въ движеніе голосовыя щели. Получается звукъ. Этотъ звукъ нѣсколько общаго неопредѣленнаго характера, это тонъ, оттѣнокъ которому, выразительность можетъ придать только участіе указанныхъ органовъ произношенія. Тонъ, проходя черезъ гортань, можетъ попасть только въ полость рта или же и въ полость носа. Послѣднее зависитъ отъ того, что небная занавѣска, отдѣляющая полость носа отъ полости рта, опущена, и такимъ образомъ остается открытымъ проходъ въ область носа. Получается въ послѣднемъ случаѣ носовое произношеніе звука. Это носовое произношеніе мы особенно можемъ наблюдать при насморкѣ, когда, благодаря опуханію небная занавѣска утолщается и опускается. Если же небная занавѣска поднята, то образовавшійся тонъ вступаетъ въ полость рта. Значеніе полости рта въ образованіи звуковъ значительнѣе, чѣмъ полости носа. Значеніе этой послѣдней скорѣе въ приданіи извѣстнаго оттѣнка тому или другому звуку, образующемуся все же въ полости рта. Полость рта подвижна, она мѣняетъ свою форму, все это способствуетъ разнообразію вырабатывающихся здѣсь звуковъ. Полость же носа остается неподвижной. Останавливаясь на работѣ полости рта, надо разсматривать работу здѣсь отдѣльныхъ органовъ. Самыя разнообразныя положенія при произнесеніи звуковъ принимаютъ губы, онѣ то растягиваются, то сжимаются, то выпячиваются впередъ, также подвиженъ и языкъ, особенно его кончикъ. Менѣе подвижными являются зубы, подвижна собственно нижняя челюсть. Болѣе пассивно принимаютъ участіе въ созданіи звуковъ твердое и мягкое небо; смотря по тому поднимается языкъ къ твердому или мягкому небу, образуются оттѣнки звуковъ.

Ознакомившись въ общемъ съ процессомъ производства звуковъ, присмотримся теперь къ характеру этихъ

звуковъ и постараемся послѣ этого привести ихъ въ систему, классифицировать. У насъ принято дѣлить звуки на гласные и согласные. Это дѣленіе усваивается нами въ большинствѣ механически или, въ крайнемъ случаѣ, подыскивается такое объясненіе, которое легло въ нашу прежнюю учебную литературу, т. е., что главные звуки гласные, а согласные, какъ показываетъ названіе, могутъ произноситься только съ гласными. Если мы всмотримся въ характеръ такъ называемыхъ гласныхъ звуковъ, то увидимъ, что въ основѣ этихъ звуковъ лежитъ упомянутый мною тонъ, т. е. звукъ производимый равномѣрными колебаніями голосовыхъ связокъ, въ основѣ согласныхъ лежитъ шумъ, т. е. когда дрожаніе голосовыхъ связокъ неравномѣрно. При образованіи согласныхъ звуковъ иногда не бываетъ дрожанія голосовыхъ связокъ. По процессу образованія къ гласнымъ примыкаютъ причисляемые у насъ къ согласнымъ звуки плавные и носовые: при образованіи этихъ звуковъ также требуется голосъ.

Создать систему въ дѣленіе звуковъ стремились, но нельзя сказать, чтобы эта система дѣйствительно была выработана.

При дѣленіи звуковъ нашей рѣчи примѣняются различные принципы, то дѣлятся звуки по значенію въ образованіи органовъ рѣчи, то по акустическимъ впечатлѣніямъ. Подобныя дѣленія вытекаютъ, конечно, изъ различныхъ особенностей, которыми характеризуются звуки.

Гласные звуки по своему уже характеру образованія звонки. Ихъ бо́льшая или меньшая звонкость объясняется положеніемъ полости рта — образованіемъ бо́льшаго или меньшаго резонатора изъ неба.

Въ научной нашей литературѣ мы находимъ дѣленіе гласныхъ на гласные — передняго, средняго и задняго ряда. Это дѣленіе обусловлено положеніемъ языка по отношенію къ небу. При этомъ принимается во вниманіе также участіе губъ [1]). Кромѣ того мы находимъ дѣленіе гласныхъ

1) Значеніе губъ при образованіи звуковъ особенно ясно при произнесеніи **о** и **у**. При произнесеніи **о** губы нѣсколько выдвигаются, особенно верхняя губа (при чемъ передняя часть языка опущена, средняя болѣе приближена къ мягкому небу). При образованіи **у** губы еще болѣе принимаютъ участіе: онѣ суживаются (такимъ образомъ, ротъ менѣе

на закрытые и открытые, при чемъ выдвигается, какъ основаніе этого, напряженность языка или открытіе большее или меньшее рта.

Экспериментальная фонетика приходитъ въ настоящее время къ тому убѣжденію, что разница между гласными заключается въ ихъ тонѣ, т. е. тонъ обусловливаетъ произнесеніе той или иной гласной. Различное положеніе, которое принимаютъ органы при этомъ, напр., различная укладка рта обусловливаетъ и различную силу произношенія, различный тонъ. Производились между прочимъ такіе любопытные опыты: на фонограмму записывался извѣстный гласный звукъ, напр. **а**, затѣмъ эту фонограмму заставляли дѣлать гораздо больше вращеній при воспроизведеніи звука и получался уже звукъ въ воспроизведеніи не **а**, а болѣе сильный, напр. **i**. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: получаетъ ли звукъ выходящій изъ голосовой щели ту или иную окраску, благодаря только формѣ принятой полостью рта, или это собственный звукъ полости рта, который вызывается лишь струей воздуха, вышедшаго изъ голосовой щели. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ главную роль при образованіи гласныхъ звуковъ играетъ полость рта, которую можно уподобить какой-то надставной трубѣ, при движеніи которой образуются разнообразные звуки. Если мы отъ акустической стороны гласныхъ звуковъ перейдемъ къ сторонѣ чисто физіологической, къ характеристикѣ гласныхъ по способу ихъ произношенія, то можно здѣсь представить нѣкоторую классификацію этихъ звуковъ. Такъ, если мы будемъ разсматривать ихъ со стороны измѣненія формы рта, то можно подраздѣлить звуки на: широкіе (**а**), средніе (**э**, **о**), узкіе (**i**, **у**, **ы**) — по характеру артикуляціи языка — среднеязычные и заднеязычные.

раскрытъ, чѣмъ при **о** (какъ и при **о** опущена передняя часть языка, при чемъ эта часть нѣсколько какъ то сжимается, а средняя часть языка приподнята къ границѣ твердаго и мягкаго неба). Для образованія звука **е** языкъ поднимается своей серединою къ твердому небу, при чемъ губы находятся уже въ состояніи покоя.

При произнесеніи звука **и** приподнимается къ твердому небу передняя часть языка (кончикъ языка остается опущеннымъ), ротъ раскрытъ немного. Звукъ **а** произносится при обыкновенномъ укладѣ рта. Звукъ **ы** произносится при такомъ же поднятіи языка, какъ при **у**, и при положеніи губъ, какъ при **и**.

Мы должны при этомъ отмѣтить, что въ трудахъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся физіологіей звуковъ, мы не найдемъ полнаго единства въ пониманіи и опредѣленіи того или другого термина. Надо также имѣть въ виду, что въ общемъ ученіи о гласныхъ въ упомянутыхъ трудахъ сильно отражаются ученія западно-европейскихъ ученыхъ. Наблюденія отличаются также и извѣстной долей субъективизма. Возьмемъ хотя бы частичный вопросъ о напряженности или ненапряженности гласныхъ, о дѣленіи ихъ по этому принципу. По отношенію къ русскимъ гласнымъ новѣйшій русскій изслѣдователь г. Щерба выдвигаетъ этотъ принципъ только въ его общемъ примѣненіи, отмѣчая, что русскіе гласные звуки менѣе напряжены, чѣмъ французскіе.

Насколько мы не можемъ похвалиться существованіемъ твердо установленнаго дѣленія гласныхъ звуковъ, показываетъ то критическое отношеніе, которое выказалось въ недавнемъ трудѣ Щербы къ обще уже признанному дѣленію. Такъ въ нашей научной литературѣ, въ трудахъ профессоровъ Томсона, Фортунатова, Поржезинскаго и др., мы найдемъ дѣленіе гласныхъ на три указанныхъ вида: задніе или задне-язычные, средніе или средне-язычные и передніе или передне-язычные. Къ заднеязычнымъ относятся **а**, **о**, **у**, при чемъ **о** и **у** являются звуками лабіазованными. Детально изслѣдуя процессъ произнесенія русскаго **а**, Щерба приходитъ къ выводу, что звукъ этотъ образуется вовсе не поднятіемъ задней части языка къ небу, а передней части языка при общемъ низкомъ положеніи языка. Такимъ образомъ русское **а** въ отличіе, напр., отъ французскаго **а** Щерба называетъ переднимъ. Къ переднимъ звукамъ онъ причисляетъ также и **о**, оставляя названіе задняго только по отношенію къ **у**.

Два граф. знака **е** и **ѣ** обозначаютъ теперь у насъ одинъ звукъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ русской литературной графикѣ знаки для передачи звуковъ **а**, **е**, **и**, **о**, **у**, **ы**. Если мы будемъ прислушиваться къ произнесенію этихъ звуковъ въ различныхъ словахъ, то мы увидимъ, что произносятся они съ различными оттѣнками, что имѣются наконецъ звуки своего рода промежуточные между **а** и **е**, **о** и **а** и пр. Переходя отъ акустическаго наблюденія

къ физіологическому, мы можемъ замѣтить, что органы рѣчи при произнесеніи одного, напр., звука **а** и пр. могутъ нѣсколько варіировать свою работу. Такъ, напр., языкъ, который играетъ такую роль при образованіи гласныхъ, можетъ быть въ болѣе напряженномъ состояніи, и мѣняется оттѣнокъ гласнаго, губы могутъ болѣе вытягиваться, отсюда образуется новый оттѣнокъ въ произношеніи. Количество гласныхъ (ихъ долгота или краткость) обусловливается тѣми же причинами, при чемъ все это на письмѣ можетъ быть не отмѣчаемо, какъ не отмѣчается и другіе менѣе замѣтные оттѣнки.

Оттѣнки въ произношеніи того или другого гласнаго крайне разнообразны, такъ что получается цѣлый рядъ постепенныхъ измѣненій основного характера гласнаго. Неудивительно поэтому, что даже въ научныхъ трудахъ стремятся установить такъ называемыя фонемы, это какія-то общія представленія того или иного звука, представленія-типы. Въ данномъ случаѣ важны труды проф. Бодуэна де Куртенэ (Prôba teorji alternacyj fonetycznych. Kraków 1894) и Щербы (Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи. СПБ. 1912), который развивалъ мысли Бод. Куртенэ. Нельзя, впрочемъ, не указать на то, что фонема, понимаемая въ смыслѣ указанныхъ изслѣдователей, заключаетъ въ себѣ нѣчто къ языку неотносящееся въ строгомъ смыслѣ, а связанное съ письмомъ, съ графическимъ изображеніемъ. Или можно еще сказать такъ: устанавливая фонемы звуковъ, мы приближаемся къ той работѣ, которую продѣлалъ первоначальный составитель алфавита: онъ уловилъ наиболѣе общее впечатлѣніе отъ родственныхъ оттѣнковъ звука и передалъ ихъ въ одномъ общемъ начертаніи. Мы же, безспорно, находимся въ отысканіи фонемы подъ вліяніемъ этого даннаго не нами письменнаго знака.

„Безусловно самостоятельными гласными фонемами русскаго языка являются **а**, **е**, **і**, **о**, **у**. Что касается **ы**, то это въ значительной мѣрѣ менѣе самостоятельная фонема, находящаяся въ интимныхъ отношеніяхъ съ **і**, котораго она является какъ бы оттѣнкомъ“ (Щерба, Русскіе глас., 50), но впрочемъ, дальше тотъ же авторъ склоненъ признать и **ы** самостоятельной формою, хотя не въ такой степени,

какъ другіе перечисленные гласные звуки, принимая во вниманіе то обстоятельство, что со смысловой точки зрѣнія слишкомъ мало случаевъ, гдѣ **ы** и **и** являются тожественными. Правда, что **ы** не употребляется въ началѣ словъ, какъ не употребляется въ качествѣ самостоятельнаго звука (на подобіе напр.: **а**!, **о**! и пр.), что этотъ звукъ является параллельно употребляющимся **и** только послѣ твердыхъ согласныхъ, такъ что морфологически одинаковые окончанія: жены-души.

Въ Фонетическихъ Этюдахъ Томсона мы найдемъ много подобранныхъ доказательствъ въ пользу того, что **ы** дифтонгъ. Томсонъ указываетъ и на способы передачи этого звука въ древнихъ рукописяхъ: славянскихъ — писанныхъ латинкою, на способы протягивать этотъ звукъ въ древне-сл. нотныхъ книгахъ, гдѣ онъ изображался **ыиии** и пр. Другой же экспериментаторъ Богородицкій считаетъ **ы** монофтонгомъ и опирается на графическія изображенія даннаго звука. Указанія лингвистическаго и палеографическаго характера (напр., то, что страннымъ являлось бы въ древне-ц.-сл. графикѣ появленіе подобнаго изображенія для одинарнаго звука) являются довольно соблазнительными, чтобы присоединиться къ мнѣнію проф. Томсона, но съ другой стороны имѣются и данныя, которыя говорятъ, что относительно по крайней мѣрѣ современнаго **ы** нужно придерживаться мнѣнія проф. Богородицкаго. Правда, и проф. Томсонъ указываетъ на причины, которыя способствовали во многихъ случаяхъ образованія у насъ одинарности звука **ы** (напр., вліяніе малорусскаго нарѣчія, вліяніе создавшагося произношенія въ литературной рѣчи), однако думается, если мы будемъ дѣлать наблюденія надъ произношеніемъ **ы**, мы скорѣе убѣдимся въ современной монофтонгичности даннаго звука и даже изъ характера этого звука при признаваемой его монофтонгичности мы будемъ въ состояніи объяснить нѣкоторыя явленія, которыя кажутся проф. Томсону указаніемъ на дифтонгичность звука. Зв. **ы**, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Богородицкій, по своей артикуляціи близокъ къ **и**: разница только въ мѣстѣ артикуляціи — **ы** образуется задней частью языка, а **и** средней. Если мы теперь будемъ произносить не прерывая — звукъ **ы**, то въ дальнѣйшемъ произношеніи можетъ происходить нѣкоторое ослабле-

ніе и звукъ **ы** постепенно можетъ переходить къ произношенію близкому къ **и**. Такъ бы я объяснилъ изображенія **ыиии** встрѣчающіяся въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ. Латинская же транскрипція при передачи **ы** черезъ **ui** то же можетъ не только говорить о дифтонгичности сл. **ы**, а и о томъ, что здѣсь стремились, можетъ быть, не особенно удачно передать основной характеръ этого звука, близкаго къ **і**. Свое объясненіе я подтвердилъ бы еще указаніемъ на то измѣненіе, которое происходитъ при извѣстномъ ослабленіи произношенія съ нѣкоторыми согласными звуками.

Кромѣ указанной разницы въ характерѣ гласныхъ и согласныхъ по отношенію къ голосу, имѣется разница и въ формѣ самой полости рта. При произнесеніи согласныхъ звуковъ полость рта принимаетъ болѣе суженную форму, что не даетъ возможности такого свободнаго прохода воздуха, какъ при произнесеніи гласныхъ. Затѣмъ надо имѣть въ виду, что часть согласныхъ, такъ называемыхъ взрывныхъ, образуется даже при такой формѣ полости рта, что нѣкоторые органы рѣчи производятъ своего рода затворъ, не дающій сразу выйти воздуху. Если при образованіи согласныхъ безъ затвора при суженіи полости рта получается своего рода треніе выдыхаемаго воздуха, то при образованіи согласныхъ съ затворомъ получается для произнесенія звука своего рода взрывъ затвора (отсюда идетъ названіе: „взрывные“).

Въ предварительную общую классификацію согласныхъ можно положить степень суженія полости рта. Если органы рѣчи сжаты лишь настолько, что воздухъ можетъ проходить и звукъ такимъ образомъ можетъ произноситься безъ извѣстнаго перерыва, то получаются звуки д л и т е л ь н ы е (иначе, эти звуки называются фрикативными или спирантами). Если же органы рѣчи настолько сжаты, что долженъ произойти взрывъ и звуки такимъ образомъ могутъ произнестись только мгновенно, то получаются звуки м г н о в е н н ы е (или взрывные, моментальные).

Дальнѣйшая классификація можетъ быть произведена по мѣсту образованія согласныхъ звуковъ. Принято обыкновенно здѣсь такое дѣленіе: губные, зубные и гортанные. Относительно неправильности термина „гортанные“ уже сказано. Можно также не принимать и термина „зубные“, потому что главнымъ органомъ при образованіи „зубныхъ соглас-

ныхъ" является языкъ. Такимъ образомъ измѣняя указанные термины, можно было бы скорѣе установить такое дѣленіе: губные и язычные. Въ послѣднемъ дѣленіи можно произвести, какъ увидимъ, еще рядъ подраздѣленій.

Отъ положенія губъ зависитъ образованіе согласныхъ длительныхъ или взрывныхъ. Губными согласными длительными являются: **в** и **ф**, губными мгновенными: **б** и **п**. Вслушиваясь въ произношеніе этихъ звуковъ, мы отмѣчаемъ ихъ акустическія особенности: **в** и **б** — звонкіе, **ф** и **п** — глухіе.

Если мы возьмемъ звуки **в, п, д, т, к, г,** то увидимъ, что произносятся они сразу, мгновенно, благодаря тому, что образовывающіеся затворы органовъ рѣчи подъ напоромъ воздуха разрываются. Если, напр., мы сомкнемъ губы, затѣмъ будемъ выпускать звучащій, воздушный токъ, то послѣдній, скопившись въ полости рта, заставитъ губы разжаться и образуется звукъ **б**. Если напоръ воздуха будетъ произведенъ безъ дрожанія голосовыхъ связокъ, то получится звукъ **п**.

Если затворъ образуется верхними и нижними зубами (при чемъ участвуетъ и языкъ), то получаются **д** и **т**. Отъ затвора, образуемаго средней или задней частью языка и неба, получаются звуки **г, к** (при чемъ при поднятіи средней части языка эти звуки болѣе мягкіе).

Принимая терминъ язычные согласные, можно сдѣлать слѣдующее подраздѣленіе язычныхъ: передне, средне и задне-язычные согласные. Къ передне-язычнымъ относятся: **з** и **с**, **ж** и **ш**. По акустическимъ особенностямъ первые принято называть свистящими, вторые — шипящими. Кромѣ того, и здѣсь можно различить звонкость и глухость звуковъ. Надо замѣтить также, что въ научныхъ подраздѣленіяхъ этихъ согласныхъ, въ опредѣленіи ихъ основного характера не все представляется одинаковымъ, дѣлаются также подраздѣленія въ характерѣ данныхъ звуковъ въ различныхъ языкахъ; даже и относительно русскаго языка не всѣ изслѣдователи сходятся въ опредѣленіи (болѣе тонкомъ) этихъ звуковъ, называя ихъ то верхне-зубными, то альвеолярными (алвеолы — верхнія десны), или разъединяя (относя **з** и **с** къ зубнымъ, а **ж** и **ш** къ альвеолярнымъ).

Къ средне-язычнымъ принадлежатъ у насъ **к, г, х** въ извѣстныхъ соединеніяхъ (такъ какъ тѣ же звуки могутъ

быть и задне-язычными), и звукъ **j**, выраженія которому не имѣется въ нашей азбукѣ. Эти звуки называются также средненебными, потому что спинка языка поднимается къ среднему небу (въ соотвѣтствіи съ этимъ — задненебные).

Что между гласными и согласными звуками нѣтъ по существу огромной разницы, что эти звуки во многомъ приближаются другъ къ другу, показываютъ нѣкоторые переходы гласныхъ въ согласные, напр. **и** въ **j**, **у** въ **в**. Если мы сравнимъ процессъ образованія **и** и **j**, то убѣдимся въ большой близости этихъ звуковъ. При произношеніи **и** между твердымъ небомъ и передней частью языка, которая приближается къ твердому небу, образуется узкій проходъ, черезъ который проходитъ звучащій токъ воздуха. Если мы этотъ проходъ сузимъ, такъ что воздушному току придется съ трудомъ пробиваться черезъ этотъ новый проходъ, при чемъ будетъ образовываться треніе отъ проходящаго тока о стѣнки суженія, то получится **j**.

Въ числѣ согласныхъ имѣются звуки, которые образуются, какъ и гласные, изъ тоновъ, а не изъ шумовъ. Это такъ называемые плавные — **л**, **р** (и мягкіе **ль**, **рь**) и носовые **м** и **н** (мягкіе также **мь**, **нь**). Принято въ наукѣ называть ихъ „сонорными" (сонорными являются, конечно, и всѣ гласные — „сонорный": звучащій). Въ образованіи **р** и **л** принимаетъ особенное участіе языкъ. При произнесеніи **р** передняя часть языка нѣсколько изгибается къ рѣзцамъ (при чемъ кончикъ языка приподнимается къ верху). Токъ звучащаго воздуха проходитъ вдоль по языку и заставляетъ вибрировать кончикъ языка. При произнесеніи **л** кончикъ языка плотно прилегаетъ къ рѣзцамъ. При произнесеніи **м** и **н** воздухъ выходитъ черезъ полость носа, потому что небная занавѣска опустившись закрываетъ полость рта. Но при образованіи этихъ звуковъ полость рта играетъ роль, являясь резонаторомъ, затѣмъ въ области рта происходитъ для образованія **м** затворъ посредствомъ губъ, а для образованія **н** этотъ затворъ производится передней частью языка, прилегающей къ рѣзцамъ. При образованіи мягкихъ носовыхъ языкъ приближается болѣе къ твердому небу.

Часть согласныхъ, какъ мы видѣли, образуется благодаря суженію между органами рѣчи. Воздушный токъ (при дрожаніи голосовыхъ связокъ или безъ дрожанія) проходитъ

через различнаго рода суженія и получаются разные звуки; **ж**, напр., произносится при приближеніи средней части языка къ твердому небу; если суженіе происходитъ нѣсколько далѣе къ задней части языка (при чемъ голосовыя связки раздвигаются и не звучатъ), то получается **ш**.

То же самое можно отмѣтить относительно **з** и **с**. Первый звукъ звонкій, происходитъ онъ при дрожаніи голосовыхъ связокъ, при чемъ суженіе образуется при приближеніи передней части языка къ рѣзцамъ зубовъ. При отдвижкѣ этого суженія и при растянутости голосовыхъ связокъ (т. е. при отсутствіи дрожанія ихъ) получается глухой звукъ **с**.

Сравнивая перечисленные сейчасъ согласные звуки съ такими, напр., звуками согласными, какъ **к**, **б** и пр. мы видимъ особенность этихъ звуковъ, сближающую ихъ съ сонорными звуками, — извѣстную длительность. Воздушный токъ выходитъ черезъ суженіе и можетъ протягиваться большее или меньшее время. Поэтому **ж**, **ш**, **з**, **с** называются длительными согласными (или спирантами). Къ такимъ же длительнымъ согласнымъ относятся звон. **в**, глухой **ф**, упомян. звонкій **j** и соотвѣт. глухой **х**.

Въ русскомъ языкѣ имѣются согласные звуки сложные — **ч**, **ц**, **щ**, въ народномъ языкѣ есть также особый сложный звукъ, который звучитъ какъ **дз**. Разлагая эти сложные звуки на составныя ихъ части, мы видимъ, что эти части представляютъ по характеру образованія однородные звуки. Такъ **ц** образуется изъ сліянія **т** и **с**, при чемъ **т**-зубной мгновенный, **с** — зубной длительный. Звукъ **ч** состоитъ изъ **ть** и **шь** — при образованіи **т**, какъ мы видѣли принимаетъ участіе языкъ, особенно участіе послѣдняго при **ть**, мѣсто артикуляціи послѣдняго близко къ мѣсту артикуляціи **шь**, образуемаго также при помощи языка. Такимъ образомъ сложные согласные звуки состоятъ изъ согласнаго мгновеннаго и длительнаго. По характеру произношенія **ч** и **ц** глухіе, звонкимъ является лишь существующій въ народныхъ говорахъ **дз**.

Мы можемъ прослѣдить образованіе сложныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ. Для этого слѣдуетъ сравнить нѣкоторыя формы нашего литературнаго языка и формы народной русской рѣчи. Въ литературномъ языкѣ: у м ы в а е т с я, въ нар. р.: у м ы в а е ц а (или: позднѣйшая форма—

— умываетца, умываецца). Мы сами произносимъ въ сущности не умывается, а умываецца. Происходитъ сохраненіе **тс** потому, что эти согласные относятся къ различнымъ слогамъ (такъ какъ **ся** чувствуется еще какъ отдѣльное слово, или, по крайней мѣрѣ, сохраняетъ какой то отблескъ послѣдняго), если же **т** и **с** начинаютъ чувствоваться какъ бы въ одномъ слогѣ, то получается **ц**.

Въ названіяхъ „мягкій", „твердый", примѣняемыхъ къ гласнымъ и согласнымъ звукамъ, мы видимъ какъ основаніе акустическое начало. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ звуки начали изучаться прежде всего съ этой стороны. Въ настоящее же время, когда развивается физіологическое направленіе въ изученіи звуковъ, послѣдніе начали изучаться по мѣсту и способу своей артикуляціи. Сдѣлано наблюденіе, что мягкіе согласные образуются поднятіемъ передней спинки языка къ твердому небу — palatum, отсюда и названіе этихъ согласныхъ палатализованными. Данный вопросъ, впрочемъ, не можетъ въ настоящее время считаться вполнѣ рѣшеннымъ. Въ иностранной и въ нашей литературѣ по физіологіи звуковъ мы встрѣчаемся съ двумя противоположными мнѣніями: по одному изъ нихъ умягчаемость согласнаго есть соединеніе его съ **j**-томъ; по другому — умягченный звукъ есть новый звукъ. Въ послѣднемъ направленіи у насъ высказались Бетлинкъ (Учен. Зап. I и III Отд. Ак. Н. т. I, 8). Гротъ (Филол. Разыскан. III) и въ послѣднее время Китерманъ (Ж. М. Н. П. 1903 № 2). Для доказательства можно воспользоваться тѣмъ любопытнымъ способомъ, который предлагаетъ г. Китерманъ. Если произносить протяжно конечный звукъ въ словѣ конь и обращать вниманіе, откуда выходитъ воздухъ, то наблюденіе это приведетъ къ заключенію, что выдыханіе происходитъ черезъ носовую полость, какъ и при **н** (при выдыханіи совѣтуется помѣстить ладонь руки подъ ноздрями; протягиваніе **j**-та могло бы происходить и съ зажатыми ноздрями, между тѣмъ этого нельзя сдѣлать при произнесеніи умягченнаго **н**; протяженіе же **j**-та вполнѣ возможно при закрытыхъ ноздряхъ).

Для производства наблюденій надъ положеніемъ артикулирующихъ органовъ при произнесеніи того или иного звука пользуются различными способами. Можно, напр. пользоваться зеркалами, изъ которыхъ одно ставится въ вертикальномъ положеніи, другое кладется въ

горизонтальномъ положеніи. Наблюденія затѣмъ производятся или просто или съ окрашиваніемъ языка или неба безвредной краской. Въ одномъ изъ зеркалъ получается изображеніе полости рта въ опрокинутомъ видѣ. Можно прямо прибѣгать къ помощи пальца, которымъ при навыкѣ довольно легко опредѣляется положеніе того или другого артикулирующаго органа.

* * *

Является очень трудной задачей передать въ точности на письмѣ разнообразные звуки нашей рѣчи. Если мы вслушаемся, то одна и та же буква передаетъ у насъ звуки различныхъ оттѣнковъ. Такъ, напр.: звукъ **г** въ словѣ гусь не одинаковъ со звукомъ **г** въ словѣ враги, то же самое слѣдуетъ сказать относительно звука **к**: кусокъ, кинь и пр. Въ однихъ случаяхъ (гусь, кусокъ) звуки согласные (**г. к.**) тверды по произношенію въ другихъ (враги, кинь) они мягки. На письмѣ это не отмѣчается, не отмѣчается твердость и мягкость согласныхъ даже въ такихъ случаяхъ, какъ: село, селѣ. Въ обоихъ этихъ словахъ **с** стоитъ предъ одной и той же гласной, но произносится неодинаково: въ первомъ словѣ тверже, во второмъ мягче. Вообще, звукъ очень сложенъ, онъ имѣетъ различные оттѣнки произношенія, и однимъ знакомъ въ точности передать звукъ невозможно. То обстоятельство, что наша азбука, какъ и азбуки другихъ народовъ, далеки отъ точности, не является вовсе въ практическомъ отношеніи недостаткомъ. Это обстоятельство представляетъ даже своего рода удобства. Назначеніе письма передавать рѣчь наиболѣе простыми средствами. Стоитъ просмотрѣть рядъ попытокъ создать точно воспроизводящіе нашу рѣчь способы письма, чтобы убѣдиться въ ихъ трудности и практической неприложимости. Такія точныя воспроизведенія являются необходимыми въ томъ случаѣ, если приступаютъ къ изученію звукового строя языка съ научной точки зрѣнія. Кромѣ указаннаго неудобства, надо помнить и о томъ, что при точномъ воспроизведеніи нашей звуковой рѣчи, не можетъ быть выдвинуто единство письма. Стоитъ припомнить, какъ произносится то или другое слово въ томъ или иномъ нарѣчіи, затѣмъ, въ различныхъ говорахъ, чтобы представить себѣ все разнообразіе написаній, которое должно бы получиться при точномъ воспроизведеніи нашей рѣчи.

Наша графика въ теченіе вѣковъ подвергалась сильнымъ видоизмѣненіямъ. Эти видоизмѣненія были общаго и частнаго характера. Странной можетъ казаться для нашего глаза система древне-русскаго писанія — это слитное, нераздѣльное письмо, рѣдкое употребленіе знаковъ препинанія, причемъ не въ такомъ часто смыслѣ, какъ у насъ, рѣдкое употребленіе большихъ буквъ. Подобное слитное письмо долго удерживалось, оно пережило даже время книгопечатанія, найдя себѣ откликъ въ нашихъ печатныхъ книгахъ. Графика наша была заимствована, она была создана для другого народа, очень близкаго, родственнаго намъ. Слѣдовательно, даже на первыхъ порахъ своего существованія у насъ наша азбука не вполнѣ соотвѣтствовала звуковой сторонѣ нашей рѣчи, азбука эта не была уже тогда строго фонетичной.

Различаютъ правописаніе фонетическое, этимологическое и историческое. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ всякое этимологическое письмо тѣмъ самымъ уже историческое, то можно было бы правописаніе различать фонетическое и историческое. Конечно, при этомъ нужно помнить, что не всякое историческое правописаніе является этимологическимъ (возьмемъ написанія искусственно установляемыя, напр.: миръ, міръ, разница въ оконч. прилагат. **ые**, **ыя** и пр.). Ни объ одномъ правописаніи нельзя сказать, чтобы оно было строго фонетическимъ.

Привычка общества къ принятому и укрѣпившемуся историческому правописанію, накопившійся научно-литературный капиталъ, вообще книжные источники дѣлаютъ трудно исполнимыми попытки коренной реформы правописанія. Письменныя начертанія являются однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нашей умственной жизни, они являются какъ-бы составными частями нашего мышленія. Нарушеніе орѳографіи, какъ-то ни странно на первый взглядъ, нарушаетъ гармоническую работу нашей мысли. Для грамотнаго народа, какъ замѣчаетъ Габеленцъ, правописаніе это второй народный языкъ. Неоднократны были въ западной Европѣ попытки къ реформированію правописанія. Въ Англіи, напр., гдѣ въ этомъ особенно сказывалась нужда, этотъ вопросъ поднимался неоднократно. „Но всѣ наши привычки, замѣчаетъ одинъ изъ англійскихъ ученыхъ, и ас-

соціаціи такъ тѣсно связаны съ дорогимъ и близкимъ намъ видомъ нашей Библіи, нашего молитвенника, нашей общей литературы въ ея старинномъ видѣ, что почти нѣтъ надеждъ на какую-то ни было реформу нашей орѳографіи“.

Конечно, нельзя закрывать глазъ на тѣ затрудненія, иногда очень большія, которыя вносятся застывшей орѳографіей и потому вполнѣ можно оправдать попытки, которыя стремятся устранить эти затрудненія, не создавая, конечно, новыхъ затрудненій въ видѣ трудно пріемлемыхъ нововведеній и безъ стремленія разомъ прекратить связь съ создавшейся правописною традиціей, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, какъ указано уже, имѣющей огромное значеніе въ жизни народа.

Попытки реформировать наше правописаніе начались уже давно. Эти попытки нашли себѣ яркое выраженіе прежде всего въ введеніи гражданскаго шрифта Петромъ Великимъ. При Петрѣ Великомъ, какъ шутливо писалъ Ломоносовъ, не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили съ себя широкія шубы (слав. шрифтъ) и нарядились въ лѣтнія одежды (гражд. азб.). Въ трудахъ Ломоносова, Тредьяковскаго и Сумарокова мы видимъ различные взгляды на русское правописаніе и стремленіе провести въ жизнь эти взгляды.

Тредьяковскій, Сумароковъ и Ломоносовъ сильно увлекались спорами о русскомъ правописаніи. По этому поводу писали они ученыя статьи и сатирическія стихотворенія. Такъ Тредьяковскій написалъ разсужденіе „Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ мужескаго рода“. Въ отвѣтъ на это разсужденіе Ломоносовъ написалъ: „Примѣчанія о множественномъ окончаніи именъ прилагательныхъ“, а также сатирическое стихотвореніе: „искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся“. Въ разсужденіяхъ того времени было много курьезнаго. Невольно возстаетъ въ памяти часто осмѣиваемая фигура Тредьяковскаго съ его мелочностью, педантизмомъ. „Въ буквахъ, въ буквахъ токмо вся состоитъ человѣческая мудрость“! А между тѣмъ въ подобныхъ смѣшныхъ подчасъ выраженіяхъ скрывались иногда вполнѣ здравыя мысли. У насъ какъ-то болѣе принято выдвигать смѣшныя стороны трудовъ Тредьяковскаго, минуя стороны вполнѣ положительныя. До невѣроятности нелѣпы,

конечно, подобныя словопроизводства Тредьяковскаго, какъ: скиѳы отъ скитаться, Кельты отъ желты, и пр. Подобныя же производства мы находимъ у Сумарокова (напр.: поэтъ отъ поетъ, исторія отъ изстари и пр.), находимъ и у другихъ, напр., у Шлецера (сближавшаго слова: король — Kerl, князь — Knecht, и пр.), Шишкова (ночь — нѣтъ очей, гардеробъ — городить рубъ, Gatte отъ хотѣть и пр.). Наряду съ подобными производствами, которыя были вполнѣ въ духѣ того и даже позднѣйшаго времени, у Тредьяковскаго находимъ замѣчательно удачныя попытки передачи иностранныхъ выраженій, напр.: combinatio idearum — сочетаніе мыслей, idea — понятіе и др.

Сумарокову принадлежитъ разсужденіе о правописаніи, гдѣ попадаются мѣткія замѣчанія, указывающія на умѣнье автора различать буквы и звуки, часто смѣшивающіеся и теперь: такъ **я** и **ю** Сумароковъ считалъ звуками состоящими изъ **і** и **а**, **і** и **у**, при **э** Сумароковъ указывалъ на отсутствіе **і**, которое является въ **е**.

Ломоносовъ стремился къ тому, чтобы примирить два начала — фонетическое и историческое, часто склоняясь болѣе къ послѣднему. „Нѣкоторые, говоритъ Ломоносовъ (Росс. грам. § 114), покушались истребить букву **ѣ** изъ азбуки Россійской. Но сіе какъ невозможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы **ѣ** начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять **е** отъ **ѣ** умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ; 2) малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи **е** отъ **ѣ** явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія; 3) уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр., л е ч у, л е т ѣ т ь отъ л ѣ ч у л ѣ ч и т ь..." „Ѳита, замѣчаетъ Ломоносовъ (§ 22), отъ первыхъ сочинителей славянской азбуки въ нее внесена напрасно: ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько же надобна, какъ Французамъ **ч** или **ы**, нѣмцамъ **ж**.." „Спрашивалъ я г. Ломоносова" писалъ Сумароковъ (VI, 32) — стоявшій за **ѳ**, „ради чего онъ **ф**, а не **ѳ** оставилъ; на что онъ мнѣ отвѣчалъ тако: Ета де литера стоитъ подпершися и слѣдовательно бодряе: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ". Можетъ быть, не одна насмѣшка звучитъ въ данномъ объясненіи: вѣдь, оставлялъ

же извѣстный нашъ орѳографистъ Гротъ букву і ради красоты этой буквы и удобства письма. Уже въ приведенныхъ небольшихъ выдержкахъ предъ нами раскрываются такія стороны, которыя какъ-бы до сихъ поръ живутъ въ современныхъ спорахъ. Много любопытнаго матеріала можетъ дать намъ послѣдующая исторія. Вотъ нѣкій Хабаровъ, написавшій объ улучшеніи азбуки (1828 г.), писалъ о буквѣ ѣ: „ѣ буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужной, но необходимой, полезной, — она одна можетъ дать всѣмъ патентъ на званіе грамотнаго и ученаго человѣка — — только узнайте напередъ, гдѣ ее употреблять . . . а этого-то . . . никто не знаетъ. Одни говорятъ, пишите ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ малороссіяне произносятъ и! Покорнѣйше благодаримъ! Слѣдовательно, чтобы писать по русски, надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручного малороссіянина для справокъ. Другіе, Богъ знаетъ съ чего, рѣшительно вопіютъ: пишите ѣ въ словахъ: гнѣздо, блѣдный, свѣтъ, мѣсяцъ. Но почему, зачѣмъ? Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: гнездо, бледный и пр. Развѣ смыслъ словъ измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ ѣ? „Но ѣ нашло себѣ защитниковъ, которые стремились подобрать всѣ данныя для доказательства цѣлесообразности употребленія этой буквы. Стоюнинъ, напр., указывалъ на то, что уничтоженіе этого знака создало бы неудобства для грамматическихъ правилъ о е (напр. переходъ е въ о и пр.). Гротъ, какъ-бы извиняясь за свое стремленіе удержать ѣ, указывалъ на легкость усвоенія употребленія данной буквы (что, конечно, совсѣмъ невѣрно). Главною же основою удержанія этой буквы является, конечно, нежеланіе порвать нити съ традиціей. Не менѣе нападокъ вызывало и употребленіе ъ. „Пагубнѣе всѣхъ и всего, писалъ Сенковскій, этотъ тунеядецъ ъ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе 8% времени и бумаги, стоитъ Россіи болѣе 4000000 руб". (Листки барона Брамбеуса СПБ. 58 г. 633.) Еще въ концѣ 18 ст. были попытки изгнанія ъ: нѣсколько книжекъ „академическихъ извѣстій" были отпечатаны безъ ъ; эти попытки находили себѣ продолжателей и въ дальнѣй-

шемъ — не такъ сравнительно давно и одинъ изъ современныхъ филологическихъ журналовъ (Рус. Филолог. Вѣстн.) въ началѣ своего появленія печатался безъ **ъ**.

Я не буду приводить различныхъ данныхъ изъ нападокъ на русскую азбуку, изъ защиты ея. Споръ велся и ведется на началахъ научныхъ и публицистическихъ. Новѣйшія попытки реформъ, которыя были подняты Московскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ 90-хъ годахъ 19 вѣка, повели въ концѣ концовъ къ пересмотру даннаго вопроса въ академическихъ засѣданіяхъ, имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ главнымъ образомъ „слезы малыхъ сихъ", имѣли прежде всего въ виду тѣ затрудненія, которыя такъ картинно описалъ въ своихъ статьяхъ извѣстный московскій педагогъ Шереметьевскій. Но затѣмъ споръ перешелъ и на научную почву. Въ новѣйшихъ попыткахъ реформированія русскаго правописанія мы можемъ замѣтить двѣ стороны: 1) упрощеніе имѣющагося алфавита; 2) введеніе новыхъ элементовъ.

Тотъ проектъ реформъ русскаго правописанія, который выставленъ былъ Московскимъ Педагогическимъ Обществомъ, въ общемъ сводился къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) устраненіе **ѣ**, **ъ**, **ѵ**, **і**, **ѳ**, 2) вмѣсто **ъ** — **ь** въ такихъ словахъ: о б ь е м, с ь е с т ь 3) послѣ **ж**, **ш**, **ц**, **ч** постановка **ы**, **о**: ж ы т ь, с у ш и т ь, с т а н ц ы я, т е ч о т, 4) удержаніе **з** въ приставкахъ н и з, и з, в о з, 5) написаніе именит. п. муж. р.: д о б р о й, с и н е й, род. пад. з л о в о, д о б р о в о, имен. мн. д о б р ы и и пр. 6) въ род. пад.: **ее**, имен. мн. о д н и для всѣхъ родовъ, 7) написаніи: о в а с и л и и или о в а с и л и е, 8) переносъ по слогамъ, при чемъ согласная причисляется къ гласнымъ, при стеченіи же согласныя раздѣляются. Проф. Р. Ѳ. Брандтъ, подъ предсѣдательствомъ котораго работала комиссія Педагогическаго Общества, въ своихъ статьяхъ и докладахъ по данному вопросу шелъ гораздо дальше. Для него, напр., представлялось идеальнымъ древнее слитное письмо.

Для того, чтобы дать представленіе разницы между нашимъ обыкновеннымъ письмомъ и попытками письма научно-фонетическаго, я приведу басню „Двѣ бочки", заимствуя транскрипцію у проф. Богородицкаго (Общій курсъ русской грамматики К. 1907 г., 57 стр.):

д’в’æ бо́чк’ъ

д’вæ бо́чк’ι jǽхъл’ь ȧдна́ с’в’іно́м друга́jă пуста́jă
вотп’ǽрвъjă с’εб’æб’æшшу́му шашко́мп’л’εт’о́тцă друга́jа
фска́чн’εс’о́тцă
ȧтн’εj пъмъстȧво́j jιстукȧт’н’а́ jιгро́м jιлы́л’ стȧлбо́м
прȧхо́жъjкстърȧн’æ скȧр’εj ȧтстра́ху жм’о́тца. . . . . .

Слова написаны слитно, какъ и въ произношеніи. Знакъ æ, представляющій соединеніе а и е употребляется для обозначенія ӓ (для обозн. такихъ случаевъ, какъ: нѣтъ, шесть), ε — узкое е (пѣть, дверь), ’ кавычка для обозначенія мягкости.

Проф. Брандтъ устанавливаетъ 3 вида письма: 1) звуковое латинскими буквами, 2) фонетическую гражданку и 3) полуэтимологическое письмо.

Изъ фонетической гражданки:

Ѣтат прафѣсар не уже чітаит лѣкцый (лекьций). Ужѣ? Чорт, гаварьат, чорин. Очі јейо чернейа ночі. Жына да баица мужа свайево. Дай мнѣ брацкай поцалуй. Чей ѣта пѣгай жыребьоначік. Дѣдушка фсьјо чіталъ вѣтхай завѣт. Сјѣст начньотца ф пьать чесоф. (Филолог. Зап. 904, II, 53—54.)

Неустойчивость и непослѣдовательность характеризуютъ наше правописаніе съ давнихъ поръ. Этотъ характеръ нашей письменности является предметомъ вполнѣ справедливыхъ жалобъ особенно въ средней и низшей школѣ. Говорятъ о томъ, что наука должна подойти на помощь въ данномъ случаѣ, но и попытки послѣдней, какъ показали опыты, не дали желаемыхъ вполнѣ результатовъ. Нельзя обвинять въ этомъ науку, потому что задача, которая ей выпадаетъ здѣсь, находится не только въ ея области исключительно, но и въ области прошедшаго, въ области всемогущей привычки, отъ давленія которой нельзя бываетъ отказаться обществу. Наука, впрочемъ, можетъ установить извѣстные принципы, руководясь которыми, можно все же болѣе или менѣе выработать извѣстнаго рода устойчивость и послѣдовательность и въ данномъ случаѣ.

То обстоятельство, что наша транскрипція, какъ и транскрипція у другихъ народовъ, далека отъ точности, не является, какъ сказано, не только недостаткомъ, но даже въ практическомъ отношеніи своего рода достоинствомъ. Назначеніе

письма — передавать рѣчь простѣйшими средствами. Стоитъ просмотрѣть различные опыты такъ называемой фонетической (точно передающей звуки) транскрипціи, чтобы убѣдиться въ ея трудности и не общей доступности. Кромѣ послѣдняго, необходимо выдвинуть непрактичность въ общественномъ значеніи подобной транскрипціи потому, что при фонетической транскрипціи не можетъ быть и рѣчи объ единствѣ письма, объ единствѣ, такимъ образомъ, литературнаго письменнаго языка. Стоитъ припомнить, какъ произносится то или другое слово въ томъ или другомъ говорѣ, чтобы представить себѣ то разнообразіе написаній, которое должно быть при фонетической воспроизведеніи. Отсутствіе единства подорвало бы или, по крайней мѣрѣ, въ сильной степени ослабило бы значеніе языка какъ средства общенія.

Главное условіе фонетической транскрипціи — точная передача каждаго звука. Такимъ образомъ, сколько звуковъ, столько должно быть буквъ. Трудно дойти до полной точности, принимая во вниманіе и несовершенства нашего слухового аппарата; этимъ обстоятельствомъ объясняются и различнаго рода попытки передавать фонетически тотъ или иной звукъ, отсюда и разныя фонетическія транскрипціи. Послѣднее указываетъ опять-таки на непрактичность фонетическихъ транскрипцій, если задаваться цѣлью сдѣлать какую-либо фонетическую транскрипцію общественнымъ письмомъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что русская азбука нуждается въ упрощеніи, въ уничтоженіи нѣкоторыхъ ненужныхъ буквенныхъ знаковъ; это послѣднее свободно могло быть примѣнено не только въ отношеніи буквъ **ъ, ѳ, і, ѵ**, но и по отношенію къ болѣе защищаемому **ѣ**. Всѣ доводы въ пользу ѣ, въ сущности, разбиваются о то, что для этой буквы у насъ нѣтъ настоящей почвы. Спасать ее ради грамматическихъ правилъ не приходится (здѣсь подразумѣвается главнымъ образомъ переходъ ударяемаго е передъ послѣдующимъ твердымъ слогомъ въ **ё** и отсутствіе этого перехода при ѣ, напр., вёлъ, плёлъ и пр., но сѣлъ, однако имѣются случаи и сохраненія е, напр. женскій, сердце, отецъ и пр.; здѣсь, впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что женскій изъ женьскій, отецъ изъ отьцъ и пр.).

Та защита буквы ѣ, которая находится во многихъ и

современныхъ сочиненіяхъ, сильно должна была бы поколебаться даже въ устахъ подобныхъ защитниковъ, если бы они обратили бы вниманіе на одно очень характерное обстоятельство. Если мы хорошо ознакомимся со всѣми случаями написанія ѣ въ древне-ц.-сл. памятникахъ, то мы убѣдимся, что очень во многихъ случаяхъ мы уже не придерживаемся употребленія ѣ тамъ, гдѣ это должно было бы и наоборотъ ставимъ ѣ, гдѣ должно было бы стоять е. Для образца я прежде всего укажу слово негдѣ, которое правильно должно было бы быть написано нѣгде (изъ нѣкъде). Приставка нѣ должна была бы быть и въ нѣкогда (въ смыслѣ нѣтъ времени), нѣкому, и пр. (нѣ изъ: не есть..). Мы пишемъ болѣ подъ вліяніемъ болѣе, между тѣмъ должно бы быть боле, дале и пр. Суф. ель въ именахъ женскаго рода, какъ купель и пр., долженъ бы писаться ѣль. Цѣлый рядъ глаголовъ (длительныхъ) принимаютъ у насъ е вмѣсто правильнаго ѣ: летать, метать и пр. Можно было бы указать на цѣлый рядъ словъ заимствованныхъ изъ др.-ц.-сл., которымъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ формы полногласныя. Эти слова при передачѣ получили замѣну ѣ-е: древо, время, предъ и пр. Въ отдѣльныхъ словахъ мы видимъ также непослѣдовательности. Правильно было бы написаніе ѣ въ: тѣмя, вѣдро, брѣзжиться, блѣскъ, дрѣмать, пѣсокъ, мѣль, мѣлкій, дрѣмать, сѣмья, швѣя, члѣнъ, давѣча, клѣй, клѣщи.

Совершенно правильно возражаетъ проф. Брандтъ противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что, сохраняя разницу въ написаніи отдѣльныхъ словъ (напр. — лечу, лѣчу и пр.) мы тѣмъ самымъ облегчаемъ пониманіе этихъ словъ. „Однако слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія. Кто же не пойметъ, что въ выраженіи: „они пришли домой“, пришли есть прошедшее время, а въ выраженіи: „пришли мнѣ денегъ“ — повелительное наклоненіе? хотя въ обоихъ случаяхъ мы пишемъ совершенно одинаково. (Филолог. Зап. 1901 I, 14.)

Важнымъ пособіемъ для знакомства съ различными попытками реформировать наше правописаніе является извѣст-

ное сочиненіе Я. Грота „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ“ (СПБ. 1876 г.). Имя Я. Грота хорошо извѣстно нашимъ учащимся изъ за его „Русскаго Правописанія“, вызвавшаго особенно въ послѣднее время много нападокъ, но продолжающаго давать направленіе нашему правописанію. Позднѣйшія же попытки вызвали цѣлую литературу. Упомяну о нѣкоторыхъ работахъ; проф. Брандта (Филолог. Зап. 901, 904 гг.), проф. Томсона (Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его. Одесса. 1903. — Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія. Од. 1905 г.), Будиловича (Сборн. Уч.-Литер. Общ. при Юрьевск. Ун. 1902 г., Вѣст. Европы 904 г., май, Рус. Вѣстн. 904 г. іюль), прв.-д. Сакулина (Вѣст. Восп. 904 № 6), проф. Карскаго (Рус. Ф. В. 904 г. 52-й), прив.-д. Лазурскаго (Вопросъ объ упрощеніи ороографіи у англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Одесса 903 г.), проф. Щепкина (Рус. Вѣдом. 904 г., 29 сен., 9 окт.), ак. Ягича (въ Archiv f. sl. Phil. XXIII—IV; есть переводъ на рус. яз. сдѣлан. проф. Ляпуновымъ). Другіе библіограф. справки см. въ новѣйшихъ общихъ сочиненіяхъ: В. Чернышева „Упрощеніе русскаго правописанія“ (2-е изд. СПБ. 1912 г.) и пр.-доц. Ушакова „Русское Правописаніе“ (М. 911 г.).

* * *

Наша ороографія представляетъ много затрудненій и часто бываетъ, что ученикъ, проучившійся много лѣтъ, пишетъ ороографически неправильно. Въ послѣднемъ случаѣ часто имѣетъ значеніе и неправильная постановка письменныхъ упражненій, неумѣнье учителей выполнить эту довольно трудную задачу.

Въ качествѣ главнаго орудія обученія ороографіи раньше вполнѣ господствовала диктовка, теперь къ диктовкѣ устанавливается въ этомъ отношеніи довольно пессимистическое отношеніе. Указывается теперь даже, что диктовкой достигаютъ совсѣмъ противоположныхъ результатовъ. Переходятъ теперь больше къ списыванію и въ послѣднемъ видятъ залогъ будущаго успѣха. Постараемся прежде всего разобраться въ тѣхъ основахъ, которыя способствуютъ дѣйствительно выработкѣ нашей ороографіи и тогда уже у насъ сложится болѣе правильное отношеніе къ устанавливаемымъ письменнымъ упражненіямъ и ихъ значенію.

Наша ороографія не является отраженіемъ нашего произношенія. Наша письменная рѣчь не сходится съ рѣчью устной. Если мы будемъ читать такъ, какъ пишемъ, произнося каждую букву, то получится произношеніе искусственное, странное для насъ, получится рѣчь совсѣмъ не наша. Уже изъ одного этого ясно вытекаетъ, что добивающемуся грамотности надо имѣть дѣло съ чѣмъ-то ненаходящимся въ устной нашей рѣчи, ей даже противорѣчащимъ. Отсюда уже ясно, что въ основѣ диктовокъ, какъ средства обученія правильному письму, заложена, въ сущности, большая ошибка. Диктовками, самими по себѣ, не только нельзя обучить правильному письму, но диктовки могутъ свободно содѣйствовать ошибочнымъ написаніямъ съ точки зрѣнія ороографіи, потому что они укрѣпляютъ слуховыя ощущенія, не сходящіяся съ зрительными ихъ передачами на письмѣ. Если ороографія имѣетъ цѣлый отдѣлъ словъ, правописаніе которыхъ зиждется на началахъ, не находящихся въ настоящее время въ нашемъ языкѣ, то она и должна быть изучаема въ этихъ отдѣлахъ сама по себѣ, и такъ какъ ороографія въ этихъ отдѣлахъ должна быть основана на зрительныхъ навыкахъ, то списываніе, какъ орудіе обученія грамотности, должно быть выдвинуто прежде всего. Надо замѣтить также, что при списываніи играетъ огромную роль моторная память, которая такимъ образомъ можетъ содѣйствовать также основной задачѣ выработки правильнаго письма. Конечно, когда мы говоримъ о списываніи, то должны также выдвинуть и здѣсь возможно бо́льшее содѣйствіе со стороны возбужденія сознательности. Списываніе не должно быть при обученіи какой-то безсознательной работой, безсознательность при выполненіи можетъ только мертвить работу. Правда, указываются случаи, когда благодаря лишь списыванія вырабатывалась грамотность, но это не можетъ служить въ данномъ случаѣ образцемъ для подражанія. Это можетъ только указывать на значеніе списыванія какъ орудія въ достиженіи грамотности. Орудіе же это получаетъ бо́льшую силу и значеніе, если мы внесемъ элементъ сознанія.

Въ чемъ можетъ заключаться упомянутый элементъ сознательной работы? Прежде всего текстъ списываемаго долженъ быть понятенъ и представлять извѣстный интересъ

для учащагося. Указываютъ иногда, что интересъ можетъ отвлечь вниманіе въ другую сторону, но здѣсь не приходится говорить о такомъ интересѣ. Можно рекомендовать также при списываніи продѣлывать такую работу: сначала замѣтить умственно правописаніе слова, затѣмъ писать это слово уже не смотря въ книгу или на доску. Такимъ образомъ получается нѣкоторое упражненіе для развитія вниманія и учащійся, зная съ какой цѣлью предпринимается это упражненіе, съ тѣмъ бо́льшей охотою можетъ къ нему относиться.

Выставляя какъ главное орудіе для достиженія грамотности списываніе, надо также выдвинуть вопросъ о необходимости подобраннаго въ данномъ случаѣ матеріала. Надо сказать, что подобныя попытки уже дѣлались. Одинъ изъ нашихъ педагоговъ — А. Острогорскій, издавая свое наглядное руководство для изученію правописанія, ввелъ даже рукописный шрифтъ, чтобы еще болѣе содѣйствовать основной цѣли, въ виду того, что при списываніи съ печатнаго шрифта дѣтямъ приходится нести особую работу для перевода печатнаго шрифта на рукописный, работу, которая нѣсколько затрудняетъ и мѣшаетъ основной задачѣ. Самъ матеріалъ въ своемъ руководствѣ Острогорскій стремился подобрать доступный, интересный и представляющій извѣстную градацію въ отношеніи правописанія. То же мы находимъ въ руководствахъ г. Тумима и др. Идя навстрѣчу подобной же задачѣ въ новѣйшее время одинъ изъ представителей нашей экспериментальной педагогики г. Зачиняевъ, желая дать лучшее упражненіе въ грамматическомъ отношеніи, ввелъ какъ матеріалъ для первоначальныхъ переписываній русскія народныя пословицы. Конечно, краткость этихъ послѣднихъ, ихъ цѣльность должна была бы содѣйствовать выставленнымъ задачамъ, если бы не трудность схватить и понять смыслъ пословицъ. Такимъ образомъ здѣсь — несвоевременность матеріала.

Устанавливая такой общій взглядъ на списываніе, мы должны подчеркнуть свое отрицательное значеніе къ диктовкѣ, какъ главному орудію, главному проводнику грамотности, но въ то же время можемъ и должны будемъ признать значеніе такъ называемой диктовки объяснительной. Въ сущности значеніе объяснительной диктовки осно-

вывается на томъ, что эта диктовка приближается къ списыванію сознательному, это уже не есть диктовка сама по себѣ. Когда при этой диктовкѣ предварительно выясняется правописаніе словъ, то тѣмъ самымъ вызывается или создается ихъ зрительный образъ. Такимъ образомъ работа сводится къ тому же, о чемъ мы говорили, когда приводили одинъ изъ совѣтовъ: посмотрѣвъ на написанное слово, затѣмъ уже по памяти воспроизвести его на бумагѣ. Предварительную диктовку лучше бы даже замѣнять объяснительнымъ списываніемъ.

Остается такимъ образомъ еще такъ называемая провѣрочная диктовка. Послѣднюю, конечно, можно признать уже не какъ орудіе для выработки правописанія, а лишь какъ средство удостовѣриться, насколько достигнуто правильность въ письмѣ со стороны учащихся. Въ этомъ отношеніи конечно, нельзя оспаривать ея цѣлесообразности, ея жизненности.

Та защита, которую мы находимъ въ новѣйшей методикѣ г. Алферова, диктанта, какъ орудія орѳографіи, является, въ сущности, защитой изрѣдка производимыхъ провѣрочныхъ диктантовъ, цѣль и значеніе которыхъ нами не отрицалось. Алферовъ указываетъ, что отрицательное отношеніе къ диктантамъ въ настоящее время объясняется тѣмъ, что принимаются во вниманіе несущественныя, нехарактерныя условія диктанта, а та ошибочная постановка, которая сплошь и рядомъ наблюдается. Алферовъ указываетъ, что если отбросить неестественныя условія, въ которыя ставится часто диктантъ, то польза его будетъ безспорна. Я приведу слова Алферова, которыя и наглядно покажутъ, что защита, въ сущности, относится къ провѣрочному диктанту, а не къ диктанту вообще, какъ пріему цѣлесообразному въ обученіи орѳографіи. „Ребенку предложена совершенно посильная для его знаній и способностей задача; онъ поставленъ въ условія, дающія ему возможность правильно ее рѣшить; правильное ея рѣшеніе даетъ ему большое моральное удовлетвореніе — такого рода, котораго не можетъ дать ни списываніе, ни предупредительный диктантъ; рѣшая эту задачу въ опредѣленныхъ условіяхъ времени, мѣста и порядка, ребенокъ упражняетъ свою волю, и самъ для себя провѣряетъ степень своего знанія;

а получить настоящую увѣренность въ дѣйствительномъ знаніи предмета весьма радостно и важно. Это даетъ силы для дальнѣйшей работы, это окрыляетъ на новые труды“ Эти слова именно вполнѣ могутъ относиться къ значенію провѣрочнаго диктанта, а не диктанта вообще — какъ пріема обученія орѳографіи.

Важна не напряженность вниманія, которую стремится въ дальнѣйшемъ ослабить Алферовъ, а важно то, что посредствомъ подобныхъ диктантовъ увеличиваются навыки въ ошибочныхъ написаніяхъ, такъ что работа получается не та, что требуется. Если часто указывались противниками диктанта несущественныя стороны послѣдняго, то и Алферовъ въ своихъ нападкахъ не считается съ существеннымъ вредомъ диктанта какъ орудія выработки орѳограф. навыковъ.

Кромѣ указанныхъ общихъ началъ, которыя разъединяютъ нашу письменную рѣчь отъ устной, надо выдвинуть также и то, что въ нашей письменной рѣчи есть много условнаго, соотвѣтствующихъ данныхъ чему мы не находимъ въ рѣчи устной. Возьмемъ различныя правила о написаніи **и** и **і**, написанія **ѣ** и пр. Здѣсь кромѣ зрительныхъ навыковъ выступаютъ различныя правила грамматическія, которыя помогаютъ намъ усвоить условія подобныхъ написаній.

Уже изъ указанныхъ общихъ основъ должно выясниться наше отрицательное отношеніе къ такого рода упражненіямъ, когда дается учащимся вставлять пропущенныя буквы. Учащійся на подобной работѣ какъ и на диктовкѣ можетъ усиливать свою безграмотность. Не имѣя возможности часто рѣшить правильно или нѣтъ вставляемое, онъ тѣмъ самымъ будетъ укрѣплять себя въ неправильномъ написаніи.

Если, такимъ образомъ, наша письменная рѣчь представляетъ особую область отъ рѣчи устной, то при обученіи ея должно прежде всего и выдвинуть тѣ начала, которыя способствуютъ ея усвоенію. Эти начала, какъ мы уже знаемъ, прежде всего зрительный и моторный навыки, соединенные по возможности съ осмысленнымъ отношеніемъ, съ знаніемъ также извѣстныхъ часто условныхъ правилъ. Ни о какомъ то мостѣ между письменной и устной рѣчью, въ виду созданія какого-то устно-книжнаго произношенія, для облегченія навыковъ правописанія не должно быть мысли. Такой переходной мостъ совѣтуетъ г. Тростниковъ для облег-

ченія требованій правописанія. Часто бываетъ, что мы подъ давленіемъ книжнаго письменнаго языка измѣняемъ нашу устную рѣчь, но подобное измѣненіе является уже жизненнымъ, а рекомендуемая работа будетъ искусственной, насильственной и съ ней нельзя совершенно согласиться.

Ошибкамъ въ правописаніи и теперь придаютъ огромное значеніе: на этихъ ошибкахъ часто даже строятъ совершенно неправильное понятіе о человѣкѣ, и часто даже правильно написанное считаютъ ошибкою въ силу незнанія исторіи языка. Въ дѣлѣ переоцѣнки грамотности у насъ имѣетъ значеніе прежній взглядъ на грамматику и ея назначеніе — обучать правильной устной и письменной рѣчи.

Безошибочное письмо, въ сущности, какое-то странное опредѣленіе уже потому, что нѣтъ твердыхъ устоевъ во многихъ случаевъ для опредѣленія этой „безошибочности". Немудрено, что сами преподаватели неразъ указывали, что ихъ письмо, письмо спеціалистовъ-практиковъ, расходится. Поэтому неправильными являются тѣ требованія безошибочнаго ороографическаго письма, которыя примѣняютъ для опредѣленія состоянія развитія ученика. Острогорскій, напр., устанавливалъ съ точностью въ своихъ „Бесѣдахъ о преподаваніи словесности", что при переходѣ изъ 4-го класса въ 5-й ученикъ долженъ написать безъ ошибокъ періодическую рѣчь не менѣе 20—25 строчекъ. Правъ былъ г. Алферовъ въ своей методикѣ, обрушиваясь на несправедливость и необоснованность подобныхъ требованій.

Буслаевъ, Шереметевскій и вслѣдъ за ними Алферовъ, проводятъ очень цѣлесообразную мысль о томъ, чтобы на урокахъ чистописанія писались такія слова, которыя представляютъ важность въ ороографическомъ отношеніи. Такимъ образомъ „чистописаніе" выступало бы съ помощью задачамъ русскаго языка.

Какъ вести переписываніе? Этотъ вопросъ представляется очень важнымъ потому, что въ процессѣ переписыванія много элемента механическаго, а механическій элементъ можетъ притупить вниманіе и такимъ образомъ ослабить результаты и цѣлесообразность работы. Правда, въ новое время находится довольно защитниковъ этой стороны, видящихъ въ ней особенное значеніе, но безспорно сознательный характеръ, который можетъ принять данная работа, уве-

личитъ ея значеніе (особенно это имѣется въ виду, когда перепиской приходится заниматься въ возрастѣ уже юношескомъ).

Рекомендуется при перепискѣ подчеркивать особенно затруднительныя въ орѳографическомъ отношеніи мѣста и при томъ рекомендуется эту работу вести какъ можно болѣе педантически. Мѣста подчеркиваемыя должны вызывать объясненія со стороны преподавателя, ихъ можно комбинировать съ матеріаломъ уже извѣстнымъ, всячески такимъ образомъ разнообразя работу.

Можно ли совѣтовать побольше читать для выработки умѣнія писать орѳографически. На этотъ вопросъ давались неодинаковые отвѣты, но скорѣе можно согласиться, что далеко не всегда чтеніе можетъ способствовать данной задачѣ. Нерѣдко можно наблюдать, что ученики съ большей начитанностью отличаются меньшей грамотностью, и объясняется это отсутствіемъ зрительной памяти и упражненій въ развитіи этой памяти. Читая вдумчиво книгу, мы вовсе не слѣдимъ за внѣшней оболочкой словъ, за внѣшнимъ вообще выраженіемъ нашей мысли.

Какъ отнестись къ воспроизведенію заученнаго? На этотъ вопросъ опять разные отвѣты. Раньше этотъ способъ считался однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ, теперь къ нему относятся отрицательно. Я думаю, что воспроизведеніе заученнаго имѣетъ большое значеніе и къ этому пріему надо прибѣгать, несмотря на то, что въ заучиваемомъ можетъ въ данную минуту и не встрѣчаться то, о чемъ толкуется относительно правописанія. Важно здѣсь запечатлѣваніе зрительной памятью, развитіе навыковъ послѣдней; развивается вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе точное отношеніе къ задачамъ самого заучиванія.

Алферовъ защищаетъ орѳографическія задачи, именно то, что дается извѣстными грамматическими задачниками Зелинскаго или Красногорскаго. Постановка той или другой буквы въ пропущенномъ мѣстѣ врядъ-ли представитъ опять-таки работу полезную для всѣхъ. Можетъ быть, эта работа и вызоветъ нѣкоторый интересъ, но мало-ли какая работа можетъ вызвать интересъ у малюковъ, важенъ вопросъ о ея цѣлесообразности. Вѣдь это не то, что упражненіе въ математическихъ задачахъ, гдѣ требуется работа

мысли, здѣсь же въ большинствѣ случаевъ лишь работа одной памяти. Изъ орѳографическихъ задачъ могли бы быть признаны полезными упражненія въ разрѣшенія грамматическихъ правилъ, но и здѣсь опять работа не можетъ сравняться съ той работой, которая производится на урокахъ математики — опять главнымъ образомъ работа памяти.

Безспорно полезной работой является пріученіе учащихся пользоваться такъ называемыми орѳографическими словарями. У насъ пока подобная работа мало какъ-то привилась, да и при писаніи, напр., въ классѣ сочиненій она считалась бы даже непозволительной. Между тѣмъ, такъ какъ мы стремимся къ развитію грамотности, то не надо упускать малѣйшихъ случаевъ для развитія этой грамотности и не преслѣдовать, какъ часто то дѣлается, только цѣли контроля. Само уже умѣніе пользоваться этими словарями, сама работа надъ ними безспорно окажутъ огромную услугу въ дѣлѣ выработки правописанія. Необходимо, такимъ образомъ, ввести орѳографическій словарь въ качествѣ главнаго учебнаго пособія, а не смотрѣть на него, какъ на какой-то запрещенный ключъ.

Если правописанію придается въ нашей учебной жизни огромное значеніе, то необходимо, чтобы за нимъ слѣдили и преподаватели другихъ предметовъ. Если на долю преподавателя русскаго языка выпадаетъ задача вести обученіе орѳографіи, то часто преподаватели другихъ предметовъ не только не содѣйствуютъ развитію орѳографическихъ навыковъ, но своимъ безразличнымъ отношеніемъ къ данному вопросу вредятъ ему. Безразличное же отношеніе иногда даже смѣняется чисто невольнымъ вреднымъ вліяніемъ, когда задаются ученику для обработки какія-либо письменныя упражненія, при чемъ на внѣшнюю сторону этого работы (относительно языка) вниманія никакого не обращается.

IV.

О нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка; объ ихъ научномъ изученіи.

Русскій языкъ распадается на три главныя нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское. Эти нарѣчія въ свою очередь дѣлятся на поднарѣчія и отдѣльные говоры. Точно географически намѣтить границы нарѣчій русскаго яз. не представляется возможнымъ въ силу того, что нарѣчія, составляя въ общемъ одно цѣлое, сливаются другъ съ другомъ, благодаря такъ называемымъ переходнымъ говорамъ, которые иногда трудно даже отнести къ тому, а не къ другому нарѣчію. Уже сами названія: великоруссъ, малороссъ, бѣлоруссъ [1]) много говорятъ намъ въ этнографическомъ, культурно-историческомъ отношеніяхъ, эти названія ясно представляютъ намъ и географическую схему тѣхъ мѣстностей, которыя населяютъ носители этихъ названій. Наша задача теперь опредѣлить, какова разница въ лингвистическомъ отношеніи между названными народностями, и, опредѣливъ эту послѣднюю, мы перейдемъ къ болѣе точному, конечно приблизительно, опредѣленію границъ того или другого нарѣчія, оставаясь пока при томъ общемъ абрисѣ, который дается нашими представленіями о великоруссахъ, малороссахъ и бѣлоруссахъ, какъ извѣстныхъ политическихъ, культурно-историческихъ единицахъ.

1. Я прежде всего остановлюсь на измѣненіяхъ первоначальныхъ **о** и **е**, происшедшихъ въ силу измѣненія характера прежнихъ гласныхъ **ъ** и **ь**. Извѣстно, что тѣ звуки,

---

1) Слѣдую принятымъ написаніямъ; правильнѣе было бы съ однимъ **с**.

которые въ древне-церковно-славянскомъ яз. получили обозначеніе **ъ** и **ь**, были гласными звуками, ихъ соотвѣтствія въ томъ яз., который предполагается существовавшимъ до раздѣленія русскихъ нарѣчій, были также гласными звуками; такимъ образомъ, первоначально такія слова, какъ: н о ч ь, м е д ъ были словами двусложными. То же было и въ другихъ славянскихъ яз. Но вотъ, какъ мы знаемъ, на концѣ словъ глухіе гласные звуки мало по малу начали терять свое произношеніе. Тогда со словами приведеннаго мной типа происходили слѣдующія измѣненія: изъ двусложныхъ они постепенно переходили въ односложные, при чемъ усиливался элементъ сохранявшагося гласнаго звука, и съ послѣднимъ происходили въ нѣкоторыхъ славянскихъ яз. перемѣны. Это физіологическое измѣненіе было вызвано тѣмъ, что ранѣе слогъ открытый: п е ч ь (пе-чь), (в о л ъ) (во-лъ) дѣлается закрытымъ: п е ч, в о л. И вотъ мы видимъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи измѣненіе дѣлается обычнымъ закономъ, въ то время какъ въ великорусскомъ и бѣлор. этого нѣтъ. Въ малорусскомъ нарѣчіи въ подобныхъ случаяхъ **о** и **е** переходятъ въ **і** и въ нѣкоторыхъ говорахъ въ **уо**, **у**: п і п, п і ч, д в і р, в і л и пр., к у о н ь, в у о л и пр. Я взялъ сначала для примѣра слова, бывшія прежде двусложными, но то же происходитъ, если слово и многосложное, напр. р і д н ы й изъ р о д ь н ы й, р і з н ы й и пр. Это измѣненіе **о** и **е** ведетъ въ малорусскомъ нарѣчіи къ цѣлому ряду формъ, которыя сильно отличаютъ малорусское нарѣчіе: п а н і в, с н о п і в (пановъ, сноповъ), н а м о л о д і м (омъ), т і т к а, ж і н к а, о ч і й и пр. Приведенное мною правило перехода касается только первоначальныхъ **о** и **е**, тамъ же, гдѣ эти звуки являются вторичными по своему образованію, гдѣ они происходятъ изъ первоначально стоявшихъ **ъ** и **ь**, тамъ упомянутаго перехода нѣтъ. Такъ, напр., мы видимъ: д о щ, п е с, д е н. Впрочемъ, и здѣсь подъ вліяніемъ аналогіи происходитъ возникновеніе двоякихъ формъ: р о т и р і т и пр. **о** и **е** сохраняются и въ такихъ словахъ, какъ г р о м, ч о р т, в е р х, с м е р т ь и пр., т. е. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ранѣе предполагается существовавшимъ такъ назыв. **r** sonans. И здѣсь также проявляется дѣйствіе аналогіи: г р і м и пр., какъ иногда мы видимъ переходы и въ открытыхъ слогахъ: голівонька.

Правда и въ великорусскомъ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ мы видимъ измѣненія **о** въ **у**, **е** въ **и**, но эти измѣненія иного порядка, они находятся въ зависимости отъ ударенія, ихъ сходство съ приведенными выше измѣненіями лишь въ томъ, что здѣсь обнаруживается одинаковая физіологическая основа звуковъ, закрытость произношенія **о** и **е**. Къ этимъ явленіямъ я и перехожу.

2. Изъ предыдущаго намъ должно быть ясно, что такое слогъ открытый и закрытый: если слогъ оканчивается на гласную — открытый: в о - д а, на согласную — закрытый: л о б. Эти же термины примѣняются, какъ мы знаемъ, и къ отдѣльнымъ гласнымъ звукамъ, такъ **о** является открытымъ, **у** — закрытымъ или узкимъ и пр.

Въ нашемъ произношеніи, напр., словъ: о к н о , в о д а и пр. на мѣстѣ написаннаго **о** слышится **а**. Подобные переходы въ произношеніи **о** мы наблюдаемъ, когда данный звукъ въ словѣ неударяемъ. Вотъ эта особенность литературнаго яз., являющаяся особенностью части великорусскаго нарѣчія, именно южно-великорусскаго, до того считалась и считается важной, что кладется въ основу классификаціи русскихъ говоровъ. Послѣдніе дѣлятся на а к а ю щ і е и о к а ю щ і е , т. е. въ послѣднихъ **о** сохраняется. Нужно замѣтить, впрочемъ, что названія „окающее“ нарѣчіе и нарѣчіе „акающее“ вовсе не могутъ дать намъ полнаго представленія о данныхъ нарѣчіяхъ, потому что вмѣстѣ съ оканьемъ и аканьемъ соединяется рядъ другихъ особенностей, характеризующихъ означенныя нарѣчія; достаточно, напр., указать, что къ окающимъ относятся: сѣверно-великорусское нарѣчіе и малорусское, къ акающимъ: южно-великорусское и бѣлорусское.

Если мы будемъ руководствоваться произношеніемъ, то для говоровъ южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій получимъ такія написанія словъ: в а д а (т. е. вода), но иногда и в ы д а , г а л а в а - г ы л а в а - г ъ л в а , к о л' - к а л (колоколъ), г а в а р ю - г ъ в а р ю. Изъ этихъ уже примѣровъ мы видимъ, что переходъ неударяемаго **о** названъ неточно аканьемъ, такъ какъ переходитъ **о** не только въ **а**, но и въ **ы**, глухой звукъ **ъ** и можетъ даже исчезать, но конечно, все же болѣе типичнымъ является переходъ въ **а**, переходъ въ **ы** наблюдается главнымъ образомъ въ слогѣ,

не непосредственно предшествующемъ или непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ. Чѣмъ такимъ образомъ гласный далѣе отъ слога ударяемаго, тѣмъ болѣе онъ теряетъ характеръ ясности. На приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли, что иногда потеря ясности бываетъ и непосредственно передъ ударяемымъ слогомъ, особенно послѣднее бываетъ послѣ шипящихъ. Я приведу еще рядъ словъ съ разными переходами: и т Господа (от...), игню (но агонь), ибѣдня, пупа (попа), сумувар, слумался, вуука (волка) и пр. Эти переходы указываютъ на легкость замѣны нѣкоторыхъ гласныхъ другъ другомъ въ слогахъ неударяемыхъ.

Въ окающихъ говорахъ неударяемое **о** сохраняетъ свое произношеніе, но опять и здѣсь нельзя этого сказать безотносительно: въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ мы видимъ переходъ этого **о** въ **у**, **оу**, иногда переходитъ въ эти звуки и **о** ударяемое. Наряду съ этимъ можно отмѣтить и переходы болѣе рѣдкіе въ дифтонгическій звукъ **оа**. Затѣмъ, если въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ отмѣчаются различія въ произношеніи **о**, его бо́льшая или меньшая открытость или закрытость, то неудивительно, также, что обнаруживается разница въ произношеніи **о** въ говорахъ малорусскихъ сравнительно съ говорами великорусскими.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ окающемъ поднарѣчіи характеръ неударяемаго **о** не является одинаковымъ, иногда это **о** склонно къ **у**, а иногда даже къ **а**, такимъ образомъ получается нѣчто приближающееся къ умѣренно-акающимъ говорамъ. Указываются случаи этого **а** въ говорахъ сѣверныхъ нашихъ губерній.

Указывается, что въ окающихъ говорахъ и основное **а** переходитъ иногда въ **о**, но этихъ случаевъ сравнительно мало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ **о** въ этихъ говорахъ лишь болѣе правильное сохраненіе звука, который измѣнился въ говорахъ акающихъ въ нашей литературной рѣчи, такъ, напр., поромъ, литер. — паромъ, въ то время, какъ серб. прамъ указываетъ на правильность ф. поромъ, стоканъ (изъ достоканъ) и пр. Нельзя, конечно, въ данномъ случаѣ указывать на тѣ иностранные слова, которыя уже въ древне-русскомъ яз. получили звукъ **о** на мѣстѣ иностр. **а**,

какъ то: Ондрей и пр. или о въ приставкѣ роз, что мы находимъ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ.

Въ той полосѣ Московской губерніи, гдѣ замѣчается переходъ отъ сѣверно-великор. поднарѣчія къ южно-великор., есть такъ называемые умѣренно-акающіе говоры; въ этихъ говорахъ, которые и считаются положенными въ основу нашего литерат. яз., неударяемое **о** переходитъ въ **а**, при томъ **а** близкое по произношенію къ **о**. Главная черта сходства между этими переходными говорами и южно-великор. есть прежде всего это какъ бы недоразвившееся аканье.

3. Наряду съ неударяемымъ **о** измѣняется и неударяемое **е** въ великор. и бѣлор. говорахъ въ **и**, **я** (такъ назыв. иканье и яканье), или переходитъ въ глухой звукъ. Тотъ или иной переходъ и здѣсь обусловливается мѣстомъ передъ ударяемымъ слогомъ, а также свойствомъ послѣдующаго слога, его мягкостью или твердостью. Примѣры: нясу, вяду, но неʲсли, веʲзли, вмѣстѣ съ тѣмъ и нясли, сяло, ня знаю, яму, яво, даляко, бирягла, пякла, тибѣ, миня, тябя, бяри, бяриги, пиро, поля (поле). Здѣсь можно дать болѣе или менѣе опредѣленныя правила переходовъ только по отдѣльнымъ говорамъ; такъ можно установить, что въ слогахъ, предшествующихъ ударяемымъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ мы видимъ преимущественное употребленіе **и**, въ слогахъ за удареніемъ **и** и **я**, иногда при закрытости слога глухой звукъ, послѣдній также въ слогѣ, отстоящемъ далеко отъ ударяемаго. Наряду съ неударяемымъ **е** переходитъ въ **и** неударяемое **а** (въ произношеніи **я**) послѣ шипящихъ: чисы, шигал и пр. Предполагается, что **я** переходитъ въ **е**, а послѣднее въ **и**; тѣ же переходы бываютъ и съ **я**: мягок-мехка, питачок и даже п'тачок.

Когда говорится, что въ сильно-акающихъ говорахъ неударяемые **о** и **е** переходятъ въ **а**, то нужно нѣсколько отвлечься отъ нашего традиціоннаго письма; именно въ словахъ нясу, вяду и пр. необходимо возстановлять ихъ настоящую фонетическую природу, прибѣгнувъ хотя бы къ такой передачѣ: в'аду и пр., т. е. обозначить мягкій согласный и слѣдующій настоящій гласный звукъ.

Въ южно-великор. ударяемое **е** передъ твердымъ слогомъ переходитъ въ ё, это правило хорошо намъ извѣстно

изъ нашего литературнаго яз. (изъ правила этого, правда, есть цѣлый рядъ исключеній: въ иностранныхъ словахъ, передъ суффиксомъ скій, нный въ закрытомъ слогѣ и пр., затѣмъ удержаніе ё въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ мягкими послѣдующими слогами), переходъ е въ ё въ другихъ нарѣчіяхъ не поддается опредѣленнымъ правиламъ, при чемъ, правда, бѣлорус. нарѣчіе болѣе сходится съ южно-великор. поднарѣчіемъ. Вотъ примѣры изъ сѣв.-велик.: морё, вострыё, дадитё, слушаёть, дёржал, тамъ же и въ бѣлор.: тваёй, ёй, ёсть (есць) и пр., въ малор.: наряду съ жовтий, чоловік, жона и пр. жердь, черевики и пр. наряду съ ёго-его, всё-все и пр.

Въ говорахъ сѣв.-великор. и менѣе въ бѣлор. наблюдается е вмѣсто я въ такихъ случаяхъ, какъ: поес, ейцо, опеть и пр. Этотъ переходъ напоминаетъ нѣсколько процессы въ яз. чешскомъ: вм. duša duše и пр., т. е. подъ вліяніемъ мягкости происходитъ суженіе гласной.

4. Переходимъ къ звуку, который у насъ чисто условно получаетъ начертаніе **ѣ**. Здѣсь мы видимъ полное разнообразіе въ русскихъ говорахъ. Нѣкоторые сѣверно-великор. говоры не отличаютъ этого звука отъ е, и такимъ образомъ съ ѣ происходятъ, если оно неударяемо, тѣ же перемѣны, какъ и съ е: ряку, лянива, ядим, въ лѣся, дилавой, стина, симяна и пр. То же совпаденіе ѣ съ е мы замѣчаемъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. Въ части же сѣверно-великор. является вм. **ѣ—и**, что служитъ отличительной чертой большинства малорусскихъ говоровъ, въ части вм. ѣ—звукъ какъ бы средній между е и **и**. Бѣлорусское нарѣчіе совпадаетъ въ данномъ случаѣ въ общемъ съ южно-великор., любопытной особенностью здѣсь служитъ дифтонгъ іе въ нѣкоторыхъ говорахъ: савіет, у ліеси и пр.; если принять во вниманіе, что, по указаніямъ нѣкоторыхъ наблюдателей, дифтонги эти—въ слогахъ ударяемыхъ, то, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ сохраненіемъ древняго произношенія. Въ малорусскихъ говорахъ, кромѣ упомянутаго рефлекса **ѣ-и**, имѣются: е и дифтонгическія сочетанія **іе** или **ije**.

5. Особенностью малорусскаго нарѣчія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ лишь говоровъ) является потеря разницы между **ы** и **и**; выработался новый звукъ, представляющій

нѣчто среднее, съ уклономъ въ сторону **ы** для нѣкоторыхъ говоровъ. Наряду съ нимъ теряется и умягчительное вліяніе **и** по отношенію къ предыдущимъ согласнымъ. Въ графикѣ малорусской въ настоящее время мы встрѣчаемся съ троякимъ **и**: **и**, **і**, и **ї**. И для природнаго малоросса трудно иногда отличать тѣ оттѣнки мягкости, которые различаютъ **і** и **ї**, такъ что въ новѣйшей малор. грамматикѣ Тимченка прямо совѣтуется для избѣжанія трудностей различенія въ правописаніи и могущихъ быть ошибокъ не отличать эти оттѣнки на письмѣ. Ставится **ї** на мѣстѣ прежнихъ **ѣ** и **е**: дїд, нїс (неслъ), **і** — на мѣстѣ **о**: ніс (носъ).

Не менѣе важна другая особенность малорусскаго нарѣчія — твердость произношенія **е**, этотъ звукъ подходитъ къ нашему **э**, въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняется и произношеніе мягкое, но только въ извѣстныхъ случаяхъ, такъ въ началѣ словъ или послѣ удвоенныхъ согласныхъ, какъ з і л л е и пр.

6. Въ области консонантизма прежде всего бросается черта, характеризующая бѣлорусское нарѣчіе (за исключеніемъ лишь говоровъ переходныхъ) и лишь немногіе говоры великорусскіе, это такъ называемое д з е к а н ь е и ц е к а н ь е, когда мягкіе **д** и **т** переходятъ въ **д'з'** и **ц'**: д з я д, ц я л о и пр. Эта черта роднитъ бѣлорусское нарѣчіе съ польскимъ, но считать, что она именно и является плодомъ вліянія польскаго языка, мѣшаетъ, между прочимъ, указаніе, что спорадически черта эта наблюдается и въ великорусскихъ говорахъ.

Переходъ же **д** и **т** передъ **j** въ бѣлорусскомъ нарѣчіи общъ съ другими нарѣчіями, т. е. даетъ **ж** и **ч**; въ нѣкоторыхъ, правда, случаяхъ здѣсь, какъ иногда и въ малорусскихъ говорахъ — **дж** вм. **ж**.

Одной изъ крупныхъ особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ въ ихъ большинствѣ является мѣна звуковъ **ч** и **ц** въ словахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ наблюдается какъ бы равномѣрность въ этой мѣнѣ, въ другихъ же преобладаетъ **ц**: о в ч а, к у р и ч а, к о л ь ч о, п е ц к а, н о ц ь и пр. Лишь изрѣдка встрѣчаются примѣры мѣны **ц** и **ч** въ южновел.- и бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Въ бѣлорусскомъ иногда наблюдаются случаи мѣны

ж — **з**, **ш** — **с**, въ чемъ сходство съ характерной особенностью псковск. говора.

7. Звукъ **г** звучитъ разно: у малороссовъ, бѣлоруссовъ а лишь части великоруссовъ это звукъ, напоминающій **h**; характернымъ же для послѣднихъ является звукъ g, т. е. мгновенный или взрывной (для передачи звука g въ малорусской графикѣ существуетъ особый знакъ). Звукъ **к** въ южно-великорусск. и отчасти въ сѣв.-великор. нарѣчіи пріобрѣтаетъ до того мягкое произношеніе, что послѣ мягкихъ слоговъ слоги **ка**, **ку** обращаются въ **кя**, **кю**, напр., Ванкя, Ванкю, чайкю и пр. Въ великорусскихъ нарѣчіяхъ вообще развилась новая черта сравнительно съ древнимъ строемъ языка: сочетаемость „гортанныхъ" съ **е**, **и**, **ѣ**, **я**. **ю**. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ нарѣчіяхъ мы видимъ остатки прежняго смягченія согласныхъ „гортанныхъ": козаче, у лузі, при дорозі, бережи; у парози, на сасіе, у матушцы и пр. (но это не мѣшаетъ сочетаемости въ корняхъ съ узкими гласными, напр., малор. кінь, прихільный и пр.).

8. Существенной чертой юго-западн. говоровъ бѣлорусск. нарѣчія, чертой отчасти также свойственной малорусск. нарѣчію, и спорадически встрѣчающейся въ сѣв.-зап. говорахъ бѣлорусск. нарѣчія является отвердѣніе **р** въ случаяхъ мягкаго его ожидаемаго произношенія, напр., цару, смотру, по мору, тепер. Въ великор. говорахъ подобная черта является исключеніемъ.

9. Особенностью малор. и бѣлор. нарѣчій является удвоеніе согласнаго или усиленное его произношеніе въ случаяхъ слѣдованія за согласнымъ j, такъ, напр., возьму наиболѣе частые случаи: весілле (или весілля), зілле (-я), коріння, смітте (-я), камінне (-я); бѣлорус. вяселля, камення, парадзення, свиння, гулянне, удвоеніе **р** только въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ есть мягкое **р**: звяррё, перьря; во всѣхъ этихъ случаяхъ согласные стоятъ передъ суфиксами **ье** (или лучше **ьје**), **ьа** (**ьја**), при чѣмъ при потерѣ произношенія **ь** согласный сталкивается съ **ј**-томъ. Не подвергаются подобному удвоенію ни въ малор. ни въ бѣлор. губные и зубо-губные согласные, которые въ данномъ случаѣ отвердѣваютъ, но между отвердѣвшимъ согласнымъ и гласной находится **ј**, такимъ

образомъ: пъять (собственно: пјать), пъята, голубъята, памъять; бѣлор.: симъя, бъецёся, иногда впрочемъ, случаи удвоенія: рыббя, и пр. Въ большинствѣ великорусск. говоровъ допускается непосредственное сочетаніе: **мя, вя, пя** и пр.

10. Въ концѣ словъ согласные звучные переходятъ въ незвучные въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, впрочемъ, бѣлор. нарѣчіе, кажется, составляетъ нѣкоторый переходъ въ данномъ случаѣ къ малорусск., въ которомъ эти согласные сохраняютъ въ большинствѣ говоровъ свой звонкій характеръ. Наряду съ другими согласными звучными и **в** переходитъ на концѣ словъ въ велико- и бѣлорусск. нарѣчіяхъ въ незвучный, именно въ **ф**, между тѣмъ, какъ вообще **ф** считается звукомъ чуждымъ славянск. яз., и въ началѣ словъ въ нарѣчіяхъ русск. яз. мы видимъ замѣну **ф** черезъ: **х, хв, п** — Хвёдоръ, Хавронья, Пилип и пр.

11. Какъ извѣстно, первоначально сообразно характеру своего происхожденія звуки **ж, ш, ч** были мягкими. Теперь мы видимъ отвердѣніе этихъ согласныхъ, особенно въ бѣлорусск. нарѣчіи, въ другихъ нарѣчіяхъ сохраняется частично прежняя мягкость. Особенностью малорусск. нарѣчія является сохраненіе прежней мягкости **ц**, потерявшаго былую свою мягкость въ южно-вел. и бѣлор. нарѣчіяхъ; лишь отчасти эта мягкость удерживается въ сѣв.-великор. нарѣчіи. Правда, и въ малор. эта мягкость удерживается не вездѣ, такъ въ силу измѣненія первоначальнаго произношенія **е** и **и**, передъ этими звуками мягкость исчезаетъ, напр., гінцем, но гінця-ю; случаи же мягкости въ сѣв.-велик., по всей вѣроятности, позднѣйшаго уже происхожденія, явившіеся въ силу смѣшенія **ц** и **ч** и мягкости послѣдняго, такимъ образомъ: цярь изъ чярь и пр.

12. Въ бѣлорусск. нарѣчіи одной изъ характернѣйшихъ особенностей является переходъ **в** въ **у** или въ неслоговое **ў**. Предлоги **въ** и **у** совпадаютъ и различаются лишь по значенію. Примѣры: ўсю, дзѣўка, ўнучку, здароўя, ўстань, лаўка, ўзяў. Переходы главнымъ образомъ наблюдаются въ началѣ словъ передъ согласными, въ серединѣ передъ согласными и въ концѣ словъ. Съ этими переходами нельзя сравнивать въ количественномъ отношеніи подобные же случаи, наблюдаемые у малороссовъ

и отчасти у великоруссовъ. Другая менѣе уже характерная черта для бѣлорусск. нарѣчія (потому что она развита и въ другихъ нарѣчіяхъ), это переходъ въ **л** въ **в**, **у**, **ў**; переходъ этотъ происходитъ тогда, когда **л** стоитъ въ слогѣ закрытомъ послѣ гласнаго: соўнце, совнушка, кавбаса, быў, чаўнокъ, воўкъ у пр.

13. **щ** въ малор. и бѣлор. произносится какъ **шч**, въ великор. какъ **шш**.

14. Въ малор. въ качествѣ приставочныхъ звуковъ передъ гласными, особенно передъ **і** и **у** (изъ первоначальнаго **о**), является **в**: вісень, вікно, вівця, вівтарь, вугилля, вулиця (юлиця); въ другихъ случаяхъ въ той же роли выступаетъ **г**: Галя, Ганна, гармата, говод (оводъ).

Коснусь нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей стоятъ въ неразрывной связи съ указанными ранѣе фонетическими измѣненіями, другія же развились независимо.

1. Въ южно-великор. и бѣлор. говорахъ въ силу аканья и перехода **е** исчезаетъ въ произношеніи разница между среднимъ и женскимъ родомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: напр., бѣлор. усю стаду.

2. Въ окончаніяхъ прилаг. великор. **ой**, **ай** и отчасти (въ сѣвер.) **эй**, въ бѣлор. **ы**, **ый**, **эй**, **ій**, въ малор. **ий**, **ій**. Въ род. пад. въ великор. — **ово**, **ова**, **ого**, **ога**, **ево**, **ева**, **его**, **ега**, женск. р. подъ удареніемъ иногда — **эй**, въ бѣлор. — **его**, **оҁо**, **ога**, **ого**, въ малор. — **ого**, **его**.

3. Въ великор. и бѣлор. мѣстоименіе онъ звучитъ **јонъ**, въ склоненіи 1 и 2 лица мѣстоим. въ юж. в. и б.: мяне, мине, тябе, цябе, сябе, но табе, сабе, затѣмъ даже формы тае, саѣ, въ малор. тобі, собі, мені. (въ малор. той или тот, при чемъ такія измѣнен.: тота, тото, тоту, тотим. и пр. Затѣмъ: він, вона, воно, оцей, оця, оце, що, шо).

4. Окончаніе 3-го лица глаг. ед. ч. въ юж.-в. р. — **ть**, въ бѣлор. — **ць**, можетъ вообще отпадать, что является характернымъ для малор. нар. Въ послѣднемъ и отчасти въ бѣлор. 1 л. мн. ч. оканчивается на **о**. Въ малор. во 2 л. мн. ч. повелит. накл. **те** сокращается въ **ть**. Особенностью же послѣдняго нарѣчія (отчасти лишь свойственной бѣлор.) является одна изъ формъ будущаго времени посредствомъ

иму: ходитиму; неопредѣленное наклоненіе глаголовъ имѣетъ окончанія: **ти**, **ть** при чемъ такія соединенія какъ к+ти или г+ти остаются безъ измѣненія: бігти, пекти.

5. Въ сѣверн. вел. творит. пад. мн. ч. имѣетъ иногда окончанія: **мы** и **ма** (послѣднее, повидимому, остатокъ двойств. ч.): столамы, ложкима, или даже окончаніе **ы**: горючійм слезы заливается; въ послѣднемъ случаѣ употребленіе въ ф. прилагат. дат. п. вмѣсто творительн. Можно встрѣтить и употребленіе ф. твор. вм. дательн., напр., съ сыновьям, съ дочерям и со всѣмъ гостям, но употребленіе творит. болѣе часто. Замѣна одной формы другой происходитъ и съ другими падежами: косить трава, достать живая вода, — гдѣ употребляется имен. п. вм. винительн.; у сестрѣ, отъ Добрынѣ, — ф. дат. вм. родит. и наоборотъ: къ сестры. Подобныя смѣшенія встрѣчаются и въ южно-великор.

6. Нѣкоторая растянутость сѣв.-вел. рѣчи сказалась и на былинахъ, хотя она здѣсь нѣсколько утрируется по требованіямъ чисто былиннаго склада.

7. Въ южно-в. сравнительн. степень прилаг., какъ и въ литер. рѣчи, имѣетъ окончаніе **ѣе**, въ сѣв.-в. **яе**, **ае**, тепляе, крѣпчае.

8. Въ сѣв.-в. и гораздо менѣе въ южн.-в. употребляется въ разныхъ формахъ членъ. Въ имен. пад. членъ, имѣющій формы: **тъ**, **отъ**, **то** и даже **тотъ**, измѣняется по родамъ, падежамъ и числамъ: голова-та, мужика-тово, сваты-тѣ и пр.

9. Въ бѣлор. при отсутствіи окончанія **а** въ такихъ словахъ, какъ: дома, хлѣба и пр. — только домы, хлѣбы и пр., окончаніе **ы** переносится часто и въ сред. р.: сёлы и пр. Кромѣ того, въ имен. п. м. ч. вмѣсто **ы** встрѣчается особое окончаніе: **э** — мужикэ, волэ и пр.

10. Въ малор. замѣчается распространеніе прежняго склоненія на **у**: синови, панове, королеви и пр. Интересны окончанія твор. пад. **ов**, **ев** въ склоненіи на **а**: мнов, твоев, рибов и пр. или оконч. **ом**, **ем** въ томъ же склоненіи: рибом, душем и пр. Это распространеніе окончанія муж. рода наблюдается и въ другихъ склоненіяхъ: добром женом, костём и пр.

Опредѣлить съ точностью границы между отдѣльными

русск. нарѣчіями является задачей невозможной уже въ силу того, что нельзя разграничить въ общемъ представляющееся чѣмъ-то цѣлымъ, однороднымъ. Конечно, мы видѣли черты, которыя сильно разнятъ нарѣчія между собой, но съ другой стороны существованіе такъ называемыхъ говоровъ переходныхъ, существованіе условій, когда какой-либо говоръ входитъ въ область другого, оказываетъ здѣсь вліяніе и такимъ образомъ производитъ измѣненія, — все это не позволяетъ дать точныхъ опредѣленныхъ границъ, а заставляетъ ограничиваться лишь общими, грубыми абрисами. Понятно также поэтому и то, что попытки изслѣдователей точно опредѣлить границы нарѣчій встрѣчаютъ непреодолимыя трудности.

Границу между великорусск. и бѣлор. нар. можно провести такъ: по юго-зап. части Псковск. губ. (такимъ образомъ южные уѣзды Псковск. г. заняты бѣлоруссами), затѣмъ по Витебск. губ., Тверской, Смоленск., почти по границѣ Калужск., захватываетъ часть Орловск. Въ Черниговск. г. бѣлор. рѣчь соприкасается уже съ малор. Далѣе граница между бѣлор. и малор. нарѣч. идетъ по Минск. г., Гродненской, при чемъ южныя части этихъ губ. заняты малороссами (такъ назыв. Полѣсье). Въ указанн. границахъ въ общемъ опредѣлилась территорія, занимаемая бѣлор. нар. Эта территорія занимаетъ: всю Могилевск. г., Витебскую г., почти всю Минскую, большую часть Виленск., затѣмъ части Гродненск., Ковенской, Черниговской, Смоленск., Орловск., Калужск., Тверск. и Псковской. Мы видѣли, что въ Черниговск. г. соприкасаются границы между бѣлор. и великор. нар. (при чемъ южная часть этой губ. занята малороссами); отсюда пограничная черта между малороссами и великоруссами идетъ по Курск. г., заходитъ въ Харьковск., затѣмъ направляется по Воронежск., по Области Войска Донского (гдѣ преимущественно великор. насел.). Территорія, занимаемая малор. нар. можетъ быть обозначена такъ: губерніи — Полтавск., Кіевск., Екатеринославск. г., Волынск., Подольская, части губ. — Черниговск., Харьковской, Обл. В. Донского, Кубанскаго, Херсонской, Таврической, Ставропольск. Минск., Люблинск., Гродненск., Холмской, Бессарабской. Кромѣ того малор. нар. занимаетъ части австрійск. владѣній въ Галиціи, Буковинѣ, а также въ сѣв. Венгріи. Опредѣливъ въ

общемъ границы 3 русск. нарѣч. и территоріи 2 изъ нихъ, мы опредѣляемъ такимъ образомъ и территорію 3-го. А такъ какъ это 3-е нарѣчіе дѣлится на 2 большихъ поднарѣчія, то я и укажу въ общемъ границы этихъ поднарѣчій и ихъ территоріи, такимъ образомъ и опредѣлится яснѣе сама территорія великор. нарѣчія. Начиная съ Псковск. губ. пограничная линія идетъ по Тверск. г., Московской, Владимірск., Рязанск., Нижегородск., Симбирск., Казанской. Такимъ образомъ срединная часть Россіи акаетъ, территорія акающихъ говоровъ: гг. Пензенск., Тамбовск., Самарск., Саратовск., Орловская, Тульская, части гг.: Псковск., Тверск., Московск., Курск., Воронежск., Владимірск., Рязанск., Нижегородск., Симбирск., Казанск., Черниговск., О. Войска Донского, Смоленск., Астраханск.; Сѣв.-великор. нар. занимаетъ территорію: гг. Новгородск., Петербургск., Архангельск., Олонецк., Вологодск., Костромск., Вятск., Пермск., Ярославск., (конечно, въ сѣв. губ. наряду съ народностями финск. происхожденія) и части тѣхъ губ., въ котор. сѣв.-вел. сосѣдятъ съ южно-вел., окающіе говоры распространяются и на Приуралье и Сибирь, но вмѣстѣ съ тѣмъ районъ ихъ распространенія постепенно суживается благодаря вліянію акающихъ нарѣчій. Въ данномъ случаѣ огромную роль сыгралъ литерат. языкъ, въ основаніе котораго, какъ извѣстно, легло акающее нарѣчіе.

Я стремился дать главныя отличительныя черты русск. нарѣч. Но, конечно, эти черты не дадутъ намъ полнаго представленія, не говоря уже о другихъ нар., но и о близкомъ къ нашей литер. рѣчи южно-велик., потому что съ понятіемъ нарѣчія, съ понятіемъ отдѣльн. гов. связывается столько мелкихъ чертъ, что съ ними можно знакомиться главнымъ образомъ знакомясь практически съ нашимъ народн. яз. Главнымъ образомъ приходилось останавливаться на фонетическихъ особенностяхъ, потому что эти особенности поддаются болѣе обобщенію, болѣе выдѣляютъ характерные признаки того или другого нарѣчія, съ другой стороны онѣ производятъ и многія морфологич. измѣненія. Трудно же перечислить морфолог. особенности, возникшія путемъ аналогіи, да въ большинствѣ подобныя измѣненія и не будутъ такъ характерны. Въ общемъ относительно морфолог. особенностей нужно замѣтить, что народн. говоры сохранили

нѣкоторые остатки древности сохранили то, что не вошло въ устой образовывшагося литер. русск. языка, поэтому и не должно казаться удивительнымъ и противорѣчивымъ подобное обстоятельство въ то время, когда мы привыкли говорить о консервативности литер. языка. Взять хотя бы для примѣра остатки двойственнаго числа, звательн. падежа и проч.

Но сохраняя въ частностяхъ нѣкоторые остатки старины, народн. говоры въ общемъ подвергались и подвергаются гораздо большему измѣненію, чѣмъ литерат. языкъ, туго идущій навстрѣчу измѣненіямъ. Въ народныхъ говорахъ дѣйствіе аналогіи, дѣйствіе даже нѣкоторыхъ частныхъ индивидуальныхъ вліяній очень широко. Стоитъ, наприм., вспомнить, какимъ иногда измѣненіямъ въ народн. говорахъ подвергаются отдѣльныя слова.

Характерныя слова мы отмѣчаемъ у одного изъ первыхъ знатоковъ русскихъ нарѣчій В. И. Даля. „Во всю жизнь свою, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, я искалъ случая поѣздить по Россіи, почитая народъ за корень, а высшія сословія за цвѣтъ или плѣсень, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ была мнѣ противна и ненавистна по природѣ". Соки народной рѣчи должны питать рѣчь литературную, выросшую на народномъ языкѣ. Отсюда уже опредѣляется значеніе, какое имѣютъ народныя нарѣчія и говоры для изслѣдователя рѣчи литературной въ различныхъ стадіяхъ ея развитія. Факты народной рѣчи объясняютъ многое непонятное въ различныхъ памятникахъ письменности съ различныхъ сторонъ языка. Нечего и говорить, конечно, что для спеціалиста-лингвиста факты народныхъ говоровъ — матеріалъ для сравнительныхъ экскурсовъ. Значеніе діалектологіи, впрочемъ, можно расширить и на область исторической географіи: при вопросѣ о томъ или иномъ населеніи и разселеніи факты говоровъ играютъ первостепенную роль.

Первымъ выдающимся трудомъ въ области великорусской діалектологіи былъ трудъ В. И. Даля — Толковый словарь живого великорусскаго языка, выходившій выпусками въ 1861—68 гг. Это былъ огромный трудъ, раскрывавшій лексическое богатство великорусскаго языка. Самъ Даль, не будучи филологомъ, ясно сознавалъ всѣ недостатки

своего труда; несмотря на это и основываясь на своемъ несомнѣнномъ практическомъ знаніи языка, Даль пытался дать и картину великорусскихъ говоровъ, т. е. начертать ту работу, которая являлась, какъ резюме, выводъ его наблюденій и занятій надъ великорусскимъ языкомъ. Эта работа была издана ранѣе словаря, въ 1852 г. (въ Сборникѣ Русск. Географ. Общества). Классификація великорусскихъ нарѣчій у Даля не является вполнѣ обоснованной (онъ дѣлилъ на 6 говоровъ: Московскій, Владимірскій, Новгородскій, Рязанскій Сибирскій, Новорусскій), сама характеристика отдѣльныхъ говоровъ сдѣлана не безъ ошибокъ, но все это не исключаетъ возможности признанія цѣнныхъ наблюденій, сдѣланныхъ Далемъ (статья о нарѣчіяхъ русскаго языка издана также какъ введеніе при 2-мъ изданіи, 80 г., Толковаго Словаря).

Далю принадлежитъ собраніе русскихъ пословицъ онъ собиралъ также пѣсни, сказки, послѣдними затѣмъ воспользовался въ своемъ изданіи Аѳанасьевъ. На сборникахъ сказокъ, былинъ и пѣсенъ Рыбникова, Кирѣевскаго, Аѳанасьева, Якушкина, Шейна, Барсова, Гильфердинга и др., сборникахъ, очень цѣнныхъ по богатому матеріалу народной словесности, мнѣ не приходится останавливаться, потому что для діалектолога въ настоящее время требуется такая точная запись, о каковой собиратели ранѣе и не думали, заботясь совсѣмъ о другомъ.

Какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ статьи Даля является трудъ Колосова „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (XVII т. Сбор. отд. рус. яз. и сл. Имп. Ак. Н. X). Непосредственнымъ продолженіемъ онъ является по цѣннымъ исправленіямъ нѣкоторыхъ наблюденій и общихъ заключеній Даля. Цѣннымъ является здѣсь и приведенный матеріалъ, въ видѣ записей пѣсенъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Но и трудъ Колосова не лишенъ крупныхъ недостатковъ, которые отчасти сознавалъ и самъ авторъ. Слишкомъ общія наблюденія, недостаточность всесторонняго изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстностей, нѣкоторая безсистемность, недостаточно точная передача звуковыхъ оттѣнковъ, наконецъ, упущеніе изъ виду нѣкоторыхъ важныхъ факторовъ (напр., ударенія).

Особенно интересными представляются наблюденія Колосова и

его же соображенія относительно говора вятчанъ. Если Даль уже внесъ нѣкоторыя цѣнныя наблюденія въ данномъ случаѣ, то Колосовъ ихъ продолжилъ и исправилъ нѣкоторыя невѣрныя наблюденія Даля. Колосовъ, проводя свою теорію, о заселеніи вятскаго края вятчанами, являлся какъ бы предшественникомъ тѣхъ попытокъ исторической діалектологіи, которыя находимъ въ трудахъ ак. Шахматова.

Въ 1865 г. въ „Филолог. Запискахъ" были напечатаны „Два изслѣдованія въ области русскаго языка" Потебни. Второе изслѣдованіе было посвящено нарѣчіямъ русскаго яз. Работу надъ русскими нарѣчіями Потебня продолжалъ и въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ, несмотря на то, что главный интересъ его лежалъ не въ этой области языкознанія. По исторіи говоровъ великорус. особенно важны его изслѣдованія „Къ исторіи звуковъ русскаго яз." (1876 г. изъ Рус. Филол. Вѣстника). Разбирая вопросъ о раздѣленіи русскаго языка на нарѣчія, Потебня проводилъ мысль о позднѣйшемъ выдѣленіи бѣлорусскаго нарѣчія изъ южновеликорусскаго нарѣчія.

Въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка" ак. Соболевскій даетъ нѣкоторыя общія очень цѣнныя заключенія о древнихъ русскихъ говорахъ. Выводы, данные здѣсь, подверглись критикѣ въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка" И. В. Ягича (СПБ. 89 г. изъ Сб. Ак. Н. по от. р. яз. и сл. ИМП. Ак. Н.) и въ „Къ исторіи великорус. говоровъ" Е. Ѳ. Будде.

А. И. Соболевскому принадлежитъ крупный трудъ по исторической русской діалектологіи „Очерки изъ исторіи русскаго языка" (К. 84 г.) и цѣлый рядъ статей по русской діалектологіи. Я коснусь здѣсь только той части „Очерковъ", въ которой изслѣдователь касается великорусскихъ говоровъ, именно псковскаго говора XIV ст. Крупною заслугою С. въ упомянутой части труда является выдѣленіе по древнимъ памятникамъ особенностей псковскаго говора. Главными особенностями являются взаимная мѣна шипящихъ **ж, ч, ш** и свистящихъ **з, ц, с**: ѿ в е р ж о ш а, с в я ж а н ы я, п о ш л ы ш а н и я, п о к а з и, у к р а с е н і е и пр., при чемъ переходъ **з, ц, с** наблюдается только въ случаяхъ ихъ мягкости. Изъ другихъ отмѣченныхъ изслѣдователемъ особенностей упомяну: мѣну **ы—и**: к н ы г ы, р и б а, переходъ **а—е** и наоборотъ **е—а** послѣ мягкихъ согласныхъ: и м я, м о я, с и л ь н ѣ я, и з ъ н е б ы т ь е и пр. Не буду

перечислять другихъ особенностей, отмѣченныхъ А. И. Соболевскимъ въ псковскихъ памятникахъ. То обстоятельство, что въ настоящее время въ говорахъ около Пскова нѣтъ выставленныхъ особенностей (здѣсь говорятъ такъ же, какъ и около Нввгорода) заставляло выставлять гипотезу о перемѣнѣ населенія въ Псковской области послѣ XIV ст. Въ обширной рецензіи А. А. Шахматова на изслѣдованіе Н. М. Каринскаго „Языкъ Пскова и его области въ XV в." — служащемъ непосредственнымъ продолженіемъ упомянутой части изслѣдованія А. И. Соболевскаго — мы видимъ иныя объясненія выставленныхъ наблюденій. Тамъ, гдѣ Соб. и Кар. видѣли фонетическія данныя, Шах. видитъ графическія заимствованія изъ южно-славянской письменности (черезъ западно-русскіе памятники); такъ объясняется переходъ **а—е** и **е—а**, смѣшеніе **ы—и**. При разрѣшеніи вопроса о томъ, есть ли выводимая черта дѣйствительно фонетическое явленіе или лишь графическое отраженіе, нужно быть очень осторожнымъ. Даже тѣ многочисленныя параллели, которыя приводитъ въ своей рецензіи ак. Шахматовъ (Ж. М. Н. П. 1909 г. іюль), мнѣ думается, не могутъ вполнѣ доказать невозможность присутствія той или другой черты, какъ фонетическаго явленія, эти параллели лишь подрываютъ возможность основываясь только на разсматриваемыхъ памятникахъ устанавливать характерныя черты нарѣчія.

Въ 1892 г. въ „Живой Старинѣ" былъ помѣщенъ „Очеркъ русской діалектологіи" А. И. Соболевскаго (отд. издан. вып. I, велик. и бѣл. нар. СПБ. 97 г.). Это общій трудъ, составленный на основаніи имѣвшихся печатныхъ матеріаловъ. Въ послѣднемъ, именно въ пользованіи только печатнымъ матеріаломъ, отмѣчаютъ недостатокъ даннаго труда. Фактичность и въ данномъ случаѣ отличаетъ трудъ А. И. Соболевскаго. Недостатки въ изложеніи фактическаго матеріала и въ силу этого послѣдовавшіе нѣкоторые ошибочные выводы указаны были А. А. Шахматовымъ, Е. Ѳ. Карскимъ, г. Дурново (Шахматовъ и Карскій. — Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. А. Н. 97 г. № 3, Дурново — Arch. f. slav. Phil. 1905, I). Самъ А. И. Соболевскій дѣлалъ поправки къ „Опыту" въ своихъ „замѣткахъ" по разнымъ говорамъ (въ Русс. Филол. Вѣстн. за 1905—6 гг.). А. И. Соболевскій, опредѣляя задачу своего

труда — указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, высказывалъ ту мысль, что матеріалъ узокъ и отрывоченъ и потому его трудъ не претендуетъ на полноту, а можетъ указать напротивъ, какіе говоры остаются неизвѣстными и гдѣ имѣющіяся данныя неполны.

Образцемъ детальнаго изученія отдѣльныхъ великорусскихъ говоровъ являются труды проф. Будде, особенно двѣ его диссертаціи: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій". (Варшава 1892 г.). и „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ". (Казань. 1896 г.). Обѣ работы посвящены описанію и изслѣдованію говоровъ Рязанской губерніи: первая—говоровъ южной части Рязанской г. по правую сторону Оки, вторая — гл. обр. говоровъ Касимовскаго уѣзда. Въ научномъ отношеніи вторая работа стоитъ выше первой, хотя и въ ней, несмотря на ея крупныя достоинства, можно отмѣтить черезчуръ поспѣшныя заключенія общаго характера. Путемъ сближенія различныхъ особенностей рязанскихъ говоровъ съ особенностями великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, проф. Будде пришелъ къ мысли, что южная часть рязанскихъ говоровъ представляетъ собою соединеніе элементовъ бѣлорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ, преимущественно при этомъ первые вошли въ это соединеніе; по нѣкоторымъ чертамъ южные рязанскіе говоры какъ бы звено между говорами бѣлорусскими и сѣверно-великорусскими. Образованіе этихъ говоровъ проф. Будде относитъ ко времени колонизаціоннаго движенія особенно 12—13 вв.; касимовцевъ же онъ считаетъ болѣе исконными жителями, сѣверно-великорусскаго происхожденія (отъ древнихъ вятичей), усвоившими нѣкоторыя особенности языка своихъ новыхъ сосѣдей, которые ихъ потѣснили съ юга. Трудно входить въ оцѣнку приведенной гипотезы: она рисуетъ намъ группировку русскихъ говоровъ; для проведенія ея авторъ пользуется и соображеніями историческаго характера, но здѣсь лишь вопросъ — можемъ ли мы при имѣющихся въ настоящее время данныхъ строить подобныя гипотезы, не будутъ ли онѣ при всемъ своемъ блестящемъ построеніи все же лишены прочной почвы? Ак. Шахматовъ, столь много сдѣлавшій для разработки великорусскихъ говоровъ, для русской діалектологіи вообще, оказавшій вліяніе своими изслѣдованіями на 2-е изъ упомяну-

тыхъ изслѣдованій проф. Будде, отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ значенію окончательнымъ выводовъ этого изслѣдованія, но въ данномъ случаѣ это и немудрено, такъ какъ то же самое стремленіе дать картину исторіи нашихъ діалектовъ мы находимъ и у ак. Шахматова. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что на основаніи филологическихъ данныхъ разрѣшаются проблеммы, столь важныя для нашей исторіи.

Проф. Будде отмѣчаетъ мѣстности въ Рязанской губ., гдѣ цокающіе говоры, при чемъ **ц** произносится шепелевато **ц**^{ч}, съ другой стороны **ч** произносится кокъ **ч**^{ц}. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ процессъ перехода одного звука въ другой. Ту же шепелеватость онъ отмѣчаетъ въ произношеніи **с**^{ш}. Въ этихъ же мѣстностяхъ отмѣчается: **т**^{с}, **д**^{з}, **д**^{ж}. Примѣры: нич^{ц}аво, Юдич^{ц}а, на вопросъ — Вычьи–Зубас^{ш}ьки, Снахиньс^{ш}ки; хот^{с}ь, с^{ш}мѣйси, т^{с}емна, захат^{с}ѣл, ход^{з}ить, ход^{ж}им. Придавая огромное значеніе указанной чертѣ, проф. Будде дѣлитъ на основаніи ея русскія нарѣчія на шепелеватыя, полушепелеватыя и нешепелеватыя, отвергая принятое дѣленіе нарѣчій. На несостоятельность новаго дѣленія указывалъ ак. Шахматовъ Шепелеватость между нѣкоторыми другими звуковыми особенностями Б. считаетъ унаслѣдованной отъ общерусской эпохи, такимъ образомъ видитъ здѣсь черту глубокой древности. Это сближеніе данныхъ современныхъ съ древностью, сближеніе, не имѣющее подъ собою прочной основы, напоминаетъ мнѣ нѣсколько подобныя же сближенія, которыя дѣлались Житецкимъ относительно малорусскаго языка. Исторія постепеннаго развитія того или иного звука въ русскомъ языкѣ требуетъ такого детальнаго и всесторонняго изслѣдованія, требуетъ такого матеріала, что какъ то невольно начинаешь относиться отрицательно къ попыткамъ создать эту исторію, руководясь также и извѣстными чисто субъективными домыслами. Отсюда видно, что мое нѣсколько отрицательное отношеніе къ общимъ задачамъ трудовъ проф. Будде обусловливается отношеніемъ къ нѣкоторыхъ увлеченіямъ той школы, однимъ изъ представителей которой является и проф. Б. (правда, неособенно осторожно проводящій основныя начала этой школы). Его же работа въ своихъ частностяхъ, методѣ чисто детальнаго наблюденія

особенностей говоровъ заслуживаетъ полнаго признанія ея цѣнности.

Задаваясь цѣлью и въ отдѣлѣ разсмотрѣнія литературы вопроса сообщать данныя, пополняющія сообщенное въ краткой характеристикѣ нарѣчій, я приведу нѣкоторыя изъ наблюденій проф. Будде относительно Касимовскаго говора. Прежде всего любопытными являются отмѣченные случаи долготы: катōра изба, угадāт, бывāт, тихā (нарѣчіе тихо), смирнā, кажнā время, мéленькā рыба, радúмай, садóвай, пóмяр; употребленіе дифтонговъ: **уо** вмѣсто **о** и **у**-зимуой, табуой, даjуот, пляшуот; **іе** вм. **е**: міеру, ніету. Такимъ образомъ вполнѣ подтверждаются тѣ наблюденія, которыя были сдѣланы въ общемъ еще Далемъ относительно долготы произношенія нѣкоторыхъ звуковъ въ Вятской губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ на научную основу вопросъ о существованіи долготы и краткости въ русскихъ говорахъ. Затѣмъ интересны частые случаи употребленія члена: воск-ăт, всход-ăт и пр; **ся** звучитъ въ глаголахъ, какъ **ся (с'а) си, сы**: сымайтца, бьёмси, напитцы и пр.

Статьи проф. Будде о говорахъ Тульской и Калужской (въ Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., 98 г.) интересны въ смыслѣ обрисовки въ общихъ чертахъ нѣкоторыхъ переходныхъ говоровъ.

Въ дѣлѣ разработки русской діалектологіи въ настоящее время имя ак. Шахматова должно занять первое мѣсто. Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ трудовъ — изслѣдованіи о Новогородскихъ грамотахъ, изд. въ 1886 г., высказывались уже черты и направленіе Шахматова какъ изслѣдователя говоровъ. Въ этомъ изслѣдованіи авторъ задается цѣлью вскрыть звуки древне-русскаго языка подъ ихъ нефонетическимъ воспроизведеніемъ. Особенно интересны здѣсь попытки опредѣлить произношеніе **ѣ**. Въ послѣдующемъ трудѣ Ш., вышедшемъ въ 1893 г., изслѣдованіе вокализма русскаго языка ставится на болѣе широкую почву; это изслѣдованіе касается гласныхъ **о**, **е**, а также и **ѣ**, **ъ**, **ь**, **ы**, **и**, **а**. („Изслѣдованія въ области русской фонетики", изъ Рус. Филол. Вѣст.). Еще ранѣе въ 1888 г. въ изслѣдованіи „Къ исторіи сербо-хорватскихъ удареній" (Рус. Филол. Вѣстн.), и въ 1890 (продолженіе предыдущаго изслѣдованія) Шахматовъ

привлекалъ данныя русскихъ нарѣчій для выясненія вопросовъ объ общеславянскомъ удареніи и долготѣ. Если въ изслѣдованіи о Новгородскихъ грамотахъ сказывалось на Ш. вліяніе того направленія, которое было дано ак. Фортунатовымъ (тогда профессоромъ Московскаго ун.), то въ изслѣдованіи въ области русской фонетики" это вліяніе особенно сильно сказалось. Въ первыхъ главахъ высказывается какъ догма основныя положенія этого направленія. Особенностью того научнаго направленія, начинателемъ котораго у насъ является ак. Фортунатовъ, служитъ, какъ прекрасно, мнѣ кажется, опредѣлилъ проф. Ляпуновъ (см. его статью объ изслѣдов. Ш, Харьковъ. 1894,6) „стремленіе фонетическія явленія новыхъ нарѣчій объяснять изъ фонетическихъ варіянтовъ уже праязыка, который искони уже несомнѣнно дробился на говоры, а не представлялъ идеальнаго единства, возможнаго лишь въ языкѣ одного человѣка; къ этому присоединить необходимо, какъ существенное свойство его метода, также детальное изслѣдованіе всѣхъ условій возникновенія каждаго фонетическаго явленія" Въ послѣднемъ большая положительная сторона направленія, но нельзя скрывать того, что стремленіе прійти къ тому или иному общему заключенію заставляло ак. Фортунатова и его учениковъ измѣнять (и довольно часто) свои выводы, а это уже указываетъ на то, что не всегда приступалось къ общему заключенію по накопленіи и анализѣ всѣхъ данныхъ. Относительно же выставляемой какъ извѣстной при томъ аксіомы теоріи о существованіи зачатковъ языковыхъ особенностей уже въ праязыкѣ, то вполнѣ справедливыя возраженія мы находимъ въ критикѣ ак. Ягича и ак. Соболевскаго на названное изслѣдованіе (Archiv für sl. Phil. XVI, Ж. М. Н. П. 94 г. апрѣль). Ак. Ягичъ вполнѣ справедливо указывалъ на появленіе новыхъ причинъ, въ силу которыхъ происходятъ въ языкѣ новыя измѣненія. И эти причины нельзя объяснять вслѣдъ за проф. Ляпуновымъ, вполнѣ примыкающимъ къ направленію школы Фортунатова, какъ лишь своего рода толчки въ ту или другую сторону уже имѣющагося, нельзя придавать этимъ причинамъ значеніе лишь направленія въ ту или иную сторону данныхъ въ праязыкѣ зачатковъ. Тонкій анализъ отдѣльныхъ фактовъ языка

начинаетъ страдать, когда изслѣдователь задается непомѣрными задачами.

Проф. Ляпуновъ вполнѣ считаетъ раціональнымъ субъективизмъ фортунатовской школы, ставитъ въ связь теорію школы съ теоріей эволюціи вообще. Но нельзя вѣдь оправдать черезчуръ смѣлыхъ попытокъ субъективизма, полная гипотетичность котораго и сказывается, когда одно мнѣніе вскорѣ у того же изслѣдователя принимаетъ другой совсѣмъ видъ. А иначе въ данномъ случаѣ и нельзя, потому что изслѣдователь берется за задачи, невозможныя для рѣшенія: то, что при имѣющихся данныхъ можно опредѣлить лишь приблизительно, нельзя опредѣлить съ точностью до одной сотой. Нѣкоторыя изъ положеній при этомъ получаютъ такой характеръ, что и подтвердить то ихъ фактически вполнѣ нельзя, нельзя, правда, и опровергнуть, но въ послѣднемъ не можетъ заключаться сила выводовъ. Я не буду касаться попытокъ ак. Шахматова на основаніи различнаго діалектологическаго матеріала построить праформы, опредѣлить характеръ звуковъ общеславянскаго и общерусскаго языка, я не отрицаю въ этихъ попыткахъ автора проявленія огромной силы анализа, научнаго творчества, не могу отрицать и того, что для построенія картины измѣненій говоровъ созданіе такихъ праформъ является необходимымъ для полноты картины. Укажу только, что въ изслѣдованіи о новгородскихъ грамотахъ авторъ давалъ не тожественное опредѣленіе нѣкоторыхъ звуковъ съ тѣмъ, которое находимъ въ изслѣдованіи въ области русской фонетики, затѣмъ, что проф. Ляпуновъ въ своихъ замѣткахъ даетъ иныя предположенія объ исторіи измѣненія нѣкоторыхъ звуковъ.

Въ разсматриваемомъ изслѣдованіи Ш. мы находимъ дѣленіе русскихъ говоровъ на 2 части: юго-западную и восточную, для дѣленія приняты прежде всего произношенія е и и, затѣмъ нѣкоторыя другія языковыя особенности. Что съ подобнымъ дѣленіемъ трудно согласиться, указалъ вскорѣ и самъ авторъ. Въ 1894 г., т. е. годъ спустя послѣ появленія изслѣдованія, была напечатана Ш. въ Русск. Филол. В. статья „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“, въ которой мы видимъ уже измѣненіе взглядовъ изслѣдователя: русскіе говоры дѣлятся на 3

группы, признается новая группа-сѣверо-западная, изъ которой уже образуется бѣлорусское нарѣчіе; образованіе его происходитъ въ 13—14 вв. подъ вліяніемъ говоровъ юго-восточныхъ. Въ 1899 г. напечатана была другая статья Ш. подъ такимъ же заглавіемъ (Ж. М. Н. П. апрѣль), въ ней Ш. отказался отъ той гипотезы, которой онъ придерживался относительно малорусскаго нарѣчія въ предыдущей статьѣ (въ данномъ случаѣ Ш. находился подъ вліяніемъ „Очерковъ по ист. р. яз.“ А. И. Соболевскаго), въ которой измѣняется взглядъ на отношеніе бѣлорусскаго нарѣчія къ великорусскому: бѣлоруссы и южно-великоруссы считаются уже двумя вѣтвями общей племенной группы, обособившимися въ силу историческихъ событій.

Все это я говорю не въ укоръ, а желая лишь подчеркнуть свою ранѣе высказанную мысль. Та задача, которую преслѣдуетъ Ш. въ названныхъ статьяхъ по исторіи нашей діалектологіи, задача очень трудная; то, что сдѣлано Ш. въ исполненіи этой задачи говоритъ и о его эрудиціи, о его замѣчательной способности къ синтезу, о научномъ безпристрастіи, но все это не отниметъ у читателя извѣстной доли скептицизма къ построеннымъ общимъ положеніямъ.

Въ позднѣйшей статьѣ Ш. (ср. также статьи А. А. Шахматова „Русскій языкъ“ въ Экциклоп. Брокгауза, т. 55), касавшейся исторіи русскихъ нарѣчій, наиболѣе разработанной, дается прежде всего дѣленіе русскихъ говоровъ на 3 группы: сѣверно-русскую, средне-русскую и южно-русскую. Можетъ быть, введеніе этихъ новыхъ терминовъ удобнѣе по ихъ большей общности. Средне-русская группа въ свою очередь дѣлится на западную и восточную, какъ и южно-русская — на сѣв. и южную. И вотъ эту группировку Ш. переноситъ и на древнюю Русь, пользуясь для возсозданія исторической картины разселенія и переселеній русскихъ племенъ указаніями лѣтописи. Оказывается, что средне-русскую группу образовывали сѣверяне, вятичи и радимичи. Вятичи и радимичи, которые, по свидѣтельству лѣтописца, происходили отъ рода ляховъ, жили въ сосѣдствѣ съ поляками, отчего и появились нѣкоторыя общія черты съ польскими говорами (дзеканье и цеканье), такимъ образомъ вятичи и радимичи—отрасль западной вѣтви средне-русскаго племени, сѣверяне же — восточной; область, занимаемая

этими племенами, простиралась отъ бассейна Нѣмана до бассейна Оки. И вотъ въ верховьяхъ Оки и Волги произошло столкновеніе и сліяніе средне-русской группы съ частью сѣверной — кривичами; благодаря этому сліянію объясняетъ Ш. между прочимъ фактъ объединенія впослѣдствіи подъ властью Москвы областей занятыхъ какъ сѣверно- такъ и средне-русской группами, потому что на пути объединенія уже былъ составъ съ двухъ сторонъ объединенія однородный, и Москва являлась центромъ объединенія.

Дѣйствительно, какъ показали въ послѣднее время изслѣдованія гг. Дурново и Чернышева, Московская губернія по говорамъ дѣлится на 2 части, изъ коихъ одна занята южно-великорусскими говорами, во второй же замѣчается болѣе схожаго съ сѣверно-великорусскими.

Я останавлюсь дальше подробнѣе на обрисовкѣ картины историческихъ измѣненій въ передвиженіи, по Ш., русскихъ племенъ, но здѣсь отмѣчу также, что и нарисованная картина представляетъ намъ дѣло не такъ, какъ мы могли бы представить себѣ, руководствуясь, напр. тѣми результатами, къ которымъ пришелъ проф. Будде относительно Рязанской губерніи. И самъ проф. Будде возражалъ противъ проводимой теоріи Ш. относительно заселенія этой губерніи (послѣднюю, по Ш., заселили сѣверяне, а, по Б., вятичи, которые были, какъ мы видѣли, оттѣснены, см. возраженія Б. на статью Ш. въ Ж. М. Н. П. 99 г. авг.).

Въ 1903 г. ак. Шахматовымъ изданы были: „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.“ и „Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ“. Первый трудъ представляетъ изданіе и изслѣдованіе 115 грамотъ XV в., изслѣдованіе даетъ много фактическаго матеріала, много здѣсь цѣнныхъ частныхъ замѣчаній относительно языка грамотъ, частныхъ экскурсовъ въ область русской діалектологіи современной съ домыслами объ историческихъ измѣненіяхъ. Во второмъ упомянутомъ мною трудѣ Ш. задается цѣлью вскрыть причины звуковыхъ измѣненій, происходящихъ съ неударяемыми **о**, **а**, **е** въ Ельнинскихъ говорахъ (Смоленской г.) и Мосальскихъ (Калужской г.), эта работа являлась какъ бы пополненіемъ того фактическаго матеріала, котораго недоставало для ранѣе разсмотрѣнныхъ изслѣдованій въ области русской фонетики.

Общей причиной, вызвавшей измѣненія неудар. **о, а, е,** является, по Ш. (см. отд. отт. изъ Русск. Филог. В., 9—31), измѣненіе первоначальнаго характера ударенія — послѣднее дѣлается болѣе сильнымъ, энергичнымъ. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и другая сторона ударенія, его музыкальность. Ослабленіе неударяемаго звука вело и къ его измѣненію. Изъ гласныхъ звуковъ измѣняются **о, а, е,** потому что эти звуки при произнесеніи не требуютъ такого суженія органовъ какъ **у** и **и,** слѣдовательно ихъ переходъ въ состояніе безразличности, употребляя терминъ Ш., былъ болѣе легокъ. **О** и **а** гласные заднеязычные, **е**-переднеязычное. Для образованія **а** и **о** (кромѣ дѣйствій языка) губы оттягиваются, для-**е** стягиваются. При ослабленіи звуки эти переходятъ въ среднеязычные, при чемъ различіе между этими новообразовавшимися гласными не такъ велико, какъ неперешедшими, и поэтому легче возможность смѣшенія. Съ другой стороны есть звуки, какъ **ы,** по образованію также среднеязычное и произношеніе этого звука не такъ ясно въ силу мѣста его образованія. Отсюда понятно смѣшеніе съ этимъ звукомъ предыдущихъ гласныхъ неполнаго образованія. Разница въ переходѣ въ тотъ или иной звукъ обусловливалась свойствомъ ударяемаго гласнаго: ударяемый гласный усиливался, отвлекая нужныя для того свойства отъ предыдущей гласной, если ударяемый былъ звукъ открытый, то онъ отвлекалъ отъ предыдущаго также открытость и послѣдній такимъ образомъ дѣлался болѣе закрытымъ и наоборотъ. Это о слогахъ начальныхъ. Если же слогъ предъ ударяемымъ неначальный, то онъ менѣе ослаблялся въ виду постепеннаго перехода отъ начальнаго. Употребляя условное обозначеніе для **а, о,** неполнаго образованія склонныхъ къ **а**-*α*, таковаго же **е**-*ε*, мы получаемъ: в*α*да, но п о в а д а, н *ε* с и, но п р и н е с и и пр. Если полное **а** послѣ мягкихъ согласныхъ переходитъ въ **е**: г р е з ь, в з е т ь, то понятно, что и *α* въ такихъ случаяхъ переходитъ въ *ε*: въ москов. гов. — с'ело изъ с*ε*ла-с'ала, въ другихъ говорахъ только закрытое *α* переходитъ въ *ε*: пл'асать-пл'есать, но в'аду.

Ш. даетъ такой выводъ: предъ слогами ударяемыми со всѣми гласными, кромѣ **а,** въ предыдущемъ появляется **а** полнаго образованія, замѣнившее *α* и *ε* открытые, предъ удар. слог. съ **а,** появляются звуки: „**ы,** чередующееся съ *α*, и **и,** а послѣ лабіализованныхъ губныхъ **у,** восходящее къ первоначальнымъ *α* и *ε* закрытымъ“ (то же передъ слогами съ ударяемыми **о, е,** когда имъ предшествуетъ смягченные согласные, 51). Появленіе гласныхъ полнаго образованія въ начальныхъ слогахъ предъ ударяемыми объясняется вліяніемъ аналогіи.

Интересно сравнить выводы ак. Шахматова съ тѣми, къ которымъ пришелъ Л. Л. Васильевъ относительно говоровъ Обоянскаго уѣзда, чтобы убѣдиться, какъ трудно поддаются общей формулировкѣ тѣ законы, которые господствуютъ въ процессахъ образованія тѣхъ или иныхъ звуковыхъ окрасокъ. (Изв. по отд. рус. яз. и сл. И. А. Н. 1904 г.). Я привелъ для образца резюме нѣкоторыхъ главныхъ выводовъ ак. Ш., вся статья строго выдержана по проведенной въ ней системѣ, предъ нами рисуется цѣлая картина звуковыхъ измѣненій, но хотя и здѣсь какъ то ко многому приходится относиться лишь съ вѣрой, но нельзя не выста-

вить тонкости наблюденій надъ незамѣтными на первый взглядъ фактами языка. Тѣ различныя измѣненія, которыя кажутся съ перваго взгляда совершенно неподчиненными никакимъ законамъ, изслѣдователь ставитъ въ связь съ различными факторами заключающимися въ характерѣ последующихъ слоговъ и окружающихъ согласныхъ.

Съ именемъ ак. Шахматова какъ то неразрывно связывается научное изученіе русской діалектологіи въ послѣднее время.

Съ 1896 г. начинается особенно дѣятельная работа по собиранію діалектологическаго матеріала, именно со времени изданія и разсылки отд. рус. яз. Ак. Наукъ программъ для собиранія этого матеріала (были прежде всего изданы программы по великорусскимъ нарѣчіямъ, а затѣмъ по бѣлорусскому). Правда, къ дѣлу собиранія часто привлекались люди, не только совершенно некомпетентные, но и неинтересовавшіеся этимъ дѣломъ, но были случаи, что эти программы вызывали къ дѣятельности и очень полезныя силы. Такъ, напр., однимъ изъ дѣятельныхъ собирателей и изслѣдователей по говорамъ Московской губ. является г. Чернышевъ, обратившій на себя вниманіе ак. Шахматова своими отвѣтами на программы. Сами программы уже являются вкладомъ въ русскую діалектологію по извѣстной систематизаціи главныхъ особенностей (въ области фонетики и морфологіи), главнымъ образомъ эти программы — плодъ дѣятельности ак. Шахматова.

Программы, выработанныя для собиранія діалектическаго матеріала, важны прежде всего въ томъ отношеніи, что помогаютъ лицамъ, желяющимъ заняться собираніемъ матеріала, оріентироваться въ своихъ задачахъ, облегчаютъ возможность разобраться въ отдѣльныхъ вопросахъ, указывая на тотъ или иной отвѣтъ. Другое дѣло, насколько полезна была для академической работы надъ словаремъ черезчуръ обширная разсылка этихъ программъ съ цѣлью привлечь очень широкій кругъ собирателей, насколько была цѣнна работа во многихъ случаяхъ, можетъ быть, подневольныхъ діалектологовъ[1]).

1) Цѣнные матеріалы даетъ „Словарь русскаго языка“, издаваемый Академіей Наукъ на основаніи того многочисленнаго матеріала, который присылался ей различными собирателями.

Матеріалы лексическаго характера мы находимъ и въ изданіяхъ Академіи послѣдняго времени (напр., въ Сборникѣ по отд. рус. яз. и

При настоящихъ требованіяхъ записи народныхъ говоровъ представляютъ много затрудненій, нужно очень прислушиваться къ произнесенію того или иного звука, иногда даже нельзя положиться на собственный слухъ. Для точности записей прибѣгаютъ и къ помощи фонографовъ. Изученіе говоровъ, безспорно, вызвало особенное вниманіе къ изученію физіологіи звуковъ. Правда, въ настоящее время обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на акустику звуковъ, гораздо менѣе на процессъ произнесенія этихъ звуковъ, на работу голосовыхъ мускуловъ. Физіологія рѣчи должна детально ознакомиться устройствомъ и работой нашего голосового аппарата, интересенъ въ данномъ случаѣ былъ бы анатомическій анализъ.

Остановлюсь теперь по разработкѣ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій.

Уже Калайдовичъ обратилъ вниманіе на бѣлорусское нарѣчіе. Ему принадлежитъ статья о бѣлор. нарѣчіи (въ Трудахъ Общ. Люб. Рос. Слов. ч. XXI); въ этой небольшой статьѣ, кромѣ данныхъ объ особенностяхъ нарѣчія и свѣдѣній историко-литературныхъ, приведенъ и лексическій матеріалъ. Въ 1824 г. Калайдовичемъ былъ изданъ „Бѣлорусскій архивъ“, содержавшій грамоты на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ (собраніе этихъ матеріаловъ было сдѣлано не самимъ Калайдовичемъ).

Нѣкоторый интересъ къ бѣлорусской народности пробуждается въ польской литературѣ въ періодъ господства тамъ романтизма: въ „Piosnkach...“ Чечота (1837—46), кромѣ различныхъ подражаній, имѣется и любопытный ма-

---

слов. т. 68, въ статьяхъ гг. Сахарова-Языкъ крестьянъ Ильинской волости Болховскаго уѣзда, Соловьева-объ особенностяхъ говора донскихъ казаковъ, Чернышева — лексическій матеріалъ, собранный въ москов. уѣздѣ и пр.), а также въ нашихъ этнографическихъ журналахъ „Живая Старина“ и „Этнографическое Обозрѣніе“.

Упомяну объ отдѣльныхъ работахъ и матеріалахъ проф. Халанскаго (относительно Курской г.), прив. доц. Дурново, Чернышева (относительно Московской г.), затѣмъ относительно различныхъ мѣстностей — проф. Н. Каринскаго, гг. Никольскаго, Бѣлоруссова, Караулова, Зеленина, Замотина и др. Послѣ академ. Извѣстій по разработкѣ діалектологическаго матеріала главное мѣсто у насъ занимаетъ „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. Новыми матеріалами воспользовался проф. Богородицкій въ своемъ общемъ трудѣ по діалектологіи (Каз. 1910 г.).

теріалъ по характеристикѣ нарѣчія и приводятся дѣйствительныя произведенія народной словесности.

Въ новѣйшей польской научной литературѣ можно отмѣтить интересъ къ бѣлорусской народности и нарѣчію. Обращаютъ на себя вниманіе матеріалы и замѣтки въ изданіи Краковской Академіи Н. (Zbiór wiadomści do antropologii krajowej, томы V, XIV и др.). Обращаетъ на себя вниманіе цѣнное изданіе Федеровскаго Lud białoruski...

Я не буду также подробно останавливаться на трудахъ по собиранію памятниковъ творчества бѣлорусской народности и кое-какого освѣщенія бѣлорусскаго нарѣчія до фундаментальныхъ трудовъ проф. Карскаго, а только сдѣлаю бѣглый пересмотръ. Прежде всего нужно упомянуть о трудахъ Носовича — собраніе пословицъ и поговорокъ (первое изд. въ 1852 г., затѣмъ дополнен., особенно въ 1874), пѣсенъ (въ 1873 г.), цѣнный словарь бѣлорус. нарѣчія (1870 г.); Шейна — собраніе пѣсенъ (1874), матеріалы для изученія быта и языка сѣверо-западнаго края (начали издав. въ 1887 г.), изъ прежнихъ собраній также нужно упомянуть объ изданіяхъ: Безсонова, Гильдебрандта, Микуцкаго, Дмитріева. Изъ новѣйшихъ собраній важное значеніе имѣютъ сборники Романова, Добровольскаго, Доваръ-Запольскаго. Изъ попытокъ дать обрисовку научную особенностей бѣлорусскаго нарѣчія можно указать на статьи, печатавшіяся въ Русск. Филол. В.-Аппеля: „О бѣлорусскомъ нарѣчіи" (1880), Недешева „Историческій обзоръ главнѣйшихъ звуковыхъ и морфолог. особенностей бѣлор. говор." (1884).

Въ исторіи изученія бѣлорусскаго нарѣчія проф. Карскій до того крупная величина, что съ его именемъ какъ то неразрывно связывается современное вполнѣ научное изученіе этого нарѣчія. Главная особенность трудовъ К., это ихъ фактичность, авторъ является знатокомъ не только современнаго бѣлорусскаго нарѣчія, но и его памятниковъ. Особенно цѣнными представляются изслѣдованія Карскаго „Бѣлоруссы", въ этихъ изслѣдованіяхъ авторъ воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который давалъ въ предыдущихъ своихъ изслѣдованіяхъ — „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. р." (М. 1886), „Къ исторіи звуковъ и формъ б. р. (В. 93)", при чемъ матеріалъ здѣсь значительно увеличился, измѣнились и нѣкоторые общіе взгляды изслѣдователя.

Изъ общихъ вопросовъ, на которыхъ останавливался проф. К. въ поименованныхъ трудахъ, прежде всего интересны, конечно, вопросы: объ отношеніи бѣлорусскаго нарѣчія къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ и о дѣленіи бѣлор. нарѣчія на говоры.

Вопросъ объ отношеніи бѣлор. нарѣчія къ другимъ рус. нар. занималъ уже многихъ изслѣдователей, занималъ, потому что тѣсно связанъ съ вопросомъ о классификаціи русскихъ нарѣчій. Надеждинъ въ своей статьѣ „Mundarten der russischen Sprache“ (помѣщенной въ Jahrbücher d. Literatur 1841 г. издав. въ Вѣнѣ), создавая странную теорію о происхожденіи русскихъ нарѣчій изъ двухъ источниковъ — понтійскорусскаго (или малорусскаго) и балтійско-русскаго (бѣлорусскаго), тѣмъ самымъ отдавалъ преимущество въ качествѣ древности бѣлорусскому нарѣчію. И послѣдующая теорія Максимовича, въ его „Исторіи древней рус. словесности“, о самостоятельности русскихъ нарѣчій, объ ихъ большей особности другъ отъ друга, чѣмъ, напр., языки чешскій и польскій, была построена на такомъ же маломъ знаніи русскихъ нарѣчій, какъ и предыдущая. Не меньшей ошибочностью отличалось мнѣніе Миклошича, о томъ, что бѣлорусское нарѣчіе лишь поднарѣчіе малорусскаго языка. Большей обоснованностью отличалось мнѣніе Срезневскаго, въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“, поставившаго бѣлорусское нарѣчіе въ тѣсную связь съ нарѣчіемъ великорусскимъ и считавшаго бѣлор. нарѣчіе частью этого послѣдняго. Мнѣніе это въ смыслѣ близости и зависимости бѣлорусскаго нарѣчія отъ южно-великорусскаго развилъ Потебня въ статьѣ своей „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“. Мысли Потебни встрѣтили полное несогласіе въ лицѣ Житецкаго, который какъ бы продолжилъ и старался обосновать мысли Надеждина и указывалъ на бо́льшую возможность вліянія бѣлорусскаго нарѣчія на великорусское, чѣмъ наоборотъ. И по мнѣнію Житецкаго, бѣлорусское нарѣчіе являлось болѣе архаическимъ, чѣмъ великорусское, оно какъ бы переходъ къ великорусскому отъ русскаго праязыка („Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣч. 1873. Ср. отзыв. Потебни въ 20 отчетѣ объ Уваровскихъ наградахъ). Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Карскій какъ бы продолжилъ работу Житецкаго, вы-

двигая его мысль о колонизаціонномъ движеніи кривичей, но въ окончательномъ результатѣ въ своемъ „Обзорѣ...“ К. пришелъ къ заключенію о независимости 3 главныхъ нарѣчій, о происхожденіи ихъ лишь изъ одного общаго русла, о происхожденіи иногда одинаковыхъ чертъ совершенно независимо, въ силу извѣстныхъ общихъ условій. Выдѣленіе бѣлорусскаго нарѣчія изслѣдователь относилъ къ XIII в. Если здѣсь такимъ образомъ проводились мысли о недѣлимости, цѣльности до XIII в. русскаго языка, то въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи „Бѣлоруссы“, идя за начинавшей все болѣе и болѣе господствовать теоріи о изначальномъ происхожденіи діалектовъ, идя въ частности за построенной ак. Шахматовымъ теоріей объ историческомъ развитіи русскихъ нарѣчій, Карскій уже иначе представляетъ исторію происхожденія бѣлорусскаго нарѣчія, оставаясь только при своей главной мысли о непроисхожденіи бѣлор. нарѣч. изъ южно-великорусскаго. — Нужно вообще сказать, что на взгляды проф. Карскаго сильное вліяніе оказали мысли ак. Шахматова, не менѣе сильное вліяніе имѣли и критическія замѣчанія ак. Соболевскаго. Благодаря послѣднему К. обратилъ, между прочимъ, вниманіе на такую крупную особенность бѣлор. нар., какъ существованіе мягкаго **р**, особенность, которую К. вначалѣ совершенно даже отрицалъ въ бѣлор. нар. (рецензія ак. Соболевскаго на Обзоръ въ Ж. М. Н. П. 1887 № 5). Насколько важна эта особенность, показываетъ то, что К. положилъ ее въ основу новаго дѣленія бѣлорусскихъ говоровъ (на 2 группы: твердоэровую юго-западную, мягкоэровую сѣверо-восточную; ранѣе же дѣленіе у К. было по присутствію или отсутствію окон. **ть** въ 3-емъ л. глагола въ ед. ч.). Въ Обзорѣ К. не рѣшился высказаться относительно источника такихъ характерныхъ чертъ бѣлорусскаго нарѣчія, какъ дзеканье и цеканье, въ „Къ исторіи..“ онъ далъ нѣсколько неясный по существу отвѣтъ по этому вопросу, считая эти звуковыя явленія принадлежностью бѣлорусскаго нарѣчія, но образовавшимися не безъ вліянія польскаго, но въ „Бѣлоруссахъ“ К. уже считаетъ ихъ чисто оригинальными, незаимствованными чертами, при чемъ констатируетъ разницу въ произношеніи аналогичныхъ случаевъ у поляковъ, разницу въ самихъ согласныхъ, именно у бѣлоруссовъ нѣтъ того

оттѣнка шипенія, каковой находимъ у поляковъ. Въ данномъ случаѣ на измѣненіе взгляда К. подѣйствовало мнѣніе о данномъ явленіи ак. Шахматова.

Уже въ 1819 г. появляется „Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсенъ“ Цертелева, еще ранѣе появлялись отдѣльныя записи народныхъ малорусскихъ произведеній. Въ 1827 г. были изданы „Малороссійскія пѣсни“ Максимовичемъ, затѣмъ въ 1834 г. имъ же — „Украинскія народныя пѣсни“. Съ тѣхъ поръ начало разростаться собираніе произведеній народнаго малорусскаго творчества и теперь мы имѣемъ много различныхъ сборниковъ, составленныхъ русскими и поляками. Упомяну о собраніяхъ Метлинскаго, Лукашевича, Кулиша, Костомарова, Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича (и Драгоманова), Рудченка, Манджуры, Номиса, Ястребова, Гринченка, Гнатюка, Кольберга, Франка.

Теоретическое освѣщеніе вопросовъ, касающихся малорусскаго языка, попытки опредѣлить его отношеніе къ языку русскому, опредѣлить внутреннее отношеніе говоровъ малорусскаго языка (употребляемъ этотъ терминъ смѣшанно съ терминомъ „нарѣчіе“, потому что взятое само по себѣ, безъ отношенія къ русскому языку, малорусское нарѣчіе, конечно, можетъ быть названо языкомъ) начинаются съ трудовъ Максимовича, особенно съ его „Начатковъ русской филологіи“ (1848). Извѣстенъ тотъ споръ, который возникъ затѣмъ въ русской научной литературѣ, поднятый историкомъ Погодинымъ, о происхожденіи малороссовъ. Этотъ споръ долженъ былъ бы, естественно, обратить особенное вниманіе на языкъ малорусскій, но на первыхъ порахъ разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ велось безъ достаточнаго филологическаго обоснованія. Максимовичу принадлежитъ несомнѣнная заслуга въ попыткахъ дать классификацію русскихъ нарѣчій и въ выдѣленіи малорусскаго языка. Онъ давалъ въ своихъ работахъ блестящія гипотезы, которыя потомъ находили себѣ подтвержденіе. Онъ прямо говорилъ, что русскій языкъ распадается на три нарѣчія или, какъ онъ называлъ, на три языка. Правда, въ опредѣленіи ихъ основныхъ чертъ и отношеній другъ къ другу онъ заходилъ слишкомъ далеко, утверждая, что русскія нарѣчія менѣе сходны между собою, чѣмъ, напр., языки чешскій и польскій. Но послѣ трудовъ Максимовича нельзя уже было говорить, что мало-

русскій языкъ представляетъ собою измѣненіе русскаго подъ вліяніемъ языка польскаго, какъ утверждалъ то Гречъ. Отстаивать свои положенія Максимовичу пришлось особенно послѣ того, какъ въ акад. Извѣстіяхъ въ 1856 г. появилась „Записка о древн. русскомъ языкѣ“ Погодина, гдѣ отрицалась мысль о раздѣленіи русскаго языка на нарѣчія до XIII в. и доказывалась мысль о томъ, что малороссы заняли Кіевщину уже послѣ татарскаго нашествія. Погодинъ сначала самъ держался взгляда о первоначальности малорусскаго населенія Кіева, но затѣмъ подъ вліяніемъ того, что въ лѣтописи Нестора онъ не могъ найти малорусскихъ выраженій, и исходя изъ мысли, что лѣтописецъ писалъ народнымъ языкомъ, онъ началъ отрицать возможность присутствія малороссовъ тогда въ Кіевѣ. „Записка“ вызвала опроверженія со стороны Максимовича, его Филолог. Письма (Русская Бесѣда 56 г. № 3 и въ Полн. Собр. соч. III). Здѣсь Максимовичъ указывалъ, что языкъ лѣтописи языкъ исключительно книжный, что древне-церковный языкъ не есть языкъ русскій и что трудно было проникать въ рамки языка литературнаго языку народному. Затѣмъ Максимовичъ указывалъ на то, что малорусскаго языка основательно не знаютъ, не изучены разныя его стороны, при этомъ указывались и нѣкоторые малоруссизмы въ лѣтописи. Въ спорѣ Погодина и Максимовича принялъ участіе Лавровскій. Изучая нѣкоторыя рукописи И. П. Библіот., Лавровскій (въ напечат. трудѣ въ 1858 г. — Описаніе 7 рукоп.) проводилъ тѣ же мысли, что и Погодинъ. То же самое проводилось имъ и въ статьѣ „Обзоръ особенностей малорусскаго нарѣчія“ (Ж. М. Н. П. 59 г. № 6). Лавровскій находилъ много сходнаго между малорусскимъ и сербскимъ языками и указывалъ на то, что въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ нѣтъ чертъ, говорящихъ о малорусскихъ особенностяхъ, а находятся слѣды новгородскихъ говоровъ; малороссійское нарѣчіе могло, по Лавровскому, образоваться въ сосѣдствѣ съ сербами, а именно на Карпатахъ, гдѣ, по Константину Багрянородному, была родина сербовъ. Еще до поднятаго между Погодинымъ и Максимовичемъ спора была издана работа Головацкаго въ Львовѣ (1849) „Росправа“ о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ. Эта работа непосредственная предшественница работъ Потебни: „О звуковыхъ особенностяхъ

русскихъ нарѣчій“. Малорусскаго языка Потебня касался и въ другихъ своихъ работахъ. Онъ стремился изслѣдовать выдающіяся фонетическія явленія малор. яз., представить ихъ въ историческомъ развитіи. Потебня уже высказывалъ ту мысль, что русскій языкъ, какъ нѣчто цѣльное, безъ діалектическихъ разницъ, есть фикція, есть своего рода отвлеченіе. Раздѣленіе русскаго языка на нарѣчія относится далеко ранѣе не только XIII, но и XII вѣка. Но это не мѣшало ему при извѣстномъ дѣленіи на нарѣчія быть языкомъ единымъ, отличнымъ отъ другихъ славянскихъ языковъ. И если въ XIII в. мы находимъ различія между нарѣчіями сѣверно-великорусскимъ и малорусскимъ, то существованіе малорус. нарѣчія относится къ болѣе раннему времени. Ту же мысль Потебня развиваетъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ — „Къ исторіи звуковъ русскаго яз.“. Потебня стремился дать классификацію говоровъ малорусскаго нарѣчія, устанавливая 6 отдѣльныхъ говоровъ, пользовался онъ для этихъ своихъ построеній имѣвшимся тогда печатнымъ матеріаломъ, но представленное дѣленіе для настоящаго времени является уже непріемлемымъ. Попытку классификаціи говоровъ малор. нар. мы находимъ въ трудѣ Михальчука „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“, изд. въ VII томѣ Трудовъ Этнограф.-статистич. экспед. въ зап. рус. край. Классификація, сдѣланная Михальчукомъ, представляетъ собою очень сложную систему: 3 главныхъ нарѣчія — украинское, полѣшское и червонно-русское дѣлятся на 10 поднарѣчій, послѣднія въ свою очередь дѣлятся на разнорѣчія. Конечно, и дѣленіе, сдѣланное Михальчукомъ, не можетъ претендовать на полную убѣдительность и полноту для настоящаго времени. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что Михальчукъ воспользовался главнымъ образомъ тѣми матеріалами, которые были собраны тогда по программамъ, составленнымъ не совсѣмъ удачно Новицкимъ. Въ Vergl. Grammatik Миклошича отводится много мѣста особенностямъ малор. языка. Въ 1876 г. появился трудъ Житецкаго „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, снова былъ выдвинутъ вопросъ объ отношеніи малорусскаго языка къ великорусскому. Въ этомъ трудѣ, какъ указала критика въ лицѣ Ягича и Потебни (Archiv f. sl. Phil. II, Отчетъ о 20 присуж. Уваровск.

преміи), — слишкомъ много теоретическихъ, мало доказанныхъ предположеній, напр., о судьбѣ разныхъ фонетическихъ измѣненій. Житецкій многія особенности малорусскаго языка считалъ особенностями русскаго праязыка. Ж. задавался цѣлью сравнить звуковые элементы современнаго малор. яз. съ какими-то „первозвуками", которые выискивалъ въ древнихъ памятникахъ, и методъ его въ данномъ случаѣ былъ совершенно раскритикованъ Ягичемъ. Были и достоинства въ названномъ трудѣ, состоявшія главнымъ образомъ въ подобранномъ матеріалѣ. Житецкій самъ сознавалъ недостатки своей работы, особенно въ фактическомъ отношеніи, и обратился къ изученію рукописнаго матеріала и въ 1888 г. въ жур. Кіевская Старина былъ напечатанъ его „Очеркъ литературной исторіи малор. нарѣчія въ XVII и XVIII в.".

Въ 1880 г. была издана работа львовскаго профессора Огоновскаго Studien auf dem Gebiete d. ruthenischen Sprache. Огоновскій задавался цѣлью доказать самостоятельность малорусскаго языка по отношенію къ языку русскому. Трудъ проникнутъ даже своего рода нетерпимостью къ „московскому "языку, какъ то вѣрно указалъ И. В. Ягичъ въ своей статьѣ Einige Streitfragen (Archiv f. sl. Philol. XX).

Въ Живой Старинѣ 1892 г. была напечатана заключительная часть работы по русской діалектологіи А. И. Соболевскаго, посвященная малорусскому нарѣчію. Самъ составитель сознавалъ трудность своей задачи при неразработанности матеріала, неполнотѣ послѣдняго. Малор. нар. Соболевскій дѣлитъ на 2 поднарѣчія: сѣверно-мал. и южномалор. или украинско-галицкое, въ томъ и другомъ поднарѣчіи отмѣчаетъ цѣлый рядъ говоровъ.

Упомяну еще о слѣд. отдѣльныхъ работахъ: проф. Колессы — Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals (Archiv f. sl. Philol. 96 г.) — нельзя сказать, чтобы статья эта отличалась вполнѣ научными пріемами; то же примѣнимо и къ „Обзору фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи" Науменка (Кіевъ 1889); въ этомъ отношеніи противоположна цѣнная статья Броха „Угрорусское нарѣчіе села Убли" (СПБ. 1899). Много интереснаго въ вопросахъ исторической малорусской діалектологіи находится въ выходящихъ выпускахъ грамматики Крымскаго.

Я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ отношеніи малорусскаго языка къ великорусскому, а также на вопросѣ, являлись ли предки современныхъ малороссовъ представителями нашего первоначальнаго просвѣщенія.

„До татарскаго нашествія, говоритъ Погодинъ, въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ-то вдали за Карпатами, а въ Южную Русь пришли они уже въ XIII в., послѣ разоренія Кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великоруссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуня; великорусское нарѣчіе было тожественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“.

Несмотря на то, что теорія Погодина вызвала опроверженія со стороны Максимовича, Котляревскаго и др., эта теорія (не беря, конечно, ея совершенно непріемлемаго заключенія) нашла себѣ продолжателя въ лицѣ извѣстнаго знатока русскаго языка А. И. Соболевскаго, который путемъ филологическихъ наблюденій задался цѣлью подкрѣпить историческую гипотезу Погодина. Насколько вѣскими казались выставленныя вновь соображенія, указываетъ то обстоятельство, что эта вновь выставленная гипотеза была принята нѣкоторыми выдающимися современными учеными (напр., ея первоначально придерживался А. А. Шахматовъ).

Въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русскаго языка“ Соболевскій намѣчаетъ цѣлый рядъ рукописей 12—15 вв., въ которыхъ наблюдается особое употребленіе ѣ, въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ въ современномъ малорусскомъ языкѣ мы видимъ **и**. Соб. относитъ эти памятники къ малор. нарѣчію, при чемъ опредѣляетъ ихъ родину — Галицію и Волынь. И вотъ указанной черты памятниковъ галицко-волынскихъ не находится въ памятникахъ, относящихся по своему происхожденію къ Кіеву. Отсюда — заключеніе, что прежнимъ населеніемъ Кіева были великоруссы, а настоящее — пришельцы изъ Подоліи, Волыни, Галиціи. Указаны были такіе примѣры: (Добрилово Еванг. 1164 г.) — 1) въ оконч. е н ь е — ѣ н ь е (если предъ этимъ оконч. согл. звукъ) з н а м ѣ н ь я, у ч ѣ н ь я, к а м ѣ н ь е и пр. 2) — е н ь — ѣ н ь: р е м ѣ н ь, к а м ѣ н ь, 3) — е н ь н ъ, е н ь н ы й — ѣ н ь н ъ, ѣ н ь н ы й

— времѣньно, 4) — тель — тѣль: дѣлатѣль, учитѣль и замѣны въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Ак. Ягичъ, разсматривая высказанный взглядъ, лишь отчасти согласился съ нимъ. А именно: въ замѣнѣ е—ѣ онъ видѣлъ черту южно-русскую, при чемъ, такъ какъ эта замѣна попадается и въ памятникахъ, которые нельзя отнести къ Галиціи и Волыни, то онъ считалъ эту черту свойственной и Кіевской области, населенной также малороссами. Если же замѣны е—ѣ нѣтъ въ Кіевскихъ Изборникахъ, то объясняется это тѣмъ, что во время написанія изборниковъ эта замѣна еще не развилась (изборники относятся къ XI в., а древнѣйшіе разбираемые памятники галицко-волынскіе къ XII в.).

Г. Крымскій, остановившись на данномъ вопросѣ лишь мимоходомъ въ своей статьѣ „Филологія и Погодинская гипотеза“ (Кіевъ 1904, статья эта въ незаконченномъ видѣ была помѣщена въ Кіевской Старинѣ 98—99 гг.), вполнѣ опредѣленно высказался въ своей „Украинской грамматикѣ“, гдѣ замѣнѣ е—ѣ онъ не придалъ никакого значенія фонетическаго, а опредѣлилъ ее какъ наслѣдіе лжеорѳографической системы южнаго славянства.

Итакъ предъ нами три мнѣнія. Правда, по общимъ взглядамъ на данное явленіе эти мнѣнія можно разсматривать какъ два противоположныя: 1) замѣна е-ѣ — дѣйствительное отраженіе русскихъ говоровъ; 2) замѣна е — заимствованный орѳографическій пріемъ.

Проф. Крымскій, говоря о томъ, что замѣна е-ѣ создалась у южныхъ славянъ и что отсюда перешла эта „лжеорѳографія“, не далъ обстоятельныхъ обоснованій этому своему мнѣнію. Ссылки на нѣкоторыя замѣны въ сербскихъ грамотахъ, отмѣченныя Майковымъ въ его „Исторіи сербскаго языка“ (М. 1857 г.), не даютъ, если всмотрѣться, почвы для выставленнаго предположенія, не даютъ, потому что въ общемъ условія замѣнъ неодинаковы. Въ сербскихъ грамотахъ, разобранныхъ Майковымъ, мы видимъ вообще мѣну е—ѣ, употребленіе ѣ вмѣсто ѧ. Если возьмемъ такіе примѣры: свѣтѣмь (изъ светѣмь, послѣдн. изъ свѧтѣмь), видѣ (изъ виде — видѧ), имѣ (имѧ), врагове, кнезовѣ, марцѣлу, елѣна, глѣда, то наряду съ этими примѣрами могутъ уже потерять свое зна-

ченіе (для сличенія) родитѣль, неизьчтѣнный и нѣк. др.

Эта „лжеорѳографія", какъ говоритъ г. Крымскій, была распространена широко среди православныхъ румынъ (причемъ указывается лишь одно — къ тому же „явно" волошское евангеліе Верковича XIV в.), малороссовъ-буковинцевъ, галичанъ, волынянъ, бѣлоруссовъ, москвичей, новгородцевъ, псковитянъ и др. (при чемъ группируются памятники, которые разными изслѣдователями относятся различно, къ различнымъ нарѣчіямъ).

Еще раньше, до появленія трудовъ проф. Крымскаго, та полемика, которую возбудилъ рефератъ А. И. Соболевскаго „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV в.?" (см. Чтенія въ Ист. Общ. Лѣтоп. Нестора II, Кіевъ 88 г., 215—8, 226—7), показываетъ, насколько субъективно разбирались и разбираются подобные вопросы. Вопросъ о томъ, насколько была обезлюдена Кіевская область во время татарскихъ погромовъ, не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. В. А. Антоновичъ самое „положеніе о разрѣженіи населенія Кіева" считалъ „болѣе исторической фикціею, чѣмъ историческимъ фактомъ (тамъ же, 217, ср. то же Дашкевичъ, 223). Но если, съ другой стороны, Антоновичъ указывалъ далѣе на извѣстную густоту населенія Кіевской области въ XVI в. на основаніи переписи повѣтовыхъ замковъ, то это ничуть не подрывало теоріи, противъ которой возставалъ Антоновичъ. Новая статья А. И. Соболевскаго „Древне-кіевскій говоръ" (въ Изв. От. рус. яз. и слов. ИМП. Ак. Н., 1905 г. X) вызвала опроверженія со стороны проф. Крымскаго (тамъ же 1906 г. № 3). Остановлюсь на данныхъ этой послѣдней статьи проф. Крымскаго.

Среди немногочисленныхъ древне-русскихъ рукописей XI в. важное мѣсто занимаютъ два сборника, такъ называемые Изборники Святослава (время написанія, или, скорѣе, переписи, сдѣланной для кіевскаго князя Святослава, — одного сборника 1073 г., другого 1076 г.). Г. Крымскій выдвигаетъ (Извѣстія 906 г. № 3, 370), какъ типичную малорусскую черту Изборниковъ Святослава смѣшеніе ѣ съ и параллельно съ смѣшеніемъ и и ы. Такъ ли это? Если несомнѣнно мы можемъ сказать о такомъ смѣшеніи, какъ отраженіи тогдашнихъ говоровъ, то это смѣшеніе должно

быть признано важнымъ даннымъ при изслѣдованіи разсматриваемыхъ памятниковъ. Беремъ Изборникъ 1076 г. Случаевъ замѣны ѣ—и очень мало, отбрасывая такіе случаи, какъ съмѣритися — съмирися, оцѣштеніе — очищеніе, очивисть — очивѣста, такъ какъ дѣло здѣсь не въ фонетической замѣнѣ, а въ разныхъ корняхъ (что мы находимъ и въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ), отбросивъ ошибочно посчитанную форму моуси у Шимановскаго (Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Варш. 87 г., 31 — изслѣдованіе это посвящено обзору особенностей языка Святосл. Изборника 1076 г.; въ Изб. имѣется: мѡусии, эта форма не упомянута Шимановскимъ). Такимъ образомъ останется лишь (пользуюсь перечнемъ у Шимановскаго): въ мироу — *κατὰ τὸ μέτρον*, послѣди, въровѣ преисподнимь, дрьжальници; послѣди — кажущаяся замѣна: ср. въ Саввиной кн. 5 разъ подобная форма (см. index при изданіи проф. Щепкина), прѣисподнимь также форма безъ всякой замѣны (несмотря на то, что: хлѣбьнѣмь, виньнѣмь), въ дрьжальници — могло сказаться вліяніе предыдущаго слога (вѣдь, есть же примѣръ въ Свят. Изб. 1076 г. оучитила и не будемъ же мы основывать на этомъ примѣрѣ ученія о замѣнѣ е—и). Остается такимъ образомъ только въ мироу, но наряду съ этимъ есть же случай: поминате вм. поминати и если въ послѣднемъ случаѣ могла быть ошибка, то почему нельзя допустить ошибки въ написаніи мироу. Важно здѣсь отмѣтить также, что въ разбираемомъ Изборникѣ находимъ замѣну ѣ—е: къ темъ, вьсемъ, себе, собе, телеси и е—ѣ: бѣсѣды, вѣдомоѥ и пр. Далѣе, смѣшеній ы—и также очень мало. По даннымъ у Шимановскаго: вѣки, паки, гинемъ, милостина, милостини, люби (вм. любы), осырѣю (но сирота). Какъ видимъ, часть смѣшеній послѣ „гортанныхъ“ (у Ш. приведено еще: крылоу, вѣроятно прив. ошибочно). Собственно такимъ образомъ можно говорить о милостина, милостини (здѣсь скорѣе всего вліяніе суффикса ивъ: милостивъ), осырѣю, люби (относительно этой формы нужно сказать, что вообще можно сомнѣваться, была ли свойственна писцу форма любы).

Попытка проф. Крымскаго дать общую обрисовку

совпаденій современной кіевской рѣчи и кіевской рѣчи XI ст. на основаніи Изборниковъ, кромѣ указанной гипотезы о мѣнѣ **ѣ—и, и—ы** (эта мѣна, по К., „есть тотъ maximum спеціально-малорусской фонетики, какого мы смѣемъ ждать отъ малорусской рѣчи XI вѣка“), выразилась въ указаніи разныхъ мелкихъ чертъ, существованіе которыхъ въ памятникахъ во многомъ можетъ быть объяснено изъ южно-славянской письменности и вообще изъ особенностей русскаго языка (напр., случаи смѣшенія **оу** и **в**, какъ справедливо указывалъ ак. А. И. Соболевскій — Изв. От. р. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 905 г. № 1, 317 — встрѣчаются въ древнѣйшихъ церковно-славян. памятникахъ, то же можно сказать относительно формы д ю р д и и вм. г е о р г і й и пр.). Впрочемъ, самъ Крымскій признаетъ, что указанныя имъ черты „не исключительно даже малорусскія“.

Признать малорусскій языкъ самостоятельнымъ по отношенію къ русскому языку, считать его отношеніе къ последнему такимъ, напр., какъ отношеніе польскаго или другого какого-либо славянскаго языка, конечно, невозможно. Въ этомъ случаѣ непонятна была ошибка Миклошича. Фонетическія особенности, которыя даютъ общій обликъ языку настолько сближаютъ малорусскій и русскій языкъ (великорусское и бѣлорусское нарѣчія), что говорить о независимомъ возникновеніи малорусскаго нарѣчія не изъ предполагаемаго общерусскаго языка нельзя, руководясь чисто научными соображеніями. Въ этомъ случаѣ до сихъ поръ имѣютъ полное значеніе тѣ указанія, которыя были сдѣланы А. А. Потебнею, глубоко проникнутымъ научнымъ духомъ и искренно любившимъ свою малорусскую рѣчь. Потебня указывалъ нѣсколько фонетическихъ признаковъ, объединяющихъ русскія нарѣчія, напр.: полногласіе, начальное **о** вм. **ѥ** (о д и н ъ), близость **ъ** и **ь** къ **о** и **е**, смягченіе зубныхъ и др. особенности, о которыхъ я буду подробнѣе говорить впослѣдствіи.

* * *

Если теперь между русскими нарѣчіями мы видимъ довольно много различій, которыя обособляютъ эти нарѣчія, то раньше подобныхъ особенностей не было. Было время, когда всѣ эти нарѣчія составляли одинъ русскій языкъ.

Правда, этотъ общерусскій языкъ имѣлъ, конечно, нѣкоторыя діалектическія особенности, которыя потомъ и развились постепенно въ говоры, послѣдніе въ нарѣчія. Возстановить формы этого прежде существовавшаго общерусскаго языка мы можемъ только путемъ сравненія: сравнивая существующіе говоры и нарѣчія русскаго языка, мы отвлекаемъ общія черты, возстановляемъ изъ существующихъ предположительно болѣе древнія формы и такимъ образомъ предположительно можемъ возсоздать этотъ общерусскій языкъ. Гдѣ жилъ народъ, говорившій этимъ общерусскимъ языкомъ, трудно сказать съ увѣренностью. Здѣсь опять-таки существуютъ предположенія. Русскій языкъ наиболѣе родственен и близокъ другимъ славянскимъ языкамъ. Въ настоящее время славянство, кромѣ русскихъ, дѣлится на южное и западное. Къ южнымъ славянамъ принадлежатъ: болгаре, сербы, хорваты и словенцы. Къ западнымъ — поляки, чехи, кашубы и сербы-лужичане. Наиболѣе родственными русскимъ являются болгаре и сербы, съ ними соединяютъ русскихъ не только нѣкоторыя общія особенности языковъ, но и культурныя связи. Было время, когда нынѣ раздѣленное славянство также составляло нѣчто единое, единый славянскій народъ. Этотъ народъ первоначально, какъ предполагаютъ, жилъ въ прикарпатскихъ странахъ. Отсюда произошло переселеніе и раздѣленіе славянства. Сличеніе языковъ славянъ съ языками германскими и литовскимъ убѣждаетъ въ родственности этихъ языковъ. Предполагается, что было время когда славяне составляли съ германцами и литовцами одну семью. Нѣсколько дальше стоятъ языки славянскіе отъ языковъ латинскаго, греческаго и нѣк. др. языковъ. Сходство, большее или меньше, между различными европейскими и нѣкоторыми азіатскими языками убѣдило ученыхъ въ томъ, что очень давно существовалъ въ Азіи народъ, который далъ начало различнымъ народностямъ, входящимъ въ составъ такъ называемыхъ индо-европейскихъ народностей; считается 10 индоевроп. языковъ: индійскій, персидскій, армянскій, греческій, албанскій, италійскій (древніе языки Италіи, соврем. романскіе), кельтскій (языки Шотландіи, Ирландіи, Бретани и нѣк. др. мѣстн.), германскіе, славянскіе и литовскій.

Уже въ IX в., надо полагать, русскій языкъ не представлялъ единства. На это указываетъ разселеніе русскихъ

племенъ на огромномъ пространствѣ. Несомнѣнно, что растянутость поселеній должна была вызывать разнообразныя особенности въ языкѣ прежде единаго общерусскаго языка.

У нашихъ историковъ мы находимъ попытки нарисовать картину постепеннаго заселенія европейской Россіи славянскими народностями. Для древняго періода главнымъ пособіемъ являются, конечно, сообщенія, которыя мы находимъ въ лѣтописяхъ. Особенно интересную попытку разобраться въ географическомъ матеріалѣ лѣтописномъ представляетъ диссертація Барсова „Очерки русской исторической географіи", вышедшая первоначально въ Варшавскихъ унив. Извѣстіяхъ 72—73 гг., затѣмъ этотъ трудъ былъ переизданъ въ 1885 г. Цѣнныя данныя по вопросу о заселеніи евр. Россіи мы находимъ въ спеціальныхъ историческихъ работахъ: профессоровъ Багалѣя „Исторія сѣверской земли", Голубовскаго „Исторія смоленской земли", Корсакова „Меря и Ростовское княжество", Грушевскаго „Исторія Кіевской земли"; г. Андріашева „Исторія Волынской земли" и др. Эти и другіе спеціальные труды доставляютъ болѣе точный матеріалъ для общаго построенія, хотя можно сомнѣваться въ возможности вполнѣ точной картины. Вся эта предыдущая историческая разработка вопроса послужила матеріаломъ для изслѣдованія ак. Шахматова, который подошелъ къ разрѣшенію вопроса съ лингвистическимъ матеріаломъ. Та картина, которую онъ начерталъ, мнѣ кажется во многихъ отношеніяхъ болѣе убѣдительной, и я думаю, что надо было бы измѣнить нѣсколько географическія карты Руси IX в., которыя мы находимъ въ учебныхъ атласахъ Замысловскаго и Торнау. Я даю при учебникѣ карту древне-славянскихъ поселеній въ IX в., образовавшихъ Русь, руководясь главнымъ образомъ изслѣдованіемъ Шахматова, отступая отъ этого изслѣдованія лишь въ вопросѣ о поселеніяхъ Уличей: мнѣ кажется, что руководясь указаніями лѣтописи, съ большей достовѣрностью можно устанавливать болѣе южное поселеніе Уличей, какъ и дѣлали то до изслѣдованій ак. Шахматова.

Въ „Учебномъ атласѣ" Торнау (изд. 10, СПБ. 1912 г.) мы находимъ „Бужане или Волыняне", то же самое въ „Учебномъ атласѣ" Замысловскаго (изд. 3, СПБ. 87 г.), причемъ въ послѣднемъ атласѣ прибавлено въ скобкахъ еще

„Дулѣбы“. Отожествленіе бужанъ съ волынянами и съ дулѣбами, примѣненіе этихъ трехъ названій къ одной лишь народности мы встрѣчаемъ раньше еще у Барсова, а затѣмъ въ спец. изслѣдованіи Андріашева, шедшаго въ данномъ случаѣ вслѣдъ за сложившимся уже мнѣніемъ въ литературѣ. Барсовъ указываетъ, что данныя лѣтописи говорятъ въ пользу такого отожествленія. На самомъ же дѣлѣ, мнѣ кажется, гораздо болѣе правъ ак. Шахматовъ, который указываетъ что данныя лѣтописи объ этомъ вовсе не говорятъ и отожествленіе является безусловно ошибочнымъ. На отожествленіе повліяли тѣ поправки, которыя находились въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго и въ Тверской лѣтописи. Мы имѣемъ слѣдующее мѣсто въ лѣтописи: Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне... И вотъ въ упомянутыхъ лѣтописяхъ мы имѣемъ: „назвашася“ (въ Переясл. послѣ словъ: — послѣже), „прозвашася“ (въ Тверск.). Эти поправки или домыслы и послужили основаніемъ для послѣдующихъ предположеній и отожествленій. На самомъ же дѣлѣ, идетъ рѣчь о смѣнѣ народностей или извѣстныхъ колѣнъ. Отдѣленіе Волынянъ отъ „Дулебовъ“ мы находимъ къ картѣ при трудѣ проф. Флоринскаго „Славянское Племя“ (К. 1907 г.), но имени Бужанъ здѣсь уже нѣтъ (очевидно, принято отожествленіе бужанъ и волынянъ). Относительно границъ разселенія славянскихъ народностей надо признать, что эти границы въ разбираемыхъ учебныхъ атласахъ и упомянутомъ трудѣ проф. Флоринскаго сдѣланы нѣсколько менѣе, чѣмъ слѣдовало бы (въ трудѣ послѣднемъ онѣ расширены сравнительно съ учебными атласами). Въ данномъ случаѣ тѣ соображенія и историческія указанія, которыя приводятся Шахматовымъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями, заставляютъ не сомнѣваться, что заселенія славянъ доходили до такихъ пунктовъ, какъ Тмуторокань. Такимъ образомъ въ данномъ направленіи должно исправить предполагаемую карту славянскихъ поселеній. Кромѣ того, на картѣ можно было бы использовать и цѣнныя указанія Корсакова (и Костомарова также) о томъ, что подъ наименованіями лѣтописными Чудь, Весь, Меря и Мурома надо разумѣть не только финскія племена, но главнымъ образомъ также славянъ. покорившихъ эти

племена и поселившихся среди нихъ. Слѣдовательно, это былъ географическій терминъ, обозначавшій уже славянскія поселенія.

Внеся такимъ образомъ поправки къ принятымъ картамъ, я перейду къ характеристикѣ того распредѣленія славянскихъ народностей, которое подготовило образованіе Руси, а также къ вопросу о дальнѣйшихъ передвиженіяхъ и постепенномъ образованіи трехъ большихъ современныхъ группъ: великорусской, бѣлорусской и малорусской.

Изъ трехъ русскихъ нарѣчій два — великорусское и бѣлорусское какъ-то тѣснѣе сближаются другъ съ другомъ въ противоположность третьему — малорусскому. Эта бо́льшая близость великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій заставляла нѣкоторыхъ изслѣдователей считать даже бѣлорусское нарѣчіе получившимъ начало изъ великорусскаго, именно изъ поднарѣчія южно-великорусскаго. Близость южно-русскаго поднарѣчія къ бѣлорусскому нарѣчію не подлежитъ никакому сомнѣнію. Эта бо́льшая близость и заставляетъ ак. Шахматова выставить предположеніе, что народности, образующія бѣлорусское нарѣчіе, образовали ранѣе съ народностями, составлявшими южно-велик., одно цѣлое, т. е. былъ, какъ называетъ Ш., особый средне-русскій союзъ племенъ. Такимъ образомъ выходитъ, что поселившіяся слав. народности раздѣлялись какъ бы на три части: сѣверная часть (новгородскіе словѣне, кривичи), давшая основаніе для сѣв.-вел. поднарѣчія, средняя часть (дреговичи, радимичи, вятичи, сѣверяне), расколовшаяся затѣмъ на двѣ части (одна изъ нихъ образовала бѣлорусское нарѣчіе, вторая южно-вел. примк. къ сѣв.-великорусс.) и южная (древляне, поляне, тиверцы, уличи, волыняне, дулѣбы, бужане, хорваты), давшая малорусское нарѣчіе.

Сами названія: великоруссы, бѣлоруссы, малороссы, появившіяся въ 13—14 ст., надо такимъ образомъ разсматривать уже съ точки зрѣнія позднѣйшаго времени и названія эти образовались въ зависимости отъ политической группировки славянскихъ народностей. Подъ названіемъ „великоруссы“ объединились такимъ образомъ народности, которыя первоначально не входили въ тѣсный племенной союзъ.

Прежде всего я остановлюсь на средней группѣ слав. народностей, потому что тѣ передвиженія, которыя произошли

съ народностями, входившими въ эту группу повліяли на иное распредѣленіе впослѣдствіе русскихъ народностей. Самая восточная часть средней части — сѣверяне доходили въ своихъ поселеніяхъ, какъ я уже отмѣтилъ, до Тмуторокани. Послѣднее поселеніе было какъ бы главнымъ оплотомъ для различныхъ другихъ поселеній около Сурожскаго (Азовскаго) моря. Поселенія сѣверянъ доходили даже до средняго Дона и самая эта рѣка называлась у мусульманскихъ писателей „русской“ рѣкой. Повидимому, вначалѣ у сѣверянъ не было только стремленіе разселяться на югъ, какъ выставляетъ то Ш. въ связи вообще съ предполагаемымъ стремленіемъ у него славянства отчасти къ югу, а главнымъ образомъ на востокъ. Когда подъ напоромъ кочевниковъ было пріостановлено начавшееся движеніе сѣверянъ на востокъ и югъ, сѣверяне начинаютъ двигаться въ сѣверномъ направленіи. Въ данномъ случаѣ такое же движеніе наблюдается и у другихъ слав. народностей подъ вліяніемъ напора кочевниковъ. Движенія сѣверянъ происходятъ особенно по Дону и отчасти по верховьямъ Донца. Достигаютъ сѣверяне средняго теченія Оки, гдѣ и занимаютъ правую сторону. Сюда также проникаетъ и часть вятичей. Эта отколовшаяся часть средней группы, примкнувъ къ сѣверной части, и образовала потомъ великорусскую народность, внеся въ особенности говоровъ сѣверной части особенности говоровъ средней (аканье). Наряду съ этимъ перемѣщеніемъ происходитъ и нѣкоторое перемѣщеніе съ западными племенами средней группы: подъ напоромъ древлянъ дреговичи занимаютъ части земель кривичей и затѣмъ, вмѣстѣ съ сѣверной частью древлянъ, южной частью кривичей, радимичами и вятичами образуютъ общее цѣлое, объединяются въ общій союзъ, который и образуетъ въ 14 ст. Литовское государство, бѣлорусское нарѣчіе. Такимъ образомъ станетъ понятнымъ, почему сѣверная часть бѣлорусскаго нарѣчія является переходными говорами къ сѣверновеликорусскому поднарѣчію, а южная часть — переходные говоры къ малорусскому нарѣчію (именно то, что въ образованіе бѣлорусскаго нарѣчія входятъ съ одной стороны часть кривичей, съ другой стороны — часть древлянъ).

Въ связи съ упоминаемыми передвиженіями находились въ связи и передвиженія въ частяхъ сѣверной группы.

Такъ подъ давленіемъ дреговичей часть кривичей, а затѣмъ и новгородскихъ славянъ выселяется на сѣверъ и востокъ, часть ихъ входитъ въ треугольникъ между Волгою и Окой и здѣсь встрѣчается съ переселенцами съ юга — съ сѣверянами, а также съ выходцами отъ вятичей. Получается смѣшанные говоры. Однимъ изъ такихъ смѣшанныхъ говоровъ является московскій говоръ и въ этой чертѣ говора, его соединеніи основныхъ чертъ двухъ группъ славянства лежитъ одно изъ условій возрастающаго могущества московскаго княжества. Къ 14 ст. относится образованіе сплоченной политической единицы — великорусской народности, которая по языку своему дѣлилась на два нарѣчія, такъ какъ сѣверяне, занявъ новыя мѣста, не ассимилировались, а сохранили свои особенности. Кромѣ новгородскихъ славянъ, кривичей и сѣверянъ, въ составъ великорусской народности вошли и тѣ славяне, которые являлись поселенцами въ Чуди, Мери, Муромѣ и Веси.

Южная группа славянскихъ народностей не испытала такихъ измѣненій, какъ двѣ предыдущія группы. Она образовала впослѣдствіи малорусскую народность. Но тѣ особенности, которыя характеризуютъ въ настоящее время малорусскіе говоры, заставляютъ предполагать существованіе въ этой группѣ двухъ нарѣчій, сѣвернаго и южнаго. Южную часть составляли уличи, тиверцы и волыняне. Въ 14 ст. эта часть переходитъ Днѣпръ и занимаетъ тѣ земли, которыя раньше были заселены сѣверянами, занимаетъ такимъ образомъ тѣ мѣстности, которыя входятъ въ составъ теперь Черниговской и Полтавской губерній. Въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ это колонизаціонное движеніе малорусской народности продолжается.

Конечно, во всѣхъ попыткахъ построить картину разселенія отдѣльныхъ племенныхъ группъ, должно быть много чисто личнаго домысла, который можетъ оправдаться, но можетъ быть и не оправданъ позднѣйшей разработкою. Несмотря на всѣ, повидимому, убѣдительныя соображенія, вполнѣ быть увѣреннымъ въ построенной научной гипотезѣ въ данномъ случаѣ быть совершенно увѣреннымъ нельзя, такъ какъ у насъ слишкомъ для того еще мало матеріала. Приходится вѣдь въ сущности соединять несоединимое: указанія древнихъ памятниковъ и данныя современныхъ

русскихъ нарѣчій. При этомъ также надо не забывать, что и современныя русскія нарѣчія не представляются въ достаточной степени изученными, и даже еще о многихъ отличіяхъ мы можетъ быть и не знаемъ. Черезчуръ смѣлыми, такимъ образомъ, являются попытки исторической діалектологіи, но съ психологической точки зрѣнія вполнѣ понятными.

Въ говорахъ южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ есть такія общія особенности, которыя чужды говорамъ бѣлорусскимъ. Къ такимъ особенностямъ относятся, напр., переходъ **ы** въ **о** въ такихъ случаяхъ, какъ: слѣпой, мою, или образованіе мн. ч. на **а** отъ словъ муж. рода: города́, дома́. Эти общія черты образовались, по Шахматову, въ періодъ уже тѣсной жизни восточной части средне-племенной группы, образовавшей впослѣдствіи южно-великорусскую народность, съ сѣверной группой. Впрочемъ, въ южно-вел. говорахъ есть такіе говоры, которые сохраняютъ свою близость съ народностями, образовавшими бѣлорусское нарѣчіе, и потому мы встрѣчаемъ тамъ форму: мый, или ф. аднэй изъ адный.

Относительно мѣстопребыванія уличей надо присоединиться къ тому, что находимъ у Барсова. А это мѣстопребываніе не сойдется съ тѣмъ, что находимъ въ упомянутыхъ атласахъ и трудѣ проф. Флоринскаго, слѣдовавшихъ въ этомъ случаѣ за утвердившимся ранѣе расположеніемъ. Въ этомъ же ранѣе сдѣланномъ расположеніи употреблялось искаженное слово угличи вмѣсто уличи (или, лучше сказать, „осмысленное" слово путемъ сближенія съ извѣстнымъ представленіемъ). Слѣдуя за лѣтописнымъ указаніемъ мы должны признать, что уличи жили внизъ по Днѣпру и лишь впослѣдствіи они переселились южнѣе и заняли мѣста, которыя отмѣчаются на картахъ.

Насколько та картина, которую начерталъ ак. Шахматовъ, не представляетъ полной убѣдительности, нагляднѣе всего показываетъ то, что самъ авторъ, повидимому, отъ нея отказался. Объ этомъ можно судить по литографированнымъ лекціямъ ак. Шахматова, читаннымъ имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1908—9 гг. Основной мыслью, которая проводится здѣсь, является слѣдующее. Славяне, составившіе впослѣдствіи Русь, поселяются по Днѣпру, именно по

сѣверному и среднему Днѣпру. Постепенно разселяются славяне и по южному Днѣпру. Главное и дальнѣйшее разселеніе славянъ идетъ изъ сѣвернаго Поднѣпровья, такъ какъ здѣсь мѣста были не такъ привлекательны, какъ въ другихъ частяхъ Поднѣпровья. Разселеніе идетъ двумя путями на сѣверо-востокъ и на юго-востокъ, при чемъ это разселеніе производится отдѣльными группами. Эти выселяющіяся группы отличаются также отъ группы оставшейся на мѣстѣ. Такимъ образомъ, для объясненія происшедшихъ въ дальнѣйшемъ измѣненій, прежде всего предполагается, что сѣверная часть славянъ, занимавшая верхнее Поднѣпровье, разбилась на три отрасли. Одна изъ этихъ отраслей (вышедшая на сѣверо-востокъ) въ позднѣйшемъ — сѣверно-великорусское нарѣчіе, вторая (на юго-востокъ) — позднѣе южно-великорусская народность, и оставшаяся образовала впослѣдствіи бѣлорусское нарѣчіе. Тѣ пути, которые теперь начерчиваются ак. Шахматовымъ, какъ то болѣе убѣдительны сами по себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они невольно заставляютъ задуматься надъ призрачностью всѣхъ подобныхъ построеній.

Такимъ образомъ, чтобы остаться болѣе на фактической почвѣ, слѣдуетъ пока ограничиться на картѣ указаніемъ лишь поселеній славянскихъ съ обозначеніемъ именъ, не входя въ опредѣленіе группъ.

* *
*

Разграниченіе нарѣчій въ настоящее время представляется очень труднымъ въ силу недостатка подготовительныхъ работъ — собиранія точныхъ свѣдѣній о нарѣчіяхъ и говорахъ отдѣльныхъ мѣстностей. Эти затрудненія сознавали всѣ составители этнографическихъ картъ славянства. Для составленія общей карты русскихъ нарѣчій необходимо составленіе первоначально отдѣльныхъ этнографическихъ картъ и тогда уже на основаніи этой точной частичной разработки возможно построеніе общей карты, на которой были бы съ полной точностью обозначены мѣста поселенія того или другого нарѣчія или смѣшанныхъ говоровъ.

Новѣйшей работою общаго характера, касающейся славянства, является работа Нидерле „Обозрѣніе современнаго славянства“ (изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности

И. Ак. Н., работа эта была составлена по порученію Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. А. Н., изд. въ 1909 г., 2-й выпускъ Энциклопедіи слав. филологіи). При сочиненіи Нидерле имѣется карта съ распредѣленіемъ славянства и въ частности съ распредѣленіемъ русскихъ нарѣчій. Имя автора, богатство источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался, вполнѣ говорятъ въ пользу его работы, и, въ частности, составленной имъ этнографической карты славянства. Казалось бы, что для учебныхъ цѣлей можно было бы воспользоваться той схемой, которая дана въ этомъ научномъ изданіи относительно распредѣленія русскихъ нарѣчій. Но сравнивая карту проф. Нидерле съ другими этнографическими картами, приходится отмѣтить нѣкоторые недочеты. Возьмемъ прежде всего хотя бы Крымскій полуостровъ. Руководясь картой проф. Нидерле, мы составимъ себѣ представленіе, что главнымъ населеніемъ этого полуострова являются малороссы въ перемѣшку съ татарами. Если же мы посмотримъ на прежнія карты: Риттиха, Чубинскаго и др., затѣмъ на составленныя въ новое время карты проф. Флоринскаго, Петри и др., то представленіе иное — главнымъ населеніемъ наряду съ татарами выступаютъ великоруссы. Послѣднее мы находимъ и въ спеціальномъ сочиненіи, касающемся Новороссіи и Крыма (извѣстномъ изд. „Россія“ подъ ред. Семенова, томъ 14, 1910 г., гдѣ къ стр. имѣется карта, составленная по Риттиху и Чубинскому). Ближе къ картамъ Риттиха и проф. Флоринскаго, картѣ въ „Россія“ (изд. подъ ред. Семенова, т. VII) начерчена мною граница малорусскаго нарѣчія въ Донской области. Не только указанными картами въ данномъ случаѣ я руководился, но и картой этнограф. изданной во Львовѣ въ 1892 г. (въ которой нельзя уже и думать о стремленіи умалить пространство занимаемое малороссами), затѣмъ общимъ абрисомъ, который получается отъ процентной карты, издан. „Украинскимъ Вѣстникомъ“. Затѣмъ, еще нѣкоторыя отклоненія отъ карты Нидерле: въ Эстляндской и Лифляндской гг. слишкомъ много помѣчено русс. поселеній [1]). Кромѣ всѣхъ этихъ особенно-

1) На картѣ проф. Нидерле совсѣмъ не отмѣчено русское поселеніе въ Курляндіи. О данныхъ относительно русскаго поселенія см. Balt. Landeskunde, стр. 476. Правда, надо имѣть въ виду, что указанныя цифры

стей необходимо отмѣтить, что на картѣ проф. Нидерле не отмѣченъ сѣверъ Россiи и большая часть Кавказа. Выясняя свои точки разногласiя съ картой Нидерле[1]), я не считаю необходимымъ такъ же подробно останавливаться на разницѣ, которую представляетъ моя небольшая карта сравнительно съ другими картами. Мнѣ важно было особенно остановиться на картѣ проф. Нидерле, потому что это позднѣйшая карта по составленiю и повторяю долженствующая отличаться многими достоинствами, потому что составителемъ является безспорный знатокъ славянства. Я упоминалъ уже о другихъ картахъ. Въ изданiяхъ „Россiи" карты составлялись главнымъ образомъ по Риттиху, Чубинскому, Карскому и нѣкоторымъ другимъ. Слѣдовательно, въ этомъ цѣнномъ изданiи особенно новаго въ смыслѣ распланировки мы не находимъ. Карты Риттиха, Этнограф. карта европ. Россiи, СПБ. 1876 г., Чубинскаго — VII т. Трудовъ этн. статист. экспедицiи въ юго-зап. край, СПБ. 72 г., несмотря на давность своего составленiя, далеко еще не потеряли своей цѣнности. Незадолго до появленiя карты проф. Нидерле была издана этнографическая карта проф. Флоринскаго, (прилож. при „Славянское племя". СПБ. 1907 г.). На этой картѣ, составленной очень подробно, не отмѣчены нѣкоторыя русскiя поселенiя въ Прибалтикѣ, а также на Кавказѣ. Эта карта, какъ и упомянутыя выше, служила мнѣ однимъ изъ главныхъ пособiй. Особенно рельефно выдѣляются здѣсь не только границы отдѣльныхъ нарѣчiй, но и островки поселенiй, что даетъ болѣе наглядную картину, чѣмъ иной какой-либо способъ изображенiя (напр., штрихи, являющiеся болѣе легкимъ способомъ общаго указанiя смѣшаннаго насе-

---

имѣютъ въ виду населенiе не только сельское, но и городское, относительно же сельскаго населенiя процентъ измѣняется и бѣлоруссовъ почти вдвое болѣе, чѣмъ великоруссовъ. Сельское населенiе русское находится особенно въ уѣздѣ Иллюкскомъ.

1) При распредѣленiи русскаго населенiя въ Прибалтикѣ, а также на Кавказѣ приняты во вниманiе тѣ данныя, которыя находятся на картахъ „Большого всемiрнаго настольнаго Атласа Маркса" (при чемъ сдѣлано сличенiе этнографическихъ картъ, приведенныхъ здѣсь съ подробными картами Приб. края и Кавказа (принятъ во вниманiе былъ также „Учебный Атласъ", составленный проф. Петри, редактировавшимъ и приведенный выше настольный словарь Маркса).

ленія, какъ то сдѣлано проф. Нидерле). Я упоминаю объ общихъ пособіяхъ и общихъ картахъ, указывая во первыхъ главные источники для составленія этнографической карты, затѣмъ имѣя въ виду указать на тѣ труды, отъ которыхъ слѣдуетъ отправляться для изученія даннаго вопроса. Въ трудахъ проф. Флоринскаго и Нидерле можно найти и литературу вопроса.

V.

Древне-русскіе памятники; ихъ научное изученіе и особенности.

Лишь ознакомившись хорошо съ современнымъ состояніемъ русскаго языка, можно перейти къ изученію памятниковъ прошлаго времени. Если мы познакомимся съ исторіей разработки русскаго языка, то мы будемъ наблюдать совершенно противоположное теченіе, т. е. прежніе изслѣдователи прямо приступали къ изученію древнихъ русскихъ памятниковъ безъ достаточнаго знанія современнаго русскаго языка. Это и повело къ множеству разнообразныхъ ошибочныхъ заключеній.

Знакомство съ современными русскими нарѣчіями намъ ясно можетъ показать, каковы существуютъ законы въ языкѣ. Въ живомъ употребленіи языка удерживаются самыя разнообразныя формы, формы неодинаковой древности. Иногда мы видимъ здѣсь остатки глубокой старины, иногда явленіе обязано своимъ происхожденіемъ самому позднему времени. Живыя нарѣчія, отдѣльные говоры скорѣе иногда могутъ возсоздать предъ нами исторію языка, чѣмъ языкъ письменный, такъ какъ въ языкѣ письменномъ отразилось далеко не все, самъ же языкъ письменный является искусственнымъ по своему происхожденію.

Данныя современныхъ русскихъ говоровъ объясняютъ намъ многое непонятное въ памятникахъ древней письменности. Это можно доказать не только въ вопросахъ изученія фонетики и морфологіи, но и въ оборотахъ синтаксическихъ, наконецъ въ словарномъ матеріалѣ. Для выясненія исторіи предложенія эти данныя могутъ пролить очень много свѣта.

Остается только пожалѣть, что при изученіи русской діалектологіи сравнительно мало обращается вниманія на эту сторону. Какъ справедливо отмѣчаетъ въ предисловіи къ „Опыту русской діалектологіи“ А. И. Соболевскій, изученіе діалектологіи можетъ имѣть значеніе и при разрѣшеніи вопросовъ историческаго характера: особенно важно изученіе сказывается при рѣшеніи вопросовъ о колонизаціи того или другого края тѣмъ или инымъ населеніемъ. Для поясненія важности изученія діалектологіи при разборѣ нашихъ древнихъ памятниковъ тотъ же изслѣдователь наглядно указываетъ на такіе примѣры: въ Словѣ Даніила Заточника встрѣчаемъ такую фразу: дивья за буяномъ паствити. Здѣсь важны данныя говоровъ, въ которыхъ слово буянъ значитъ гора, холмъ. Вся фраза такимъ образомъ получаетъ такое значеніе: хорошо за горою коней пасти.

„Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ надобно для него составить особенно полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формъ. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе иностранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога. По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное, по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отличено въ каждомъ нарѣчіи и мѣстномъ говорѣ отдѣльно. Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грам-

матическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, безсознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка. Только вслѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и исторической грамматики и только вслѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ возможно приступить къ полной и подробной исторіи языка“.

Васъ могутъ поразить эти слова выдающагося знатока древней рус. письменности Срезневскаго. Зачѣмъ столько труда на изслѣдованіе различныхъ рукописныхъ сборниковъ, представляющихся для многихъ какимъ-то ненужнымъ хламомъ, зачѣмъ столько труда надъ безграмотной часто письменностью, когда у насъ есть уже выработанный литературный языкъ, прекрасныя художественныя произведенія на этомъ языкѣ, требующія для себя изслѣдователей. А затѣмъ, — что по этимъ памятникамъ возстановляются различныя стадіи русскаго языка, его исторія. Трудна подобная работа, она требуетъ замѣчательной осторожности со стороны изслѣдователя, чтобы не впасть въ ошибку, основываясь на графикѣ.

Источниками по исторіи древнерусскаго языка являются многочисленныя рукописи, хранящіяся въ разныхъ библіотекахъ. Особенно важными книгохранилищами, гдѣ собраны наиболѣе цѣнныя рукописи, являются ИМП. Публичная Библіотека въ Петербургѣ, Румянцевскій Музей въ Москвѣ, Синодальная и Типографская (Син.) Библіотеки въ Москвѣ, затѣмъ библіотеки при духовныхъ академіяхъ Петербургской, Московской и Казанской. Много рукописей разсѣяно по монастырскимъ библіотекамъ и въ частныхъ книгохранилищахъ. Имѣются описанія многихъ книгохранилищъ. Особенно хороши „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“, сдѣланныя Горскимъ и Невоструевымъ (1855—69 г.), въ 5 томахъ. Это описаніе чуть ли не цѣлый научный трудъ. Такимъ же выдающимся описаніемъ было и остается извѣстное „Описаніе“ рукописей Румянцевскаго Музея, сдѣланное Востоковымъ.

Большинство дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ рукописей церковно-славянскія съ небольшими признаками русскихъ нарѣчій. Эти признаки поддаются опредѣленію съ большимъ трудомъ, такъ какъ изслѣдователямъ приходится при опредѣленіи считаться со многими условіями. Русскій языкъ выступаетъ уже ярко въ памятникахъ нецерковнаго содержанія, въ различныхъ грамотахъ, надписяхъ и пр., — въ памятникахъ дѣловаго характера.

Древнѣйшими датированными памятниками являются:

1. Остромирово Евангеліе, 1056—57 г., названо такъ, потому что писано для новгородскаго посадника Остромира (дьякономъ Григоріемъ). Памятникъ этотъ, хранящійся въ ИМП. Публ. Б., раньше, до открытія такихъ памятниковъ, какъ Зографское, Маріин. Евв, и др., клался въ основу изученія древнецерк. слав. яз. Впрочемъ, и теперь Остр. Ев. не потеряло своего значенія, такъ какъ въ нёмъ много древнихъ формъ. Для русскаго языка этотъ памятникъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно прослѣдить первыя струи проникновенія русскихъ особенностей. О. Е. издавалось нѣсколько разъ. Первый разъ оно было издано Востоковымъ, который изслѣдовалъ памятникъ. Затѣмъ дважды памятникъ издавался фотолитографически (купцомъ Савинковымъ 1883 и 1889 г.). Несмотря на то, что О. Е. было посвящено затѣмъ спеціальное изслѣдованіе Козловскаго (въ „Изслѣдованіяхъ по рус. яз.“ Ак. Н. т. I), памятникъ не можетъ считаться вполнѣ изслѣдованнымъ (цѣнными являются статьи: Каринскаго въ Ж. М. Н. П. 1903 г. № 5 и ак. Фортунатова — СПБ. 1908 г.).

2. Изборникъ Святослава (1073 г.). Названъ такъ, потому что переписанъ (ранѣе думали: написанъ) для вел. кн. Святослава. Перепись сдѣлана со сборника, написаннаго для болгарскаго царя Симеона. Хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Первая попытка издать Изборникъ принадлежала Бодянскому, но имъ были отпечатаны только 23 листа (74 л. Изб.), каковые потомъ вошли въ изданіе въ Чтеніяхъ М. Общества Ист. и Др. (82 г.). Въ 1878—1880 г. Изб. былъ изданъ фотолитографически Обществомъ Любителей Древ. Письменности. Въ изданіи въ Чтеніяхъ важны параллельные греч. и латин. тексты. Къ изд. Общ. Люб. Др. П. приложены 3 фотограф. снимка (при чемъ 2 изъ нихъ — сни-

мки съ текста). Лучшее описанiе памятника Горскаго и Невоструева (въ „Опис. слав. рук. Синод. Библiотеки" отд. II, № 161). Памятникъ не изслѣдованъ какъ слѣдуетъ. Небольшое изслѣдованiе Розенфельда (въ Рус. Фил. Вѣстникѣ 99, № 1—2, 152—198) задавалось цѣлью опредѣлить церковнослав. фонъ и данныя русскаго влiянiя. Авторъ сравниваетъ для этого данныя Изборника съ данными Остромирова Ев., пользуясь въ послѣднемъ случаѣ изслѣдованiемъ Козловскаго. Уже одна такая постановка не могла дать автору возможности выполнить, какъ слѣдуетъ, поставленную задачу. Можно отмѣтить также и невѣрныя наблюденiя. Болѣе раннiй трудъ Л. Мазинга Studien zur Kenntnis des Izbornik Svjatoslava v. Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften I. Die jüngeren Handschriften. Dorpat 1886 (собственно оттиски изъ Arch. f. sl. Philologie VIII—IX т. съ отд. предисл. и прибавленiемъ тезисовъ) посвященъ, какъ показываетъ болѣе частное заглавiе, обозрѣнiю позднѣйшихъ рукописей по содержанiю аналогичныхъ Изб.

По содержанiю Изборникъ родъ какой-то энциклопедiи различныхъ свѣдѣнiй. Статьи здѣсь церковнаго и свѣтскаго содержанiя.

3. Изборникъ Святослава 1706 г. Также сборникъ, переписанный для вел. кн. Святослава. По содержанiю статьи религiозно-нравственнаго характера, съ практическимъ направленiемъ. Въ общемъ сборникъ болѣе доступный для пониманiя древнерусскаго человѣка. Находится въ Имп. Публ. Б., дважды издавался Шимановскимъ, но неудачно. Неудачно и изслѣдованiе Шимановскаго „Къ исторiи древнерусскихъ говоровъ" (приложенiемъ къ которому изданъ Изборникъ 1-е изд.).

4. Архангельское Евангелiе, 1092 г. Находится въ Румянцевскомъ Музеѣ.

5. Новгородскiя служебныя Минеи 1095, 1096, и 1097 гг. за три мѣсяца — сентябрь, октябрь и ноябрь. Находятся въ Синод. Типографской Библiотекѣ. Изданы были ак. Ягичемъ 1886 г.

Есть и другiе памятники, недатированные, но которые по палеографическимъ даннымъ и по языку можно отнести къ XI в., напр.: Туровское Ев. или, точнѣе, Туровскiе еван. листки — находятся въ Виленской публичной биб-

ліотекѣ, издавались нѣсколько разъ: Срезневскимъ, Гильдебрандтомъ и Вилен. Учебн. Округомъ, послѣднее изданіе фотолитографическое; слова Григорія Богослова, — рукопись содержащая 13 словъ, нах. въ Имп. Публич. Библ., издана была при изслѣдованіи Будиловича не особенно точно. Все это памятники съ строго опредѣленнымъ содержаніемъ, памятники церковно-богослужебные, въ которыхъ русскій языкъ, естественно, могъ отражаться въ самой незначительной мѣрѣ. При изученіи подобныхъ памятниковъ съ цѣлью опредѣленія чертъ древне-русскаго языка необходима крайняя осторожность: многое изъ того, напр., что ранѣе считалось особенностью русскихъ переписчиковъ, въ настоящее время можно отнести на счетъ церковно-слав. языка, не говоря уже о томъ, что въ число особенностей принимались и принимаются сплошь и рядомъ описки переписчиковъ.

Въ XII в. наряду съ многочисленными недатированными и нѣкоторыми датированными церковно-славянскими памятниками мы встрѣчаемъ уже памятники, въ которыхъ сказывается народный живой языкъ. Таковы грамоты: жалованная грамота Мстислава Владиміровича Юрьевскому Новгородскому монастырю; вкладная преп. Варлаама Хутынскому монастырю (обѣ грамоты изданы Срезневскимъ въ „Древнихъ памятникахъ"). Изъ памятниковъ церковно-слав. упомяну о слѣдующихъ: Мстиславово Ев. ок. 1115 г. (описано проф. Карскимъ въ Рус. Филол. В. 1895 г. № 4, нах. въ Синодальн. Б.); Юрьевское Ев. около 1120 г. (тамъ же нах.); Галицкое Еван. 1144 г. (тамъ же, изд. арх. Амфилохіемъ); Добрилово Ев. 1164 г. (опис. ак. Соболевскимъ въ „Очеркахъ . . . "); къ концу XII или началу XIII относятъ Успенскій Сборникъ, въ которомъ находятся житія Ѳеодосія Печерскаго, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (нах. въ Синод. б.). Житіе Ѳеодосія и сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ издавались дважды (въ Чтеніяхъ Общ. М. Исторіи и др. 79 № 1, 70 № 1, 99 № 2); въ послѣднее изданіе 99 г. № 2 вошла 1 половина Сборника. Общій обзоръ языковыхъ особенностей памятника не особенно точно сдѣланъ Поповымъ (въ тѣхъ же Чтеніяхъ 79 № 1), въ послѣднее время языку житія Ѳ. было посвящено изслѣдованіе Лукьяненко (въ Рус. Фил. В. 1907 г. № 3).

Къ XIII в. относится бо̀льшее число грамотъ: договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою и Готландомъ 1229 г. (одинъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ этой грамоты изданъ въ „Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ...“ СПБ. 1903 г. изд. Арх. Инст. подъ ред. Соболевскаго и Пташицкаго, въ этомъ изданіи большинство грамотъ, относящихся къ XIV в.), другая грамота того же князя 1230 г.; новгородскія договорныя грамоты съ тверскими князьями, — новгородскихъ договорныхъ грамотъ особенно много относится къ XIV в. Я остановлюсь здѣсь на нихъ нѣсколько подробнѣе, чтобы тѣмъ обрисовать хотя слегка новую полосу въ русской письменности. Грамоты эти издавались два раза. Первый разъ еще въ 1813 г. въ извѣстномъ Собраніи Государственныхъ Грамотъ. Это изданіе для изученія языка очень неудобно, т. к. здѣсь довольно много ошибокъ. Новое изданіе было сдѣлано А. А. Шахматовымъ (при изслѣдованіи, отд. оттискъ изъ „Изслѣд. по рус. яз.“ Ак. Н. т. I, СПБ. 86 г.). Грамоты относятся къ XIII—XV вв. Прежде всего при чтеніи этихъ грамотъ поражаетъ сходство въ содержаніи въ разныхъ грамотахъ, очевидно, были выработаны извѣстныя рамки, которыя входили потомъ по мѣрѣ надобности въ новые договоры. Уже одно это говоритъ о томъ, что вліяніе языка перваго составителя должно было отразиться на языкѣ послѣдующихъ грамотъ. Несмотря на народный языкъ грамотъ, въ нихъ вполнѣ является естественнымъ проникновеніе древне-церковно-славянскихъ элементовъ. Такимъ образомъ мысль, языкъ писавшихъ позднѣе были стѣснены тѣмъ, что давалось уже выработаннымъ раньше, сильно было вліяніе традиціи. Традиція эта прежде всего сказалась даже въ такихъ мелочахъ, какъ постановка надстрочныхъ значковъ (точекъ или вродѣ придыханій), не имѣвшихъ никакого звукового значенія и употреблявшихся по навыку при писаніи книгъ церковно-славянскихъ. Касаясь фонетики памятниковъ, мы должны прежде всего отмѣтить, что **ъ** и **ь**, во многихъ случаяхъ являлись традиціоннымъ придаткомъ. Это безусловно можно сказать о концѣ словъ, какъ и у насъ, въ современномъ русскомъ яз., гдѣ **ъ** и **ь** являются выразителями лишь твердости или мягкости согласныхъ; это было и въ такихъ случаяхъ, какъ

кънаже, любъви и пр. Интересно, что слово волок (собств. имя) употреблено разъ безъ ъ. Иногда ъ и ь обозначали гласные. Мы имѣемъ такія написанія: търъжьку и торъшку, волъгда — вълъгдѣ и пр. Весьма вѣроятно предположеніе Шахматова, что въ дьмитриіевыхъ, дьмитрии ь является въ значеніи мягкости, такъ же въ матьфѣꙗ, соужьдальскому. Въ такихъ случаяхъ: волоцьскои, купецьскыи и пр. ь сохранялось по традиціи, на это указываютъ написанія: тысяцкыи, волочкои и пр. То же самое въ суффиксѣ ьцъ съ окончаніями: новгородьца наряду съ новгородца. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ только предполагать, такъ какъ первая форма могла говорить о смягченіи. Въ грамотахъ сохраняется я, его отличіе отъ ꙗ, которое также здѣсь употребляется, въ томъ, что я ставится послѣ согласныхъ, а ꙗ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Относительно ѣ ограничусь лишь констатированіемъ того факта, что въ большинствѣ грамотъ ѣ употребляется совершенно безразлично съ е. Мы отмѣчаемъ здѣсь даже такія чередованія: дьржати — держати — дѣржати, людей — людѣй. Въ области согласныхъ звуковъ прежде всего нужно отмѣтить чередованіе ч и ц, при чемъ звуки эти произносились мягко, на что указывали сочетанія чя, ця. Написанія: должники, новгородскихъ и пр. показываютъ на чисто русскія сочетанія, наряду съ этимъ новоторьскыи и пр. можно объяснить традиціей. Къ любопытному смѣшенію падежей относятся случаи: отъ владыцѣ (вмѣсто —ки), стороны (—нѣ). Ф. имен. п.: пословѣ, разбойникѣ, привелѣ, велѣлѣ. Въ грамотахъ удерживается двойств. число, хотя замѣтны и признаки его паденія. Въ глагольныхъ формахъ: въ 3-мъ л. — отпадаетъ иногда тъ — почьне, поидоу, наряду съ ѥсмы — ѥсме, изрѣдка формы аориста, при чемъ неправильны въ окончаніяхъ (3 л. мн. ч), гл. об. употребляется прошедшее сложное, при чемъ въ 3 л. ѥсть и суть пропускаются.

Въ XIII в. мы видимъ, что русскій языкъ уже начинаетъ завладѣвать извѣстнымъ мѣстомъ въ письменности, проявляетъ свою жизненность и силу. Люди образованные того времени были очень начитаны въ церковно-слав. письменности, они писали оборотами чисто книжной рѣчи, но

иногда требовались новыя выраженія, новыя слова, которыхъ не давалъ языкъ церковно-сл., это случалось въ сферѣ различныхъ жизненныхъ отношеній и естественно поэтому выступленіе языка русскаго въ дѣловыхъ памятникахъ.

Въ XIV в., какъ извѣстно, въ русской народности въ политическомъ отношеніи образуются 2 группы. Одна объединяется около Москвы, другая около Литвы и Польши. Ярко выступаютъ уже и особенности нарѣчій. Если въ памятникахъ XI в. стремятся нѣкоторые изслѣдователи опредѣлить особенности нарѣчія малорусскаго, то относительно XIV в. можно сказать, что здѣсь рельефно обрисовывается другое нарѣчіе — бѣлорусское. Отъ этого времени сохранился цѣлый рядъ разнообразныхъ грамотъ: московскихъ, новгородскихъ, смоленскихъ, полоцкихъ грамотъ; западно и южнорусскихъ памятниковъ датированныхъ уже въ это время очень много. Къ XIII или XIV в. относится древнѣйшій списокъ лѣтописи: Синодальный списокъ Новгородской I-ой лѣтописи (изданъ фототипически Археографической Коммиссіей въ 1875 г., изслѣдованъ лишь отчасти въ диссертаціи проф. Ляпунова СПБ. 1900 г., отд. отт. изъ „Изсл. по рус. яз.“ Ак. Н. т. II). Къ 1377 г. относится Суздальскій Лаврентьевскій списокъ лѣтописи (нах. въ Имп. П. Б., изданъ также фотолит. Арх. Ком., объ языкѣ памятника статья Некрасова въ Изв. отд. рус. яз. и сл. 1896 г. № 4, 1897 № 1).

Къ XIII же в. относятся: новгородская Кормчая, къ ней списокъ Русской Правды (снимокъ текста послѣдней сдѣланъ Срезневскимъ. СПБ. 88 г.). Памятниковъ церковно-богослужебнаго характера перечислять не буду.

Къ XIV или XV в. относятъ такъ называемый Ипатьевскій или Ипатскій списокъ лѣтописи. Названіе это списокъ получилъ отъ позднѣйшей приписки „лѣтописецъ киевскои, сия книга ипацкаго монастыря слуги Тихона Ондрѣева сына Миящева“... Кромѣ „повѣсти временныхъ лѣтъ“, въ этотъ списокъ входятъ лѣтописи — кіевская и галицко-волынская. Ипат. лѣтопись писана не на пергаментѣ, какъ другіе списки, а на бумагѣ. Въ настоящее время съ достовѣрностью можно отнести этотъ списокъ къ XV в. Это опредѣленіе обусловливается наблюденіемъ надъ бумагою, на которой написана лѣтопись. Она имѣетъ водяные знаки,

отмѣчаемые на рукописяхъ XV в. Такого рода цѣнныя наблюденія были сдѣланы Лихачевымъ въ его сочиненіи: „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ (СПБ. 91). На это наблюденіе не обращено достаточнаго вниманія въ нашей наукѣ. Издана была Ипатская лѣтопись въ первый разъ въ 1843 г. съ ошибками, поэтому Арх. Комм. снова издала ее въ 1871 г., при чемъ часть лѣтописи издана была фототипически. Ип. лѣт. уже не разъ обращала на себя вниманіе нашихъ ученыхъ. Спеціальное изслѣдованіе принадлежитъ Никольскому (въ Рус. Фил. В. 1899 г.).

Изъ палеографическихъ особенностей отмѣчу употребленіе точки при стеченіи гласныхъ и надъ начальными гласными въ словѣ, употребленіе какъ бы двойнаго тупого ударенія особенно надъ **ы**, **і**: пакы̏, створі̏ и пр. Здѣсь сказалось вліяніе южнослав., въ частности, сербскихъ памятниковъ. Между **ѧ** и **ꙗ** такое же различіе, какъ и въ другихъ памятникахъ. Знаки **и** и **і** употребляются безразлично, при чемъ послѣднее гораздо рѣже. Для обозначенія **у** — **оу** и **у**. Употребляется и **ѡ**.

Ипат. лѣтопись въ отношеніи языка представляетъ любопытное смѣшеніе разнообразныхъ чертъ. Здѣсь есть традиціи древ.-ц.-слав. памятниковъ, элементы народной рѣчи — южнорусской и великорусской. Послѣднія наслоенія объясняются многочисленными переписями, которыя выпали на долю памятника. Здѣсь мы видимъ формы: единъ, езеру и пр. наряду съ **ѡ** — ѡдинъ, ѡзеро и пр.; градъ, гражаномъ, нездравіе, бранѧше — городъ, горожане, здоровлю, ѡборони. Послѣднихъ примѣровъ больше первыхъ. Наряду съ ф. времꙗ — веремꙗ. Очень рѣдки случаи смягченія д въ **жд**, болѣе часты случаи смягченія **т** въ **щ**. Параллельныя измѣненія **гт**, **кт** въ **щ** и **ч**: помощ, помочь, рещи, ночи и пр. Вліяніе др.-ц.-слв. можно отмѣтить въ склоненіи и спряженіи. Такъ, наряду съ народнымъ словомъ церковь употребляется церкы, подъ вліяніемъ послѣдней ф. церквы. Попадаются формы родительнаго пад. землꙗ, хотя чаще рус.: софьѣ и пр. Мѣстами сохраняется двойственное число. То, что я отмѣтилъ относительно аориста и преходящаго времени въ новгородскихъ грамотахъ, вполнѣ примѣнимо и здѣсь. Видно

аориста и преходящаго не было въ живомъ языкѣ, хотя въ памятникѣ эти временныя формы довольно часто употребляются.

Въ нѣкоторыхъ чертахъ языка видятъ признаки галицко-волынскаго нарѣчія. Это еще отчасти можно признать въ измѣненіяхъ **е** въ **ѣ** передъ мягкими слогами: своѣмь, мѣльницѣ, прелѣсть и пр., но ни въ коемъ случаѣ нельзя видѣть подобныхъ признаковъ въ: замыслылъ, ратнымы—подобные случаи столь рѣдки, что говорить, основываясь на нихъ о замѣнѣ **и—ы** невозможно. Также нельзя видѣть подобныхъ признакомъ въ мѣнѣ **оу—в**. Характерною особенностью Ип. л. является мѣна **ч** и **ц**, свойство, какъ мы видѣли, памятниковъ сѣверно-великорусскихъ. Эта черта особенно заставляетъ думать, что послѣдняя перепись лѣтописи относится къ сѣверу Россіи. Встрѣчаются также характерныя черты новгородскаго нарѣчія: бездожгье (**жг**), наряду съ этимъ и **жч** — бездожчье.

Древнерусскія лѣтописи представляютъ со стороны языка много мѣстъ, остающихся до сихъ поръ не вполнѣ выясненными. Существующія изслѣдованія лѣтописей не представляютъ собою полнаго обслѣдованія языка ихъ. Для того, чтобы хотя нѣсколько иллюстрировать высказанное положеніе, я обратилъ бы вниманіе на замѣчательное для своего времени изслѣдованіе И. Лавровскаго „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“ (СПБ. 1853 г.). Выводы, къ которымъ приходилъ Лавровскій, были совершенно неожиданны и до сихъ поръ не потеряли своей цѣнности. То общее положеніе, которое и до Лавровскаго было хорошо извѣстно — о вліяніи византійской письменности на древнерусскую получило нѣкоторыя очень важныя частныя подтвержденія.

Древнерусскій языкъ при своей литературной обработкѣ многое заимствовалъ изъ языка греческаго. И это неудивительно. Если при прекрасномъ знаніи языка переводчикъ иногда не можетъ избѣжать совершенно невольно вліянія языка оригинала, то тѣмъ болѣе происходило это съ людьми, которые не могли войти въ духъ чуждаго языка и передавать обороты этого языка, примѣняясь всецѣло къ духу языка своего.

Изслѣдуя небольшую лишь часть лѣтописи, Лавровскій устанавливаетъ вліяніе византійскихъ подлинниковъ прежде

всего со стороны формы, композиціи договоровъ. Переходя же къ объясненію нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ, Лавровскій подыскиваетъ въ византійскихъ юридическихъ памятникахъ выраженія, которыя проливали бы свѣтъ на выраженія договоровъ въ лѣтописяхъ. Приходится иногда нѣкоторыя выраженія строить чисто путемъ гипотетическимъ, путемъ научнаго уже творчества. Искусственность, вычурность византійской рѣчи отразились на строѣ рѣчи въ договорахъ, при чемъ здѣсь замѣчается такая же непослѣдовательность въ изложеніи. Члены одного предложенія отдѣляются другъ отъ друга вводными предложеніями, что нарушаетъ стройный и послѣдовательный порядокъ изложенія. Напр.: „Суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя. На сохраненіе прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Грекы исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую любовь“.

Можно думать, что во многихъ случаяхъ текстъ оригинала не вполнѣ былъ ясенъ для переводчиковъ, а переводъ все равно дѣлался. Положеніе изслѣдователя въ такихъ случаяхъ очень трудное: надо возстановить по невѣрному переводу соотвѣтствовавшій текстъ греческій. Когда находятся соотвѣтствующія греческія рукописи, задача изслѣдователя облегчается, если же этихъ текстовъ нѣтъ, то приходится прибѣгать уже къ творчеству. А для того, чтобы послѣднее не удалялось въ сферу фантазіи необходимо прекрасное знаніе греческихъ текстовъ сходнаго содержанія.

Съ XIV в. русскій языкъ начинаетъ уже сильно отражаться въ письменности. Обнаруживается склонность прибѣгать къ чисто народнымъ оборотамъ, къ передачѣ различныхъ діалектическихъ особенностей. Въ XIV, XV и $^1/_2$XVI ст. развитіе 2-хъ половинъ Руси идетъ самостоятельнымъ путемъ. Съ конца XVI и особенно въ XVII ст. мы видимъ сближеніе. Южно-русскій языкъ въ силу развитія образованности на юго-западѣ Руси оказываетъ вліяніе на обработку литературной рѣчи Руси сѣверо-восточной.

Изъ памятниковъ великорусскихъ дальнѣйшаго времени отмѣчу особенно Домострой, сочиненія Котошихина и протопопа Аввакума, изъ юго-западныхъ памятниковъ: Литовскій статутъ, переводы св. Писанія Франциска Скорины (западно-рус.) и Пересопицкое Ев. (южно-рус).

Когда характеризуется языкъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ, то принимаются во вниманіе тѣ данныя, которыя находятся въ одномъ, также считающемся древнѣйшимъ, русскомъ памятникѣ — Словѣ о полку Игоревѣ. О Словѣ существуетъ огромная литература, а между тѣмъ, и въ новѣйшихъ изданіяхъ и комментаріяхъ этого памятника мы встрѣчаемся нерѣдко съ грубымъ его непониманіемъ. Даже спеціально его изслѣдовавшій и написавшій огромную работу о памятникѣ Барсовъ нерѣдко впадалъ въ грубые промахи. То же самое было съ другими изслѣдователями, напр., Потебнею, Владиміровымъ и др. Главный интересъ Слова въ содержаніи, въ его языкѣ со стороны внутренняго содержанія мысли, а анализъ послѣдняго уже задача очень трудная. Когда просматриваешь многочисленныя изданія Слова съ переводами на современный языкъ, то приходишь къ мысли о необходимости создать для преподавателей работу, приближающуюся по суммированію сдѣланнаго къ прежней работѣ Барсова, при чемъ конечно, чтобы въ этой работѣ не было столь много отведено мѣста субъективнымъ, часто произвольнымъ объясненіямъ, какъ у Барсова.

*   *
*

Уже въ памятникахъ древне-русскихъ XI в. можно отмѣтить признаки двухъ крупныхъ группъ въ нарѣчіяхъ русскаго языка — сѣверной и южной. Въ Служебныхъ Минеяхъ конца XI в. мы видимъ такія написанія: чвѣтъ, коньчь, дъжгь (жг вм. жч). Ранѣе отмѣчали подобные же признаки въ Остромировомъ Евангеліи, но какъ оказалось, въ Остр. Ев. мѣна **ч** и **ц** выразилась лишь въ припискѣ, сдѣланной, какъ предполагаютъ, въ XIII или въ XIV в. (се коньчь.... г. Волковъ въ статьѣ „О неновгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остром. Ев". — Журн. М. Н. П. ч. 314 стр. 443-6 — оспариваетъ новгородское происхожденіе Григорія, а самый памятникъ считаетъ кіевскимъ по происхожденію. На это наводитъ изслѣдователя разница въ пріемахъ письма новгородскихъ и кіевскихъ памятниковъ и отсутствіе въ текстѣ Остр. Ев. чертъ, свойственныхъ новгородскому нарѣчію; се коньчь... приписка писанная позже на подскобленномъ мѣстѣ. Еще до статьи г. В. по-

добныя же мысли высказывались А. А. Шахматовымъ въ его литографированныхъ лекціяхъ, читан. въ Моск. Ун. 1890—91 г. — ср. Извѣст. рус. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 1898 г. 1363). Въ грамотѣ смоленскаго князя Мстислава (XIII в.): купьчемъ, гочькый, романовици и др. Отмѣчается переходъ **ѣ—и** въ памятникахъ сѣверныхъ: търпиниѥ, невидиниѥ). Колосовъ предполагалъ, что замѣна **ѣ—и** была общей чертою новгородскаго нарѣчія, болѣе древней даже, чѣмъ мѣна **ч—ц**, но необходимо сказать, что подобная замѣна отмѣчается и въ памятникахъ южныхъ, напр., въ Святосл. Изборникѣ 76 г. Особенностью южныхъ памятниковъ XI в. является мѣна **у** и **в** въ началѣ словъ: оупрашалъ, переходъ **ь** въ **и** въ такихъ случаяхъ, какъ: моляхутии вм. моляхуть **и**. Въ XIV ст. выдѣляется сѣверный — псковскій говоръ, изъ особенностей котораго можно выдвинуть мѣну свистящихъ и шипящихъ согласныхъ: **ж—з, ч—ц, ш—с**: покази, украсениѥ, вшего и пр.; южный — галицко-волынскій съ переходомъ **е—ѣ** въ такихъ случаяхъ, какъ: камѣнье, ремѣнь и пр., съ такими переходами, какъ: щюдръ, грошювъ и пр.

Переходъ **о** въ **а** наблюдается въ памятникахъ XIV в.: ѥсть дивна (—но), апустѣвшій, покланяться.

Переходъ **е—jo** замѣчается уже въ древне-русскихъ памятникахъ, въ одномъ изъ Евангелій XII в.: ковьчогъ, въ Рижской грамотѣ 1300 г.: оучомь, въ галицко-волынскихъ памятникахъ: на своюмъ селѣ, по божьюмъ нароженьѣ и пр. Какъ извѣстно, въ литературномъ русскомъ языкѣ этотъ переходъ обусловленъ ударяемостью **е** и твердостью послѣдующаго слога (наблюденіе сдѣланное еще Востоковымъ), изъ этого правила есть цѣлый рядъ исключеній, но въ большинствѣ своемъ эти исключенія находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что раньше за **е** слѣдовалъ слогъ мягкій, затѣмъ уже отвердѣвшій, такъ, напр., отецъ изъ отьць, купецъ изъ купьць, первый изъ перьвый, смертный изъ смертьный и пр. Такимъ образомъ въ то время, когда совершался переходъ **е** въ **jo** въ такихъ словахъ перехода этого не было и въ дальнѣйшемъ осталось **е**. Отсутствіе перехода мы наблюдаемъ и въ словахъ иностраннаго происхожденія, что опять-таки понятно изъ предыдущаго. Случаи удержанія ё при переходѣ по-

слѣдующаго слога въ мягкій объясняются дѣйствіемъ аналогіи: берёза — берёзѣ. Относительно народныхъ русскихъ говоровъ трудно установить, какъ мы видѣли, опредѣленные законы относительно разсматриваемаго перехода.

Въ древне-русскихъ памятникахъ мы отмѣчаемъ случаи переходовъ **е—я**, **е—и**, **я—е**, **и—е**: дѣтища вм. дѣтище, далеча, жалати, мильници, князий, черниц, виличьи, резань, изеслава, везать, преучаешь и т. д. Впрочемъ, ко многимъ случаямъ нужно относиться съ большой осторожностью, такъ какъ весьма возможны здѣсь были описки. Замѣна **е—и**, которую наблюдаемъ въ памятникахъ, особенно послѣдовательно проводится также въ окончаніяхъ род. п. мн. ч., гдѣ выступаетъ и **ѣ**: людѣй. Какъ извѣстно, это **е** замѣняетъ первоначальное **и** въ такихъ случаяхъ: соловей, воробей и др. (въ малор. нар. остается **и**: соловій, грошій, коній и пр.).

Уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы видимъ полногласныя формы. Такъ, въ послѣсловіи къ Остромирову Ев.: володимироу, новѣгородѣ, въ томъ же памятникѣ (въ календарѣ): перегъноувъ, въ Избор. Святосл. 73 г.: полоньникъ, вереда и др.

„Полногласіе" является одною изъ крупныхъ особенностей русскихъ нарѣчій сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями. Самъ терминъ „полногласіе" въ настоящее время понимается условно, такъ какъ теперь съ этимъ терминомъ не связываютъ того, что связывалось первоначально (т. е. что въ русскомъ языкѣ бо́льшая полнота гласныхъ, чѣмъ въ другихъ славянскихъ языкахъ).

Русскимъ словамъ:	соотвѣтствуютъ въ друг. сл. нар.: польс.:	чешс.:	серб.:	болг.:
борода	broda	brada	брада	брада
болото	bloto	blato	блато	блато
берегъ	brzeg	breg	брijег брег	брягъ брегъ
железа	—	żlaza	—	—

Такимъ образомъ, если въ русскомъ языкѣ: согл. + оро, оло, ере, еле + согл., то въ другихъ славянскихъ

языкахъ: согл. + ра, ла, ро, ло... Иногда, впрочемъ, въ русскомъ языкѣ попадаются несоотвѣтствія съ другими славянскими языками: судя по древне-церк.-сл. млѣко мы ожидали бы мелеко, на самомъ дѣлѣ молоко. Предполагаютъ, что возможно было и существованіе формы мелеко, какъ, напр., наряду съ велесъ — волосъ. Въ нашемъ книжномъ языкѣ менѣе полногласныхъ формъ, чѣмъ въ народныхъ говорахъ; объясняется это вліяніемъ древне-церк. сл. языка (здравіе, согласіе, владыка, время, въ др.-ц.-сл. врѣмѧ, и др.). Иногда въ книжномъ языкѣ появляются двѣ формы: заимствованная изъ др.-ц.-сл. и народная: страна — сторона, гражданинъ — горожанинъ и др., при чемъ съ той или иной формою связывается извѣстный оттѣнокъ значенія. Такія слова, какъ братъ, не принадлежатъ къ виду полногласныхъ формъ и въ данномъ случаѣ мы видимъ соотвѣтственныя формы въ другихъ слав. языкахъ (ср. также frater, Bruder).

Долгое время уже полногласіе останавливаетъ на себѣ вниманіе ученыхъ. Еще Добровскій стремился объяснить его, видѣлъ здѣсь вліяніе финскаго языка, противъ чего справедливо возсталъ Востоковъ. Первый назвалъ это звуковое явленіе полногласіемъ Максимовичъ, который вообще выходилъ изъ той точки зрѣнія, что въ русскомъ языкѣ болѣе гласныхъ, чѣмъ въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ, названіе данное явленіе получило изъ невѣрнаго основанія. Максимовичъ опровергалъ совершенно справедливо мнѣніе Востокова о полногласіи, какъ явленіи стоявшимъ въ связи съ сѣвернымъ климатомъ: климатическаго вліянія здѣсь, конечно, не было, т. к. полногласіе является характерною чертою не только сѣверныхъ, но и южныхъ русскихъ нарѣчій. Максимовичъ видѣлъ въ полногласіи черту чуть ли не праславянскую, удержанную русскимъ языкомъ, черту, которая роднитъ русскій языкъ съ санскритомъ. Такимъ образомъ, были подняты вопросы, откуда появилось полногласіе, оригинальная ли это черта русскаго языка или заимствованіе. Къ мнѣнію Максимовича отнесся отрицательно послѣдующій изслѣдователь даннаго вопроса — Катковъ (въ своей диссертаціи „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ 1845 г.). Исходя изъ того обстоятельства, что такія слова, какъ коро́ва, соотвѣтствуютъ

въ чешскомъ kráva, гдѣ **а** долгое, Катковъ выводилъ заключеніе, что долгота и удареніе свидѣтельствуютъ о первоначальности слога **ra** или **ro**, что вообще изъ подобной огласовки развилось полногласіе. Неосновательность этой теоріи была доказана Миклошичемъ. О разложеніи **ра, ла** . . . говорилъ первоначально и Потебня. Онъ сравнивалъ въ данномъ случаѣ съ измѣненіями въ сербскомъ языкѣ брѣг въ бриjег; такимъ образомъ, выдвигалась гипотеза о первоначальности формъ древне-церк.-сл. языка въ противоположность Максимовичу, выдвигавшему древность русскихъ формъ. Миклошичъ же выдвинулъ новую теорію о первоначальности формъ бергъ, отсюда берегъ, гордъ отсюда городъ. Миклошичемъ была выставлена условно такая формула: первоначальное tort даетъ въ русс. torot, въ другихъ слав. языкахъ trat, trot, первон. tert — teret, trĕt (ĕ = ѣ) и пр. Хотя эта гипотеза и была подтверждена нѣкоторыми сравненіями (berg — въ смыслѣ возвышенности — берегъ, литовс. galva — голова и др.), но данныхъ, подтверждающихъ ее было такъ мало, что неудивительны послѣдующія попытки дать иное разрѣшеніе вопроса. Неполнота доказательствъ для проведенія указанной гипотезы заставила Бругмана сослаться на то, что для славянъ будто бы было трудно произносить berg, отсюда вставка е или перестановка брѣгъ, но противъ этого можно возразить, что и произнесеніе **бр** въ началѣ словъ также должно было быть труднымъ.

На разборѣ другихъ мнѣній я останавливаться не буду. Укажу, что въ нашей научной литературѣ существуетъ уже пересмотръ мнѣній по данному вопросу въ „Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. Ѳ. Брандта (Уч. Зап. Имп. Московск. Ун. М. 92 г.). Новѣйшимъ трудомъ по данному вопросу является изслѣдованіе ак. А. А. Шахматова „Къ исторіи звуковъ русскаго языка — о полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ“ СПБ. 1903 г. Касаясь въ общемъ новѣйшихъ гипотезъ исторіи развитія полногласія (акад. Ѳ. Ф. Фортунатова, ак. А. А. Шахматова), я долженъ отмѣтить, что вмѣсто прежнихъ простыхъ формулъ, выдвинутыхъ Миклошичемъ, выдвигаются формулы болѣе сложныя. Ак. Фортунатовъ считалъ первоначальными для праславянской эпохи tor̥t, tol̥t и пр., т. е. согл. +

гласн. + слоговая плавная + согласная. Конечно, болѣе естественно искать появленіе оро, оло, ере, еле изъ or̥, ol̥ и пр., но насколько все же гипотетично выставленное предположеніе, указываетъ и то, что ак. Шахматовъ первоначально построилъ иную формулу: tor̄t, tol̄t . . . гдѣ r̄ и l̄ согласные долгіе; затѣмъ оставляя эту формулу въ силѣ, ак. Шахматовъ для общерусской эпохи принялъ формулы, построенныя ак. Фортунатовымъ. Въ упомянутомъ изслѣдованіи ак. Шахматова мы имѣемъ цѣлую систему такихъ предположеній, которыя врядъ ли могутъ считаться убѣдительными.

Въ древне-русскихъ памятникахъ мы наблюдаемъ такія написанія: кърътмити, перьвымъ, търъжку, стълъпникъ, съмьрьть, мълъния и пр., наряду съ этимъ: кърмити, первымъ и пр. Въ первыхъ приведенныхъ мною примѣрахъ нѣкоторые ученые видятъ такъ же полногласіе, но въ отличіе отъ предыдущаго называютъ это полногласіе вторымъ. Въ доказательство, что ъ и ь звучали здѣсь передъ и послѣ плавныхъ приводятъ такія написанія: веребныя недѣли, молонья и пр. или даже данныя современныхъ говоровъ: молонья, сомеретушка, перьвый и др. Конечно, во многихъ случаяхъ постановка второго ъ или ь еще не обозначаетъ второго полногласія: часто ставились эти знаки въ силу графическихъ пріемовъ; часто происходило это, напр., при окончаніи строки, часто въ силу смѣшенія написаній свойственныхъ древне-русскимъ говорамъ съ написаніями древне-церковнославянскими. Дѣло въ томъ, что древне-русскому кърмъ (современ. кормъ) въ древне-церковн-ославянскомъ соотвѣтствовало кръмъ, то же, напр., др.-русск. търгъ, древнец.-сл. тръгъ и пр.

Безспорно, что какъ современ. молонья, сомеретушка и пр. являются лишь въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, такъ и существованіе теперь и ранѣе второго полногласія нельзя признать общерусскою чертою (какъ то можно сказать относительно полногласія перваго). Такимъ образцамъ, какъ русск. торгъ, полкъ, волкъ и пр., въ другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ такія соотвѣтствія: сербск. трг, вук, польск. targ, wilk, чешск. trh, vlk и пр.

Взгляды ученыхъ на второе полногласіе (терминъ этотъ установленъ Потебнею), на его происхожденіе, на его отраженіе въ древнерусскихъ памятникахъ, разны. Не касаясь гипотетическихъ построеній первоначальныхъ общеславянскихъ формъ и ихъ дальнѣйшаго развитія въ общерусскую эпоху, я отмѣчу только, что въ настоящее время не безъ основанія колеблется примѣненіе термина „второе полногласіе" къ такимъ случаямъ, какъ верехъ (верхъ), смеретка и пр. (см. статью Л. Л. Васильева въ Ж. М. Н. Пр. 1909 г. окт. „Одно соображеніе въ защиту написаній ьрь, ьръ . . ."), такъ какъ эти немногочисленные случаи разсматриваются, какъ результатъ дѣйствія аналогіи, взаимодѣйствія (верехъ изъ ф. врехъ и ф. верха, какъ правденъ и праведна дали праведенъ и пр. — хотя нельзя вполнѣ согласиться съ приведенной аналогіей).

Большинство ученыхъ склонно къ тому, чтобы признать существованіе глухихъ гласныхъ въ древне-русскомъ языкѣ и въ **ъ** и **ь** древне-русскихъ памятниковъ видитъ отраженіе живыхъ говоровъ (большее или меньшее); напр., Потебня находилъ слѣды существованія глухихъ еще въ памятникахъ XVI в. и утверждалъ, что конечные глухіе звуки въ такихъ говорахъ, какъ новгородскіе, существовали еще въ XII в. Срезневскій признавалъ существованіе глухихъ въ древне-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV вв. (Мысли объ исторіи рус. яз., 20.) Въ такомъ же духѣ было мнѣніе Буслаева, Лавровскаго и др. Проф. Брандтъ выставилъ предположеніе о существованіи глухихъ только при **р** и **л** въ такихъ случаяхъ, какъ вълкъ, търгъ и пр. (предполагая для пра-русскаго торгъ, затѣмъ търгъ-торг). Относительно глухихъ звуковъ передъ сочетаніемъ плавный + согласный Б. М. Ляпуновъ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи („Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи — Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ" СПБ. 1899 г.) высказывался за существованіе въ данномъ случаѣ **ъ** и **ь**, гласныхъ ирраціональныхъ (т. е. неполногласныхъ), но съ отличіемъ отъ другихъ случаевъ: здѣсь они были слоговыми („слоговыми" Л. называлъ „ирраціональные", если они составляли болѣе половины цѣлаго слога, а неслоговыми — если меньше). Тотъ же изслѣдователь, производя детальный анализъ языка

Новгородской лѣтописи (синод. списка) въ отношеніи ъ и ь, слѣдитъ за различнымъ характеромъ этихъ звуковъ, за ихъ „слоговымъ“, „неслоговымъ“, „полуслоговымъ“ положеніями и выставляетъ, напр. предположенія о существованіи ъ въ полуслоговомъ положеніи, т. е. ъ „когда исчезновеніе его задерживалось сопутствующими согласными, а окончательное проясненіе въ о почему-либо не могло совершиться, удерживался въ качествѣ неопредѣленнаго звука“ (стр. 59, напр., дчи, дчерь, изъимати и пр.). Цѣннымъ мнѣ представляется замѣчаніе Б. М. Ляпунова о томъ, что такія написанія, какъ горда вм. города, берьго, голъвоу и пр. объясняются переходомъ неударяемыхъ гласныхъ въ звуки приближавшіеся къ ъ и ь, что здѣсь совпаденіе съ рефлексами этихъ послѣднихъ звуковъ (95).

Я не буду останавливаться на мнѣніяхъ высказанныхъ по данному вопросу — Житецкаго (отрицавшаго существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ XI в.), Огоновскаго (слѣдовавшаго за Потебнею), Колосова, Соболевскаго, Ягича, Шахматова и др. Въ разрѣшеніи даннаго вопроса раскрывается большая возможность для субъективизаціи, такъ какъ опредѣленіе звуковъ, лежавшихъ въ основѣ древнерусской письменности, возможно лишь съ большей или меньшей приблизительностью, при чемъ и эта приблизительность не можетъ быть опредѣлена съ фактической точностью, а путемъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ догадокъ. Мнѣ кажется, правъ былъ Колосовъ, когда, начиная свое изслѣдованіе о глухихъ въ „Обзорѣ...“, упомянулъ прежде всего, что правильное употребленіе ъ и ь въ памятникахъ не есть еще ручательство въ томъ, что ъ и ь были въ языкѣ писавшаго. Съ одной стороны, здѣсь вполнѣ могъ быть пріемъ ореографическій, а съ другой — ъ и ь могли получать уже иное значеніе — твердости и мягкости согласныхъ. Что послѣднее значеніе было уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, на это, по моему, указываютъ такіе интересные примѣры изъ Святославова Изб. 1073 г., какъ: гигасъ (68), анфракъсъ (121 об.), титосъ (264), маръкосъ (264), константиносъ (265 об.). Въ связи съ этимъ можно привести и νεασητ (неясыть — названіе одно гоизъ днѣпровскихъ пороговъ) у Константина Багрянороднаго. Несомнѣннымъ признакомъ исчезновенія ъ и ь или ихъ перехода служатъ

примѣры формъ прилагательныхъ на оихъ, еихъ въ Минеяхъ 1095—7 г., формъ предполагающихъ именительный падежъ на **ои**, **еи** (данное указаніе сдѣлано ак. Ягичемъ въ его „Критическихъ замѣткахъ по русскому яз.“ и сила этого указанія не можетъ быть признана опровергнутою г. Волковымъ въ его „Къ исторіи русскаго яз.“ въ Ж. М. Н. Пр. 94 г. № 1, — замѣткѣ, посвященной разбору „Лекцій по историч. грамм. рус. яз.“ проф. Брандта: г. Волковъ совершенно неправильно отнесъ эти случаи къ древне-церковносл. памятникамъ). Насколько **ъ** и **ь** были близки къ **о** и **е** для слухового сознанія древне-русскихъ писцовъ, характерно указываютъ такіе примѣры древнѣйшихъ памятниковъ, какъ: кото вм. къто, золоба вм. зълоба (въ Изб. Св. 73 г.), ковечегъ, похвалена словеса (Минеи 1095 ръгъ (Псал. XI в.). Въ древне-русскихъ памятникахъ, начиная съ 14 ст., мы видимъ полное господство въ замѣнѣ **ъ**, **ь** — **о**, **е**.

На несомнѣнность существованія **ъ** и **ь** въ русскихъ нарѣчіяхъ древнѣйшей стадіи могутъ указывать тѣ видоизмѣненія, которыя находимъ въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ. Возьмемъ такіе примѣры: попъ — малор. піп, но сонъ (изъ сънъ) — малор. сон, то же печь — пічь, но день-ден. Впрочемъ, не всѣ согласны относительно убѣдительности подобныхъ примѣровъ. Проф. Брандтъ указываетъ, что здѣсь была разница въ долготѣ и краткости гласныхъ звуковъ: пōпъ, но сŏнъ, пēчь (или по его транскрипціи пешш), но дĕнь.

На существованіе глухихъ въ древне-русскихъ говорахъ могли бы отчасти указывать и передачи нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ финнами у русскихъ. Въ этихъ заимствованіяхъ вмѣсто **о** и **е** (какъ ожидаемыхъ замѣстителей **ъ** и **ь**) мы находимъ **и** и **і**, напр., lusika, lusik — лъжька, virpa — вьрба, търгъ — turku и пр. (см. въ изслѣдованіи Микколы Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors 1894 г.).

Замѣстительные **о** и **е** вмѣсто **ъ** и **ь**, являются своего рода гласными бѣглыми и ихъ исчезновеніе понятно изъ тѣхъ же фонетическихъ законовъ. Такъ изъ первоначальныхъ сънъ, дьнь, по исчезновенію конечныхъ **ъ** и **ь** — сон, ден, въ родительномъ падежѣ съна, дьня, въ силу

существованія на концѣ полныхъ гласныхъ не ощущалось надобности въ переходѣ **ъ** — **о**, **ь** — **е**, **ъ** и **ь** постепенно теряются въ произношеніи и получаются формы: с н а, д н я. Интересны тѣ видоизмѣненія, которыя происходили со словами въ зависимости оттого, гдѣ прояснялись глухіе гласные. Такъ, въ древнерусскихъ грамотахъ находимъ: с м о л ь н е с к ъ изъ с м о л ь н ь с к ъ, у насъ с м о л е н с к ъ (изъ с м о л е н ь с к ъ — с м о л ь н ь с к ъ), нѣмецк. названіе Пскова — Pleskau находитъ соотвѣтствіе въ древней формѣ п л ь с к о в ъ. Соотвѣтственно нашимъ формамъ ч е с т ь, ч е с т и и пр. находимъ формы въ древне-русск. памятникахъ: ч ь с т ь — ч ь с т и, ч е с т и, ч с т и, ч т и. Въ силу вліянія именительнаго падежа на другіе падежи бѣглые **о** и **е** остаются: м е р т в е ц ъ, — е ц а..., впрочемъ этому иногда благопріятствовало стеченіе согласныхъ. Послѣднему обстоятельству обязано возникновеніе въ такихъ случаяхъ **е**, какъ х и т ё р ъ изъ х и т р ъ.

Мнѣ уже приходилось вкратцѣ останавливаться на тѣхъ переходахъ, которые замѣчаемъ въ малорусскомъ языкѣ въ примѣрахъ: п о п ъ — п і п, п е ч ь — п і ч ь. Переходъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „замѣстительнаго удлиненія" и смыслъ послѣдняго названія въ томъ, что когда произношеніе конечныхъ **ъ** и **ь** начало утрачиваться, предыдущій гласный звукъ удлиняется. Можетъ возбудить, конечно, вопросъ то, въ чемъ же „замѣстительное удлиненіе", если **о** и **е** переходятъ въ **і**? Не будетъ ли вѣрнѣе другой терминъ, ранѣе употреблявшійся по отношенію къ данному явленію „стисненіе" (каковой примѣняется и къ аналогичному явленію въ польскомъ языкѣ)? Но терминъ „замѣстительное удлиненіе" сдѣлается понятнымъ, если взять во вниманіе тѣ первоначальныя формы, изъ которыхъ развивается **і**.

Выясненію причинъ и раскрытію постепенной картины развитія даннаго перехода посвящали свое вниманіе многіе ученые. Высказывались разнообразныя догадки. Я указывалъ уже, что наряду съ формами на **і** существовали и существуютъ формы на **уо**, **уи**. Слѣдовательно представлялось также необходимымъ для изслѣдователей установить и картину отношеній этихъ разныхъ рефлексовъ.

Однимъ изъ первыхъ остановился на этомъ явленіи и попытался въ немъ разобраться Максимовичъ. Въ своей „Исторіи древне-русской словесности" (Кіевъ 1839 г.) онъ

указываетъ на различные случаи переходовъ, при чемъ считаетъ эту черту неоригинальной въ малорусскомъ нарѣчіи, а заимствованной отъ поморскихъ славянъ. Высказанъ имъ былъ цѣлый рядъ соображеній, показывающихъ, что изслѣдователь не могъ совершенно разобраться въ разсматриваемомъ явленіи. Первый свѣтъ вноситъ грамматика Вагилевича (Grammatyka języka małoruskiego . . . .), изданная въ 1845 г. во Львовѣ и грамматика Головацкаго, изданная тамъ же въ 1849 г. (а также его же „Розправа о языцѣ малорусскомъ и его нарѣчіяхъ“). Здѣсь уже устанавливается качество слога, его закрытость, устанавливается разница между основными о и е и **о, е** изъ **ъ, ь.**

Не касаясь разныхъ частныхъ ошибокъ въ трудахъ Головацкаго, я долженъ отмѣтить слѣдующее. У Головацкаго мы находимъ попытки установить исторію перехода **о**, е — **і**. Посредствующими звеньями онъ считалъ формы съ **у, ю, ы**. Такимъ образомъ намѣчалась довольно близкая картина къ той (въ общемъ), которую далъ затѣмъ Потебня, обратившій вниманіе на дифтонгическія замѣны — куинь и пр., которыя облегчали переходъ отъ **у** къ **и**.

Потебнѣ главнымъ образомъ принадлежитъ заслуга выясненія исторіи даннаго перехода (его статьи въ Филолог. Зап. 65 г. № 2—3, 70 г. № 1). Неудачными нужно признать попытки Миклошича и Житецкаго, стремившихся вывести **о** и **е** въ **і** изъ прежней долготы этихъ гласныхъ. Въ настоящее время особенно цѣнный матеріалъ и наблюденія по данному вопросу представляются въ грамматикѣ проф. Крымскаго.

Руководствуясь этимъ послѣднимъ трудомъ, можно наглядно представить исторію развитія переходовъ **о** и **е** въ **і**. Возьмемъ такія слова, какъ шість, тітка (шесть, тетка), оба эти слова предполагаютъ разную исторію своего образованія. Первоначальное шесть, подвергшись удлиненію въ силу потери гласности **ь**, переходило въ шēст', или, какъ пишетъ Крымскій, шääсть, откуда шіэсть, шіесть (эти формы существуютъ и теперь въ сѣверно-малорусскихъ архаическихъ говорахъ), шість. Въ словѣ тетъка — **е** не былъ одинаковъ съ **е** въ шесть, это было **ö**, при потерѣ **ъ** (тетъка — тетка) это **ö** переходило въ **öö, ёо**. Изъ этихъ послѣднихъ звуковъ образовались **юо, юы, юи и, і**. Такимъ образомъ: тюотка, тюитка, титка, тітка. По-

добные же переходы съ конь — кōнь — куонь — куинь, кинь — кінь и пр.

Въ словахъ же сон, ден' происходило то же замѣстительное удлиненіе, именно: сънъ — сън — сон, дьнь — дьн' — ден, ъ и ь нѣсколько удлинились и дали болѣе полные звуки **о** и **е**.

Уже въ древнѣйшемъ церковно-славянскомъ памятникѣ русской редакціи — Остромировомъ Евангеліи мы имѣемъ случаи замѣнъ ѫ — **оу**, ѧ—**ꙗ**. То же мы имѣемъ и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ. Еще Востоковъ указывалъ на несуществованіе въ древне-русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ. Эту мысль развивалъ Срезневскій. Лавровскій, наоборотъ, доказывалъ существованіе и опирался на двухъ неудачныхъ доказательствахъ: времѧ — времени и малор. мнясо. Первый примѣръ указывалъ, конечно, лишь на слѣды ринезма изъ общеславянской эпохи, провести же параллель между ѧ и **ня** въ мнясо, конечно, невозможно. Потебня высказалъ ту мысль, что **н** въ мнясо есть переходъ **j**, его отвердѣніе, при чемъ проводилась параллель между этимъ **н** и **н** въ него. Выставленныя другими учеными доказательства существованія носовыхъ гласныхъ въ языкѣ древне-русскихъ писцовъ: написанія ѫгре (Венгры), варѧгъ (varing), Сѫдъ (Sund) не могутъ считаться убѣдительными. Слово венгры перешло къ намъ изъ Польши, и неизвѣстно, какъ произносилось слово ѫгре, можетъ быть какъ угре; здѣсь могло быть также что съ народнымъ произношеніемъ слова англійскій — аглицкій. То же, можетъ быть, было и съ произношеніемъ варѧгъ (вѣдь произошла же перестановка ударенія — váring — варя́гъ) и сѫдъ.

Одною изъ особенностей русскаго языка можно считать начальное **о** вмѣсто **е**, **ѥ** другихъ славянскихъ языковъ:

русск.	древне-ц.-слав.	болг.	сербск.	польск.	чешск.
озеро,	ѥзеро,	езеро,	jезеро,	jezioro,	jezero.

Правда, иногда попадаются и въ другихъ славянскихъ языкахъ слова съ начальнымъ **о**, но подобныхъ примѣровъ сравнительно мало. А. И. Соболевскій на основаніи этихъ немногочисленныхъ примѣровъ, на основаніи нѣкоторыхъ сличеній въ славянскихъ и другихъ языкахъ считаетъ это

о не новообразованіемъ со стороны русскаго языка и такимъ образомъ не считаетъ это о особенностью русскаго языка сравнительно съ другими славянскими языками и въ частности съ языкомъ древне-церковно-славянскимъ. Затѣмъ ак. Соболевскій указываетъ, что и имена, получающія начальное о вм. е: *Εὐδοκία* — овдотья, *Εὐστάφιος* — остапъ *Ἑλένη* — олена, могли быть обязаны тому же греческому языку, въ которомъ имѣется: *Ἕκτωρ* и *Ὅκτωρ* и пр. (приведеннымъ ранѣе примѣрамъ паралеллей въ греческ. яз. съ о не приводится). Но дѣло въ томъ, что этотъ переходъ е въ о въ русскихъ рукописяхъ, какъ замѣчалъ ак. Ягичъ въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ по русск. яз.", совершается постепенно, такимъ образомъ явленіе это какъ бы входило въ нашу письменность въ данномъ случаѣ изъ самого русскаго языка. Затѣмъ, тѣ данныя, которыя приводитъ ак. Соболевскій изъ другихъ славянскихъ языковъ, слишкомъ незначительны.

Вопросу о томъ, является ли это русское о позднѣйшимъ сравнительно съ е, ѥ другихъ славянскихъ языковъ, посвящали свое вниманіе уже многіе ученые. Сначала вопросъ этотъ разрѣшался въ томъ смыслѣ, что о явленіе позднѣйшее. Такого взгляда придерживались Буслаевъ, Срезневскій, Колосовъ. Но такъ какъ трудно было вывести изъ ѥлень — олень, то выдвинута была Потебнею, а затѣмъ Миклошичемъ, теорія объ одинаковой древности въ данномъ случаѣ о и ѥ и проводилась мысль о происхожденіи того и другого звука изъ а (сообразно ученію старой школы о вокализмѣ). За одинаковую древность о и ѥ стоятъ въ настоящее время проф. Брандтъ и Богородицкій.

На вопросъ о томъ, какъ произносилось ѣ въ древнерусскихъ памятникахъ, нельзя дать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Прежде всего, конечно, тѣ данныя, которыя мы видѣли въ діалектологіи, должны насъ убѣждать въ томъ, что одинаковаго произношенія для различныхъ памятниковъ трудно ожидать. Мы видимъ также, что ѣ замѣняется е (и наоборотъ), и, такимъ образомъ, эти замѣны проливаютъ иногда свѣтъ на содержаніе этой загадочной буквы. Уже въ древнѣйшемъ церковно-сл. памятникѣ русской редакціи Остромировомъ Евангеліи мы видимъ написанія: время, древо и пр. Подобныя написанія заимствованныхъ изъ

церковно-слав. языка словъ мы наблюдаемъ и въ дальнѣйшихъ, уже болѣе народныхъ памятникахъ. И это обстоятельство указываетъ на то, что само церк.-слав. ѣ для переписчиковъ было тожественно со звукомъ е, такъ какъ тѣ же писцы, ставя послѣдовательно е вмѣсто ѣ въ словахъ церк.-сл., допускали замѣны ѣ — и въ словахъ незаимствованныхъ. Итакъ, признавая, что употребленіе ѣ въ древнерус. памятникахъ стоитъ несомнѣнно во многихъ случаяхъ въ связи съ данными народной рѣчи, мы тѣмъ не менѣе должны указать на крайнюю трудность опредѣленія произношенія этого звука тѣмъ или инымъ переписчикомъ въ силу вполнѣ понятныхъ причинъ. Надъ разрѣшеніемъ этого труднаго вопроса особенно много потрудился изъ русскихъ изслѣдователей ак. Шахматовъ, но стоитъ, напр., сравнить тѣ результаты, къ которымъ приходилъ ак. Шахматовъ съ тѣмъ, что высказывалось по тому же вопросу ак. Соболевскимъ, чтобы убѣдиться, насколько въ данномъ вопросѣ мы далеки еще отъ окончательнаго разрѣшенія.

Переходъ **е** (основн. и изъ **ь**) въ **ö** послѣ **j**, шипящихъ **ж**, **ч**, **ш**, **щ** и свистящаго **ц** мы наблюдаемъ уже, начиная съ памятниковъ XI в. (по Соболевскому съ XII, при чемъ ч о л о в ѣ к а въ Святославовомъ Из. 1073 г. онъ считаетъ опискою, 59 стр., но въ Изб. Свят. 1076 г. отмѣчена ф. ж о н а, затѣмъ въ Минеѣ 1095 г. б о у д о у щ о х ъ, н ю ж о. Ак. Ягичъ соглашается также видѣть описку, см. „Крит. зам. по рус. яз.“, 36, почти согласіе находимъ въ лекціяхъ проф. Будде, 95). Въ виду того, что переходъ этотъ свойственъ всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, то его можно считать чертой общерусской, при чемъ въ древнерус. памятникахъ скорѣе можно подмѣтить аналогію тому, что находимъ въ народныхъ говорахъ, чѣмъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Въ послѣднемъ, за большимъ, впрочемъ, количествомъ исключеній, переходъ этотъ обусловливается также ударяемостью е и твердостью послѣдующаго слога, каковаго требованія сплошь и рядомъ не наблюдается въ нашихъ говорахъ и древнихъ памятникахъ. Вотъ примѣры изъ различныхъ памятниковъ: и м у щ о м у, д в и ж о щ о м у с я, д а ю ч о, щ о д р ъ, т о ж о, ѥ г о ж о, д в о р и щ о, щ е д ь ш о, к о у п ц о м ъ, ж о н о ю, х о ч о м ъ, ч о т ы р н а д ц а т ь, н а п и ш о т ь и пр.

Необходима большая осторожность при сужденіи о томъ, какъ произносились слова въ древнихъ памятникахъ жона, и пшоно, такъ ли, какъ прочитаемъ мы теперь эти слова, т. е. твердо (въ силу отвердѣнія **ж**, **ш**) или мягко, какъ и теперь мы произносимъ чело (въ силу сохраненія мягкости произношенія **ч**). Интересныя паралелли въ данномъ случаѣ даютъ намъ нѣкоторые памятники, въ которыхъ для изображенія переходнаго звука употреблялось начертаніе **ю**: памятники такъ наз. галицко-волынскіе: грошювъ, слюбуюмъ, божьюмъ, злодѣювь и пр., но хочумъ.

До сихъ поръ нельзя считать объясненнымъ переходъ е въ ö. Данныя памятниковъ и современныхъ русскихъ нарѣчій даютъ возможность думать, что первоначально не было обусловливающей причиной удареніе. Какъ предполагаетъ ак. Соболевскій, значеніе ударенія выдвинулось въ силу того, что неударное **о** (изъ е) въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ перешло въ **а**. Если такимъ образомъ удалить это условіе, то предъ нами прежде всего вопросъ, происходилъ ли переходъ, какъ въ современномъ литературномъ языкѣ и части русскихъ говоровъ вообще во всякомъ слогѣ съ е предъ дальнѣйшимъ твердымъ слогомъ или первоначально только въ случаяхъ послѣ шипящихъ, свистящаго **ц** и послѣ **j**? Въ данномъ случаѣ, мнѣ думается, можно было бы присоединиться къ тому, что было высказано ак. Ягичемъ въ его „Крит. Зам.“ (37), измѣнивши только формулировку (. . . „народное произношеніе любило переходъ въ **о** пока еще только при небныхъ согласныхъ“). И дѣйствительно, приводимый Яг. матеріалъ изъ малорусскаго языка подтверждаетъ древность измѣненія при небныхъ согласныхъ: здѣсь мы видимъ — чолó, чоловíкъ, вчорá, щокá, жолýдокъ, пшонó и пр. но рéбра, дéшево, далéко, одéжа, лéдъ, овéсъ и пр. гдѣ е подъ удареніемъ и послѣ другихъ согласныхъ.

Уже въ Остромировомъ Ев. имѣются формы: пасхѣ (наряду съ пасцѣ), архистратиге, декабрь, морьскѣи, такимъ образомъ соединеніе **г**, **к**, **х** съ такъ называемыми мягкими гласными. Это уже показываетъ, что характеръ данныхъ согласныхъ уже иной сравнительно съ тѣмъ характеромъ, которымъ отличаются **г**, **к**, **х** въ древне-

церковно-славянскомъ языкѣ. Въ памятникахъ 12 в. число подобныхъ примѣровъ умножается, напр.: человѣки, великии, роусьскѣи и пр. Въ памятникахъ же 13—14 вв. встрѣчаются уже такіе примѣры: кюю, бочкю, т. е. явленія подобныя тѣмъ, которыя наблюдаются въ настоящее время въ разныхъ русскихъ народныхъ говорахъ.

Въ томъ же Остромировомъ Ев. сказалась уже и другая черта русскихъ говоровъ: смягченіе **д** не въ **жд** (какъ въ древне-ц.-слав.), а въ **ж**; смягченіе **т** въ **ч** мы видимъ уже въ болѣе позднихъ памятникахъ: конечно, этой чертѣ труднѣе было проникнуть, чѣмъ предыдущей въ искусственный языкъ, потому что **ч** звукъ болѣе далекій отъ **шт**, **щ**, чѣмъ **ж** отъ **жд**.

Ясные слѣды отвердѣнія **ж**, **ш** мы наблюдаемъ въ памятникахъ 14 в., когда эти согласные соединяются уже съ **ы** — жывите, жывотъ и пр.

Въ консонантизмѣ древне-русскихъ памятниковъ мы видимъ любопытныя измѣненія по причинѣ исчезновенія глухихъ гласныхъ. Согласные неоднородные, встрѣчаясь другъ съ другомъ, ассимилировались и потому получалось измѣненіе первоначальной формы слова. Въ Лаврентьевской лѣтописи, напр., свадба вм. сватьба, или въ другихъ памятникахъ: здѣсь вмѣсто сьдесь, здоровъ-съдоровъ, гдѣ-къде, слаткии-сладкій и пр.

Такіе случаи, какъ мяхкы, хкому, отмѣчаемые уже въ древне-русскихъ памятникахъ, говорятъ о диссимиляціи звуковъ. Если ассимиляція понятна, то гораздо труднѣе объяснить цѣлесообразность диссимиляціи. Въ приведенныхъ случаяхъ необходимо допустить трудность произнесенія двухъ подъ рядъ стоящихъ звуковъ **кк**. Не нужно также забывать, что первоначально эти звуки раздѣлялись здѣсь **ъ**, исчезновеніе котораго и было причиною столкновенія двухъ однородныхъ согласныхъ звуковъ. Наблюдая за произношеніемъ различныхъ словъ, мы можемъ видѣть во многихъ случаяхъ измѣненія согласныхъ, назвать каковыя диссимиляціей иногда даже невозможно и трудно найти бываетъ часто причину такихъ измѣненій. Одной изъ причинъ могла быть указанная трудность въ произношеніи соединенія извѣстныхъ согласныхъ, получившагося послѣ выпаденія гласныхъ звуковъ. Безспорно сильно дѣйствовала аналогія, или

лучше сказать — дѣйствовали привычныя ассоціаціи, къ послѣднимъ относилось дѣйствіе такъ называемой аналогіи. Изъ болѣе частыхъ мѣнъ согласныхъ можно прежде всего указать на замѣну мн-вн: вм. много-вного, вм. помни-повни. Весьма возможно, что здѣсь мѣна обусловлена прямо-таки общностью мѣста артикуляціи звуковъ **м** и **в**. Вообще при мѣнѣ необходимо обращать вниманіе на общность мѣста артикуляціи и на характеръ мѣняющихся звуковъ. Послѣднее, напр., происходитъ въ такихъ случаяхъ, какъ анвонъ вм. амвонъ, если здѣсь нѣтъ дѣйствія какой-либо ассоціаціи.

Такимъ образомъ подъ „диссимиляціей" лучше подразумѣвать, какъ это обыкновенно и дѣлается, измѣненіе одной изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ, но не измѣненіе и согласныхъ близкихъ (какъ это находимъ, напр., въ статьѣ Китермана въ Из. От. рус. яз. и сл. Ак. н. 1908 № 1).

Можетъ быть диссимиляція звуковъ, стоящихъ не рядомъ. Уже въ древнихъ памятникахъ мы видимъ такіе примѣры: стихираль, февраль, илинархъ и пр. Какъ видимъ, слово февраль не кажется намъ неправильно образованнымъ, между тѣмъ какъ это слово въ сущности должно быть приравнено по измѣненію **р** въ **л** къ такимъ словамъ, какъ секлетарь, калидоръ, левизоръ и пр., гдѣ мы видимъ такой же переходъ одного плавнаго въ другой плавный. Наши слова верблюдъ — изъ вельблюдъ, перепелъ — изъ пелепелъ, флюгеръ — изъ Flügel.

Въ замѣнахъ титъ-китъ, тѣсто-кѣсто, апетитъ-апекитъ, театръ-кіятръ мы вовсе не имѣемъ дѣло съ диссимиляціей, какъ то думаетъ Китерманъ (Изв. От. р. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 1908 № 1, 343), а съ смягченіемъ **к** въ **т**. Случаи такого смягченія въ достаточномъ количествѣ приведены въ лекціяхъ А. И. Соболевскаго (изд. 4, 132—3). Что здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о какой диссимиляціи, указываютъ особенно такіе примѣры: телья вмѣсто келья, бутетъ-букетъ (здѣсь выходитъ даже наоборотъ), ститъ-скитъ и пр.

При объясненіи такихъ измѣненій, какъ схимонахъ изъ схимомонахъ, тарахнуть вм. таратахнуть и пр., нужно обратить вниманіе на отсутствіе яснаго сознанія о происхожденіи слова и потому на легкость сокращенія. Послѣднее объясненіе можно примѣнить ко многимъ случа-

ямъ. Наши теперь—изъ топерь, топерьво; приставка изъ су, сударь, осударь, государь (напр., князь Өедоръ-осу Ивановичъ....).

Такъ называемая „народная этимологія" отражается при передачѣ иностранныхъ словъ: сахалинъ-соколиный, іеремія-ѳеремія (въ малор. говор.), стокгольмъ-стекольнъ (въ памятникахъ XVI—XVII вв. См. лекціи ак. Соболевскаго стр. 145, 4-е изд.). Для того, чтобы яснѣе представить ту аналогію, которой руководится народная этимологія, возьму такія передѣлки (изъ Лѣскова): мимоноски вм. миноноски, губиноты-гугеноты, крутильда-клотильда.

Упомяну здѣсь же о перестановкахъ: ватрушка-творушка, ладонь-долонь, яровчатый-яворчатый (гусли яров...), крилосъ-клиросъ, веденей-венедей (венедиктъ), трезвый-терезвый (протерезвиться).

Если сравнить соврем. сентябрь съ написаніями древнерус. памятниковъ септямбрь съ латин. september, то мы легко увидимъ ошибочность нашего произношенія и написанія. Скорѣе всего, подобное слово произошло, какъ предполагаетъ ак. Соболевскій, изъ неправильнаго написанія этого слова: м ставилось подъ титло и въ нѣкоторыхъ памятникахъ титло невѣрно было раскрываемо, получалось семптябрь, отсюда постепенно уже образовалась наша форма.

Народныя формы: въ эвдакомъ дѣлѣ, съ эстимъ, на энтомъ мѣстѣ, въ эфтомъ мѣстѣ и пр. можно объяснять вліяніемъ отдѣленія э отъ тотъ, напр. въ древнихъ памятникахъ: э къ темъ цвѣтамъ и пр. Въ параллель, дѣйствительно, можно приводить и отдѣленіе, которое наблюдается при измѣненіяхъ никто, ничто-ни къ кому.....

Остановлюсь вкратцѣ на нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-русскихъ склоненій и спряженій. За болѣе подробными справками рекомендую обращаться особенно къ лекціямъ по русск. языку ак. Соболевскаго (изд. 4-е М. 907 г.), затѣмъ къ лекціямъ профессоровъ Богородицкаго и Будде.

Въ древне-русскихъ памятникахъ до 14 ст. можно прослѣдить употребленіе двойственнаго числа. Въ памятникахъ

этого времени, впрочемъ, можно видѣть случаи и замѣны двойственнаго числа множественнымъ. Особенно любопытны такіе случаи: помози рабомъ своимъ (мн. ч.) Ивану и Алексѣю, написавшема (дв. ч.); изъ двою моихъ жеребьевъ.

Звательный падежъ рано исчезаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его окончанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходятъ въ формы падежа именительнаго. Этимъ обстоятельствомъ я бы объяснилъ появленіе такихъ формъ, какъ Володимирко, Павле, а не вліяніемъ фонетическимъ. Замѣну звательнаго падежа именительнымъ мы находимъ уже въ Остромировомъ Ев. Въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ находятся любопытныя смѣшенія, напр., въ Минеи 1095 г.: Михаиле архистратигъ.

Уже въ Изборникѣ 1073 г. имѣется о т ъ л ь н у, т. е. распространеніе окончанія основъ на **у** на основы — **о**. То же самое можно сказать и о дательномъ падежѣ относительно окончанія **ови, еви**. Здѣсь, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ дѣйствіемъ такъ называемой аналогіи, или, вѣрнѣе, съ дѣйствіемъ ассоціацій. Употребленіе **у** мы замѣчаемъ въ словахъ вещественнаго значенія, затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ (напр. д о т ъ р г у, с ъ т о р о ж к у и пр.); такимъ образомъ, замѣчаемъ какъ бы начало того явленія, которое характеризуетъ нашъ современный языкъ. Дательный на — **ови** и **еви** не привился литературному языку, но и теперь, какъ мы знаемъ, является это окончаніе характернымъ для народныхъ русскихъ говоровъ (малор. и бѣлор.).

Постепенное проникновеніе окончанія **а** въ форму винительнаго падежа части основъ на **о** (р а б а вмѣсто древ. ф. р а б ъ), констатируемое уже въ древне-ц.-слав. памятникахъ и памятникахъ также древне-русскихъ, вызвало много догадокъ и предположеній (см. подробно объ этомъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи изученія синтаксиса слав. языковъ“). По памятникамъ можно прослѣдить образованіе и развитіе этой замѣны. Замѣна эта начинается главнымъ образомъ съ именъ собственныхъ и затѣмъ переходитъ на имена нарицательныя одушевленныя.

Интересенъ такой примѣръ изъ Новгородской лѣтописи: дай намъ сынъ твой Святослава.

Въ творительномъ пад. изрѣдка, наряду съ обыкновеннымъ окончаніемъ **омь - омъ**, употребляется **ъмь - ъмъ**. По-

слѣднее окончаніе, можетъ быть, вовсе не объясняется заимствованіемъ изъ основъ на **у**, а объясняется прямо-таки смѣшеніемъ начертаній **ъ** — **о**. Прежній мѣстный падежъ, употреблявшійся, правда, очень часто съ предлогами, постепенно теряетъ свою слабо сохраненную особенность — употребляться безъ предлога и становится вполнѣ падежомъ предложнымъ, при чемъ здѣсь также мы видимъ проникновеніе окончанія **у** (окончанія основъ на **у**), и это окончаніе является главнымъ образомъ, когда удареніе переносится на послѣдній слогъ, т. е. связывается съ этимъ **у**. При этомъ также надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ окончаніе **у** употребляется, когда обозначается мѣсто: въ торъжку, въ стану, на снѣгу и пр. Если **у** вытѣснило во многихъ случаяхъ **ѣ**, зато и **ѣ** вытѣснило окончаніе мягкаго склоненія **и**; постепенно такія древнія формы, какъ при отьци, замѣняются при отьцѣ.

Уже въ XIII в. мы отмѣчаемъ поступательное проникновеніе окончанія **ы** вмѣсто **и** въ форму именительнаго пад. мн. числа. Трудно съ увѣренностью отвѣтить на вопросъ, откуда это окончаніе. Скорѣе всего, оно является результатомъ отвердѣнія согласныхъ звуковъ подъ вліяніемъ другихъ падежей, такъ изъ раб, раба, рабу и пр. вырабатывается твердость **б**, отсюда и переходъ раби въ рабы. Болѣе принятымъ объясненіемъ является, что въ данномъ случаѣ вмѣсто формы именительнаго падежа выступаетъ форма винительнаго, но при такомъ объясненіи основная причина все же остается непонятной. Вообще, повидимому, въ созданіи послѣдующихъ формъ именительнаго падежа: рабы, дома, князья и пр. значеніе имѣли скрещивавшіяся разнообразныя вліянія, опредѣлить въ точности которыя въ настоящее время представляется крайне затруднительнымъ. Несомнѣнно, что въ укрѣпленіи окончанія **ы** сыграли роль и окончанія склоненія женскаго рода на **а**, оказавшія такое огромное вліяніе на образованіе окончаній множественнаго числа своими другими формами: амъ, ами, ахъ. Въ древнихъ памятникахъ можно и въ данномъ падежѣ отмѣтить вліяніе основъ на **у** въ такихъ случаяхъ, какъ пословѣ, татарове и пр. Что въ созданіи окончаній мн. числа играло роль много условій, на это указываетъ образованіе пад. окончанія **а** въ муж. родѣ.

Безспорно, что слова бока, ребра, берега, глаза и нѣк. др. получили **а** не изъ одного источника, какъ господа или даже дома, города. Окончаніе **а** въ ребра и др. подоб., скорѣе всего, могло бы быть объясняемо, какъ остатокъ двойственнаго числа, замѣнившее, такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ вообще двойственнаго числа, въ данномъ случаѣ окончаніе множ. числа; слѣдовательно, въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ первоначальнымъ, но **а** въ города, лѣса явленіе уже позднѣйшее, образовавшееся, можетъ быть, подъ вліяніемъ отчасти словъ, какъ ребра, и пр., отчасти подъ вліяніемъ средняго рода — села. Слово же господа сохраняетъ свое древнее окончаніе, только измѣняетъ своему прежнему значенію и переходитъ во множественное число. Ранѣе мы видимъ такое измѣненіе: господы, господѣ и пр., т. е. это было имя существительное собирательное, теперь же это слово склоняется по множественному числу, и имѣетъ свое единственное число въ словѣ господинъ. Единственнаго числа, какъ господа, были слова братья, княжья и пр. Не безъ вліянія этихъ формъ возникаетъ форма сыновья изъ первоначальной формы сынове, а также учителя, писаря и пр. Можно уловить и оттѣнокъ близости въ смыслѣ, именно обозначеніе извѣстнаго рода собирательности. Если теперь у насъ въ нѣкоторыхъ именахъ средняго рода во мн. ч. имен. пад. имѣется окончаніе **и** — окошки, яблоки, то и въ древнихъ памятникахъ мы замѣчаемъ иногда проникновеніе окончанія **ы** въ эту падежную форму: числы и др., впрочемъ, и теперь не только въ народныхъ говорахъ, но и въ литературномъ произношеніи можно встрѣтить: окны, бревны.

Постепенно распространяются окончанія **овъ** и **евъ**, вмѣсто древнихъ окончаній **ъ**, въ род. пад. мн. ч. Особенное распространеніе получаетъ **овъ**, а въ мягкомъ склоненіи преобладающее вліяніе оказываетъ окончаніе **ии**, переходящее затѣмъ въ **еи** (изъ склоненія путь).

Вмѣсто древнихъ окончаній дат. пад. **омъ** (для основъ на **о**) и **ъмъ** (для основъ на **у**) въ XIII в. уже появляется окончаніе **амъ**, заимствованное изъ склоненія ж. р. на **а**. Ак. Ягичъ предполагалъ, что это окончаніе прежде всего

проникаетъ къ формамъ средняго рода, потому что въ этихъ формахъ въ имен. пад. было уже **а**: села. Но собственно эти формы менѣе могли содѣйствовать подобному проникновенію, чѣмъ формы: рабы и пр., совпавшія по окончанію съ женскимъ родомъ.

Обращаетъ особенное вниманіе форма винительнаго пад. мн. ч. отъ мягкихъ основъ: конѣ. Окончаніе **ѣ** является въ данномъ случаѣ характернымъ для древне-русскаго языка. Теперь это окончаніе сохраняется лишь въ небольшихъ остаткахъ въ народныхъ говорахъ, въ литературномъ же языкѣ видимъ или замѣну родительнымъ падежомъ (въ именахъ одушевленныхъ) или окончаніе **и** (здѣсь аналогія съ твердымъ склоненіемъ, имѣющимъ **ы**). Было уже много попытокъ выяснить появленіе этого **ѣ** въ то время, какъ въ древне-ц.-славянскомъ языкѣ мы не находимъ соотвѣтствующей формы съ юсомъ малымъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей пытались (особенно это было раньше) вывести древнерусское **ѣ** изъ юса малаго, другіе же считаютъ формы древне-ц.-сл. и древнерусскую выработавшимися независимо другъ отъ друга изъ одной общей формы.

Въ творительномъ падежѣ можно отмѣтить въ памятникахъ своего рода борьбу окончаній. А именно древнія окончанія **ы** для тверд. основъ и **и** для мягкихъ основъ сначала замѣняются окончаніями **ъми**, **ьми**, такимъ образомъ заимствуются окончанія основъ на **у** и **и** (путьми). Затѣмъ постепенно начинаетъ преобладать окончаніе **ами**, заимствованное опять-таки изъ склоненія ж. р. на **а**. Въ нашихъ народныхъ говорахъ и теперь находимъ остатки древнихъ формъ.

То же вліяніе обнаруживается и въ предложномъ падежѣ, при чемъ сначала замѣчается, что въ мягкихъ основахъ вмѣсто окончанія **ихъ** выступало подъ вліяніемъ твердыхъ основъ окончаніе **ѣхъ**.

Въ склоненіи женскаго рода основъ на **а** обращаетъ на себя особенное вниманіе склоненіе мягкихъ основъ. Прежде всего въ именительномъ падежѣ здѣсь былъ рядъ словъ съ окончаніемъ **и**, какъ въ древне-ц.-слав., напр. пустыни, кънѧгыни; постепенно подобныя слова переходятъ въ разрядъ на **ѩ**, принимая это окончаніе. Въ род. пад. ед. числа имѣемъ каплѣ, т. е. окончаніе **ѣ**, которому въ древне.-ц.-

слав. соотвѣтствуетъ юсъ малый. То же самое окончаніе и то же соотвѣтствіе находимъ въ именит. и винител. падежахъ мн. числа. Какъ объяснить подобныя формы и ихъ соотношенія — представляется вопросомъ столь же труднымъ и сложнымъ, какъ ранѣе относительно подобныхъ соотвѣтствій въ склоненіи основъ на **о**. Уже въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ мы отмѣчаемъ проникновеніе въ форму род. падежа ж. р. мягкихъ основъ окончанія **и**, которое являлось подъ вліяніемъ сходнаго окончанія (**ы**) въ твердыхъ основахъ. Постепенно это окончаніе беретъ верхъ.

Вліяніе твердыхъ основъ оказывается и въ дательномъ падежѣ — очень рано начинаетъ появляться окончаніе **ѣ** вмѣсто древняго **и**.

Вліяніе основъ на **и** находимъ въ родительномъ падежѣ мн. числа въ проникновеніи окончанія **ей**, и въ твор. пад. мн. ч. оконч. **ьми**, **ми**. Само склоненіе на **и**, имѣвшее имена муж. и женск. рода, такъ же терпитъ немало измѣненій, сближаясь постепенно съ другими склоненіями, въ частности съ мягкимъ склоненіемъ на **о** (конь), то же надо отмѣтить относительно склоненія на согласную: м а т и, д о ч и, ц е р к ы и пр., — слова, измѣнявшіяся по этому склоненію, постепенно переходятъ въ разрядъ склоненій другихъ, сохраняя лишь свои суффиксы.

Уже въ памятникѣ XII ст. (жалованной грамотѣ кн. Мстислава) мы встрѣчаемъ мѣстоименіе **ꙗ**. Эта форма наряду съ другой ф. **ꙗ** з ъ являются постепенно замѣняющими привившуюся форму а з ъ. Гораздо позже, а именно въ памятникахъ XV в., имѣются формы м е н **ѧ**, т е б **ѧ**, с е б **ѧ** наряду съ болѣе древними м е н е, т е б е, с е б е. Эти формы родительнаго падежа, по всей вѣроятности, образовались подъ вліяніемъ именнаго склоненія, можетъ быть повліяло и окончаніе винительнаго падежа **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**. Въ дательномъ и предложномъ падежѣ уже въ Святосл. Из. 73 г. мы отмѣчаемъ с о б ѣ. Формы т о б ѣ, с о б ѣ являются характерными для древне-русскихъ памятниковъ, по всей вѣроятности, эти формы образовались подъ вліяніемъ творительнаго пад.

Въ XIII в., изрѣдка въ окончаніяхъ прилагательныхъ именъ вмѣсто **ъи** и **ьи** (имен. пад. муж. р.) встрѣчаются окончанія **ой** и **ей**, эти окончанія увеличиваются съ XV ст.

въ памятникахъ великорусскаго нарѣчія, при чемъ вообще окончанія **ой** и **ей** имѣются не только въ слогахъ подъ удареніемъ, но и безъ ударенія. Въ род. пад. ед. ч. муж. р. въ памятникахъ чисто русскихъ XII ст. мы уже вмѣсто окончаній др.-ц.-сл. а а г о, а г о, ꙗ г о, находимъ рус. **ого, его**, въ женскомъ же родѣ вмѣсто окончаній **ыꙗ**, **иꙗ** имѣемъ окончанія **ыѣ-ыи-оѣ** и **ѣѣ-еѣ**. Въ дат. пад. **ому-ему**, **ѣи-ии** и **ои-еи**. Въ мѣстномъ вмѣсто **ѣмь-имь** окончанія **омь-емь**. Конечно, всѣ эти формы чередуются и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе усиливается употребленіе формъ русскихъ.

Уже въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. встрѣчаются причастныя формы настоящаго времени (имен. пад. муж. р.) на **а** вмѣсто др.-ц.-слав. **ы**, напр.: р е к а. Окончаніе **а** въ данной формѣ является однимъ изъ характерныхъ признаковъ древне-русскихъ памятниковъ, постоянно мы встрѣчаемъ такіе примѣры: н е с а, ж и в а, з о в а и пр. Только въ памятникахъ съ особенно сильнымъ вліяніемъ древне-ц.-слав. языка удерживаются, очевидно, искусственныя формы н е с ы, ж и в ы и пр. Наряду съ окончаніемъ **а** въ памятникахъ 13—14 вв. начинаетъ появляться и окончаніе **ꙗ**(=**я**), такимъ образомъ появляются тѣ формы, которыя въ настоящее время употребляются въ качествѣ дѣепричастій. Если съ формальной стороны ясна причина появленія окончанія **ꙗ** (подъ вліяніемъ ф. х в а л ꙗ и др.), то затруднительнымъ является объясненіе появленіе **а**: н е с а. Можетъ быть, и здѣсь сыграло роль вліяніе такихъ глаголовъ, какъ х в а л и т и и др., при чемъ была воспринята основа окончанія (**а**) безъ сопровождавшей эту основу „мягкости“, а въ дальнѣйшемъ, путемъ постепеннаго проникновенія **ꙗ** (=**я**) проникла и эта „мягкость“. Если мы пользуемся окончаніемъ **я** не только для дѣепричастія настоящаго времени, но и для дѣепричастія прошедшаго времени (п р о й д я, у в и д я), то это смѣшеніе окончаній мы видимъ также и въ древнихъ памятникахъ (п о ж г а, п о и м а и др.). Древне-русскіе памятники раскрываютъ предъ нами любопытную картину, какъ постепенно причастія теряли свою измѣняемость и постепенно обращались въ дѣепричастныя формы. Нѣкоторыя формы начинаютъ преобладать и въ преобладаніи этомъ находится объясненіе народныхъ формъ дѣепричастій на у ч и, ю ч и, я ч и: и д у ч и, в с п о м и н а ю ч и, с и д я ч и и пр. (на образованіи подобныхъ

формъ можно видѣть вліяніе не только формы прич. женскаго рода им. пад. ед. числа, но и имен. пад. множ. ч. муж. рода).

То же постепенное превращеніе причастныхъ формъ въ дѣепричастныя представляетъ и исторія причастія прошедшаго времени. Здѣсь мы должны прежде всего отмѣтить постепенный ростъ и распространеніе формъ на **-въ**, которыя постепенно вытѣсняютъ формы на **-ъ**, **-ь**; формы несши, ведши и под. представляются окаменѣлостями древнихъ окончаній. Отмѣчаемыя часто въ народныхъ говорахъ формы на мши: ѣмши, дѣламши и подоб. могутъ, кажется, найти себѣ также объясненіе во вліяніи древнихъ формъ: възьмъ (отъ глагола възѧти). Форма възьмъ была вполнѣ правильной формой, наши формы: взявъ и пр. появились уже подъ указаннымъ ранѣе вліяніемъ причастій на **въ**. Такимъ образомъ, вполнѣ послѣдовательно образовавшаяся форма: въземши — взямши могла оказать вліяніе на другія формы. Нельзя не согласиться съ подобнымъ объясненіемъ, которое мы находимъ въ лекціяхъ ак. Соболевскаго, и незачѣмъ искать здѣсь, какъ высказывался въ своей спеціально посвященной данному вопросу статьѣ пр. д. Дурново, образованія этихъ формъ отъ причастій страдательнаго залога (противъ чего говоритъ прежде всего невозможность образовать отъ нѣкоторыхъ глаголовъ страдательный залогъ, а затѣмъ чрезмѣрная рѣдкость употребленія въ народныхъ говорахъ причастій страдательнаго залога).

Употребленіе формы причастія страдательнаго залога на **нъ** въ древне-русскихъ памятникахъ постепенно терпитъ измѣненія подъ вліяніемъ отпричастныхъ прилагательныхъ, оканчивавшихся на ньнъ, ненъ. Подвергаются вліянію причастныя формы полныя на ный, которыя постепенно получаютъ удвоеніе **н**. Такимъ образомъ, форма несеный была бы болѣе первоначальной, чѣмъ форма несенный, и наши причастія имѣютъ, слѣдовательно уже непервоначальныя окончанія. Въ народныхъ говорахъ мы встрѣчаемъ произношеніе данныхъ причастныхъ формъ съ однимъ **н**.

Въ спряженіи настоящаго времени отмѣтимъ особенно формы 3-го лица ед. и мн. числа. Особенностью древне-

русскихъ памятниковъ въ отличіе отъ древне-ц.-слав. въ этихъ формахъ является окончаніе **ть**. Правда, подобное окончаніе встрѣчается изрѣдка и въ памятникахъ древне-ц.-славянскихъ. Попадаются въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ и въ памятникахъ древне-ц.-слав., формы 3-го лица ед. и мн. ч. безъ окончаній **ть**. Во 2-мъ лицѣ ед. ч. **ши** постепенно замѣняется **шь**.

Въ первомъ лицѣ мн. числа, кромѣ обычнаго окончанія **мъ**, имѣются окончанія: **мы**, **мь**, **мо**, **ме**, **мя**.

Съ 13 в. мы замѣчаемъ замѣны двойственнаго числа множественнымъ. Интересно отмѣтить также, что иногда формы двойственнаго числа начинаютъ употребляться совершенно неправильно, замѣняя собою число множественное.

Въ формахъ повелительнаго наклоненія уже въ древнѣйшихъ памятникахъ отмѣчаются переходы въ ед. ч. **и** въ **ь** (если на **и** не было ударенія), и во множ. ч. переходы **ѣ** въ **и**, затѣмъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ **ь** (подъ вліяніемъ окончаній ед. числа). Въ исторіи отдѣльныхъ глаголовъ происходятъ и частичныя измѣненія, вызванныя главнымъ образомъ аналогіей. Такъ, напр., вмѣсто болѣе древней формы д а ж ь начинаетъ употребляться форма д а й (подъ вліяніемъ такихъ глаголовъ, какъ з н а й).

Въ древнихъ памятникахъ чисто русскаго происхожденія, напр., въ грамотахъ мы не встрѣчаемъ употребленія преходящаго времени. Это обстоятельство давало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ указывать на то, что въ русскомъ языкѣ уже не было тогда этой формы, а если эта форма и употребляется въ памятникахъ древнерусскихъ церковнаго характера, то это говоритъ лишь объ ея книжномъ существованіи. При этомъ надо замѣтить, что и въ этихъ послѣднихъ памятникахъ преходящее имѣло отличія отъ подобныхъ же формъ языка древне-церковно-славянскаго, именно окончанія были: ѧ х ъ, ѧ а х ъ. Весьма можетъ быть, что преходящее существовало въ древнюю пору русской письменности только, по всей вѣроятности, въ языкѣ образованныхъ русскихъ слоевъ, поэтому неудивительна будетъ и та нѣсколько искусственная форма, которая представляется въ ѧхъ, ѧахъ и т. д. Что преходящее не находило поддержки въ живомъ употребленіи (неискусственномъ), могутъ указывать постепенныя смѣшенія окончаній и чиселъ. Такъ, напр., въ

двойственномъ числѣ мы находимъ окончанія шта, ште вм. шета, шете, или въ 3-мъ л. ед. ч. вмѣсто ше окончаніе ша (изъ аориста 3 л. мн. ч.): придоша и позобаше и пр.

Судя по памятникамъ чисто русскаго происхожденія аористъ существовалъ въ древнюю пору русской письменности (аористъ на-хъ), но постепенно уступалъ свое мѣсто прошедшему сложному. Но впрочемъ, сказать съ увѣренностью, что формы аористныя были не книжнаго происхожденія нельзя, потому что мы видимъ все же неправильное употребленіе этихъ формъ, смѣшеніе ихъ съ формами преходящаго времени.

Интересное смѣшеніе аористныхъ формъ и ясное доказательство несуществованія этихъ формъ въ живомъ языкѣ даетъ фраза, правда — памятника уже нѣсколько болѣе поздняго времени (именно конца 16 в. — Житіе Геннадія Костромскаго): мы на конехъ яздяху а онъ никакоже требоваху, или тамъ же, старец створихъ молитву.

Вмѣсто аориста все чаще и чаще выступаетъ прошедшее сложное. Въ развитіи и измѣненіи прошедшаго сложнаго наблюдается одно любопытное явленіе — постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, первоначально при 3-мъ лицѣ ед. и мн. числа, а затѣмъ и при другихъ лицахъ. Если въ древне-п.-славян. памятникахъ мы изрѣдка встрѣчаемъ пропускъ вспомогательнаго глагола при 3-мъ лицѣ, то въ древне-рус. памятникахъ этотъ пропускъ дѣлается обычнымъ явленіемъ. Здѣсь, конечно, представляется интереснымъ вопросъ, почему этотъ пропускъ прежде всего начинается съ 3-го лица? и на этотъ вопросъ можно отвѣтить такимъ образомъ: постепенно глагольность сосредоточивается на формѣ причастной и роль вспомогательнаго глагола ограничивается главнымъ образомъ указаніемъ на лицо. При 3-мъ лицѣ, когда обыкновенно указывалось какое-либо подлежащее, эта роль сводилась ни къ чему, и поэтому былъ естественъ пропускъ вспомогательнаго глагола, какъ лишняго уже элемента предложенія. При 1-мъ и 2-мъ лицѣ подлежащее въ видѣ личныхъ мѣстоименій также употреблялось хотя и не всегда. Пропускъ этихъ мѣстоименій заставлялъ дольше удерживать вспомогательный глаголъ, ко-

торый являлся здѣсь именно какъ бы уже замѣной этихъ указательныхъ мѣстоименій.

Формы давнопрошедшаго выражались двояко какъ и въ древне-ц.-слав. языкѣ (б ѣ а х ъ п р и ш ь л ъ и ѥ с м ь б ы л ъ п р и ш ь л ъ). Русскимъ памятникамъ было болѣе свойствененно давнопрошедшее, которое имѣло форму - ѥ с м ь б ы л ъ п р и ш ь л ъ, отъ этой формы мы имѣемъ, напр., остатокъ въ формахъ: ж и л ъ - б ы л ъ.

Для выраженія условнаго наклоненія употреблялась форма прошедшаго сложнаго и аористъ отъ вспомогательнаго глагола быхъ: а з ъ д ѣ л а л ъ ѥ с м ь б ы х ъ. Въ исторіи этой формы можно отмѣтить постепенную замѣну формъ: б ы х ъ, б ы, б ы, б ы х о м ъ, б ы с т е, б ы ш ѧ, б ы - х о в ѣ, б ы с т е посредствомъ формы **бы**, при чемъ вспомогательный глаголъ: ѥ с м ь, ѥ с и и пр., какъ вообще въ прошедшемъ сложномъ постепенно началъ опускаться. Возьмемъ примѣръ выраженіе условнаго наклоненія изъ новгородскихъ грамотъ: ч т о б ы ш а н о в г о р о д ь ц и в с ѣ л и н а к о н я. Такимъ образомъ здѣсь еще нѣтъ образовавшагося изъ сложенія ч т о и б ы нашего союза ч т о б ы. Наряду съ такими формами употреблялись и слѣдующія: а щ е б у д е м ъ н а п и с а л и, такимъ образомъ будущее время въ качествѣ условнаго.

Остаткомъ этого будущаго, употреблявшагося иногда въ качествѣ сослагательнаго является уже частица б у д е (представляющая сокращеніе б у д е т ъ), употребляющаяся въ качествѣ: е с л и.

Интересны особенно случаи употребленія будущаго времени посредствомъ сложенія съ глаголомъ и м у (наряду съ этимъ употреблялись формы въ сложеніи съ и м а м ь, н а ч ь н у, п о ч ь н у, б у д у, х о ч у или выражались формою настоящаго времени совершеннаго вида).

Такъ называемое достигательное наклоненіе отмѣчается главнымъ образомъ въ памятникахъ до 15 ст. Правда, нѣкоторые изъ изслѣдователей (проф. Кочубинскій) находили употребленіе этой формы и въ памятникахъ 15 ст., но надо думать, что для сознанія писавшихъ въ то время врядъ ли различалась синтаксическая роль достигательнаго наклоненія отъ неопредѣленнаго, скорѣе всего это были уже своего рода пережитки. Вообще мы отмѣчаемъ постепенное сліяніе не-

опредѣленнаго наклоненія и достигательнаго, забвеніе спеціальной роли послѣдняго. Достигательное наклоненіе постепенно принимаетъ формы неопредѣленнаго наклоненія, т. е. оканчивается вм. **тъ** на **ти, ть.** Правда, указываютъ, что сохраняется иногда синтаксическое управленіе этого наклоненія, несмотря на измѣненіе его формы, именно остается употребленіе родительнаго падежа (вмѣсто винительнаго), который употреблялся обыкновенно послѣ достигательнаго наклоненія.

VI.

О современномъ русскомъ литературномъ языкѣ.

Первоначально русскимъ литературнымъ языкомъ былъ языкъ церковно-славянскій. Религіозно-церковный характеръ древне-русскаго просвѣщенія былъ причиною того, что церковно-славянскій языкъ надолго удержалъ значеніе языка литературнаго. Только въ XVII и наиболѣе ясно въ XVIII ст. выступаетъ уже русскій языкъ въ качествѣ языка литературнаго. Для древнерусскихъ книжниковъ даже не было сомнѣнія въ томъ, что церковно-славянскій языкъ и языкъ русскій понятія вполнѣ тожественныя. Въ періодъ господства на Руси церковно-славянскаго языка въ качествѣ языка литературнаго создаются уже матеріалы для будущаго выступленія въ этой роли языка русскаго. Прежде всего живой русскій языкъ находитъ себѣ выраженіе и обработку въ разнообразныхъ грамотахъ и законодательныхъ актахъ. Постепенно создается такимъ образомъ дѣловой языкъ съ извѣстными терминами, съ извѣстнымъ однообразіемъ въ своемъ синтаксическомъ строѣ. Этотъ языкъ образуется не безъ вліянія той же церковно-слав. письменности, въ которой, конечно, дьяки, приказные были очень начитаны. Писались эти памятники не безъ вліянія и иностранной (въ частности, греческой) литературы такого же рода. Если въ памятникахъ древне-церковно-славян. письменности, переписанныхъ или составленныхъ на Руси, мы замѣчаемъ проявленіе особенностей русскаго языка, то нечего говорить о томъ, что русскій языкъ въ различныхъ грамотахъ уже выступаетъ гораздо болѣе ярко. Онъ стремится здѣсь даже какъ бы прорвать ту плотину, которая была создана церковно-слав. графикой,

къ помощи которой приходилось прибѣгать и при этихъ самостоятельныхъ попыткахъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ уже рамки искусственности. Уже на первыхъ порахъ и дѣловой языкъ не могъ вполнѣ совпадать съ языкомъ разговорнымъ, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе отставалъ отъ этого языка въ силу уже своихъ застывавшихъ рамокъ, въ которыя съ трудомъ входили новые обороты, новыя слова. Если разговорный русскій языкъ вліялъ на церковно-слав. письменность, производя въ ней нѣкоторыя измѣненія, несогласныя со строемъ церковно-слав. рѣчи, то нечего и говорить о томъ сильномъ вліяніи, которое имѣла церковно-слав. письменность на разговорный русскій языкъ. Послѣднее обстоятельство является очень важнымъ и съ той точки зрѣнія, что изъ этого разговорнаго языка образовался впослѣдствіи русскій литературный языкъ. Такимъ образомъ дѣлается вполнѣ яснымъ все значеніе церковно-славян. языка въ созданіи русскаго литературнаго языка, дѣлается понятнымъ появленіе въ этомъ послѣднемъ элементовъ языка церковно-славянскаго. Въ развитіи новаго литературнаго языка сыграла особенно значеніе дѣятельность Петра Великаго, который много заботился о приближеніи письменнаго русскаго языка къ разговорному и потому выдвинулъ на первый планъ языкъ московскихъ приказовъ. Переводческая дѣятельность, предпринятая въ сравнительно широкихъ размѣрахъ въ это время, также сильно содѣйствовала скорѣйшему отдѣленію новаго литературнаго языка отъ языка древне-церковно-славянскаго.

Петръ стремился къ тому, чтобы переводы дѣлались на понятномъ языкѣ, хотя, правда, онъ вводилъ самъ (а также и его сотрудники) много иностранныхъ словъ. Послѣдняго требовали нужды различныхъ техническихъ познаній и заимствованіе уже сложившихся терминовъ было дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ ихъ выработка. Необходимо замѣтить, что проникновеніе словарнаго матеріала изъ разнообразныхъ источниковъ: сначала отъ сосѣднихъ народностей, затѣмъ изъ области литературной являлось и является однимъ изъ основъ создававшагося литературнаго языка и его отличій отъ языка церковно-славянскаго. Наплывъ иностранныхъ словъ въ русскую рѣчь наблюдается опять-таки съ реформъ Петра В. Съ другой стороны еще раньше много

словъ проникло въ русскій разговорный языкъ изъ письменности церковно-сл. и изъ языковъ финскаго, татарскаго, литовскаго и польскаго. Нѣкоторыя слова недолго просуществовали въ образовавшейся литературной русской рѣчи, другія измѣнили нѣсколько свою первоначальную форму, а въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ свое значеніе.

Церковно-слав. стихія вошла широкимъ русломъ въ русскую жизнь. Языкъ церкви, родственный по своимъ основамъ, проникалъ въ душу народную, съ этимъ языкомъ шелъ цѣлый рядъ новыхъ понятій — новыхъ словъ, которыя дѣлаются обиходными въ русской жизни. Конечно, особенно сильнымъ проводникомъ этой стихіи являлось русское духовенство, которое должно было передавать и внѣшній фонетическій строй новаго языка. Произношеніе звуковъ др.-ц.-сл. языка представителями русскаго духовенства приняло нѣкоторый искусственный оттѣнокъ: это произношеніе только отчасти подходило къ настоящему произношенію и въ то же время оно повліяло и на произношеніе чисто русскихъ словъ. Такимъ образомъ вновь создавшаяся фонетика церковнаго произношенія сыграла роль въ исторіи русскаго языка.

Слѣды вліянія древне-церковно-славянскаго языка въ русскомъ литературномъ языкѣ сказываются особенно въ слѣдующихъ особенностяхъ:

1. Проникновеніе словъ съ такой огласовкой: время, врагъ, среда, членъ, власть. Въ подобныхъ случаяхъ мы ожидали бы формъ такъ называемыхъ полногласныхъ. Въ русскомъ языкѣ существуютъ наряду съ полногласными формами: волость, сторона, горожанинъ, порохъ и др., формы, заимствованныя изъ церковно-слав.: власть, страна, гражданинъ, прахъ и др. Въ подобныхъ случаяхъ, пользуясь богатствомъ формъ, языкъ придаетъ такимъ словамъ разные оттѣнки значенія.

2. Въ русскомъ языкѣ зубные согласные **д** и **т** смягчались въ **ж** и **ч**, въ др.-ц.-сл. **д** въ **жд**, **т**-**шт** или **щ**. И вотъ въ русскомъ языкѣ мы видимъ цѣлые ряды словъ, въ которыхъ смягченіе происходитъ по законамъ церк.-сл. фонетики: эти слова являются заимствованными изъ ц.-сл. письменности и вошедшими такимъ образомъ въ русскій языкъ: рождество, надежда, одежда, помощь, мощь, пещера; чу-

ждый (чужой), хищный; осуждать, укрощать; побѣжденный, просвѣщенный (наряду съ русск. формами, обратившимися въ прилагат. имена — посаженый); ропщу, клевещу, трепещу; летящій, бродящій (русск. ф. на **чій** обратились также въ прилаг.: летучій, бродячій и пр.). Я привелъ слова по разрядамъ, чтобы виднѣе было вліяніе не только въ отдѣльныхъ случаяхъ.

3. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи, а затѣмъ въ русской литературной рѣчи **е** въ твердыхъ слогахъ подъ удареніемъ переходитъ въ **ё**. Но есть цѣлый рядъ словъ, заимствованныхъ изъ ц.-сл. и др. языковъ, гдѣ этого перехода нѣтъ: крестъ, жертва; надменный, откровенный. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы происходятъ переживанія: возьмемъ произношеніе слова — современный.

4. Слова: разумъ, разсказъ, разговаривать и пр., сложенныя съ приставкой **раз** по происхожденію др.-ц.-слав., такъ какъ въ русскомъ яз. этой приставкѣ **раз** соотвѣтствуетъ прист. **роз**. Въ сѣверно-великорус. говорахъ не только ударяемое **о** въ такихъ случаяхъ сохраняется, но и сохраняется **о** неударяемое: розбой, робота и пр. Въ переходѣ неударяемаго **о** въ **а** въ приставкѣ **роз** содѣйствовалъ, конечно, подобный же переходъ въ южно-великорусскихъ говорахъ.

5. Окончаніе **ніе** въ отглагольныхъ существительныхъ съ удареніемъ на **éніе** — спасеніе, умерщвленіе и пр. должно было бы передаваться **ье**, какъ то видимъ въ народныхъ говорахъ: успенье, и др. и передается иногда и въ литературной рѣчи.

Многія церковно-слав.-формы, бывшія въ русской литературной рѣчи, въ настоящее время исчезли. Еще напр. въ языкѣ Державина мы видимъ остатки имперфекта и аориста. Интереснымъ остаткомъ въ литерат. рѣчи является родительный пад.: **ея**. Этой формы въ русскомъ яз. нѣтъ, она представляется передѣлкою формы др.-ц.-сл. и не только раньше, но и теперь благодаря написаніямъ она произносится иногда въ такомъ искусственно созданномъ видѣ. Интересно, что долгое время сохранялась форма род. пад. прилаг. ж. р. на **ыя**, **ія**: и жало мудрыя змѣи.

Не такъ ясны для насъ слѣды отраженія южновеликорусскаго нарѣчія. Прежде всего если взять акапье, то послѣднее сказывается только на произношеніи (а произноше-

ніе, какъ извѣстно, не представляетъ чего-либо вполнѣ установленнаго во многихъ пунктахъ), на письмѣ же аканье получило отраженіе въ самыхъ незначительныхъ случаяхъ, такъ въ словахъ: паромъ, качанъ, работа, табакъ (раньше тобакъ), завтракъ (вм. завтрокъ), Авдотья, Алена и пр. Другая черта — произношеніе **г** также на письмѣ не сказывается (и, какъ въ предыдущемъ случаѣ, произношеніе не является для образованныхъ людей повсемѣстнымъ). Уже Тредьяковскій отмѣчалъ, что въ московскомъ говорѣ **г** произносится, какъ **h**, за исключеніемъ только соединеній съ **а**, **о**, **у**, когда оно звучитъ, какъ **g**. Въ сообщеніи Сумарокова мы видимъ, что въ простонародномъ произношеніи было **g**, въ произношеніи же церковно-сл. словъ было **h**. Такимъ образомъ произношеніе **г**, какъ **h**, можетъ быть обязано во многихъ случаяхъ не южновел. нарѣчію, а вліянію др.-ц.-сл. языка. Въ род. пад. мы произносимъ: пріятново, злово и пр., пишемъ же — аго; въ произношеніи нашемъ отмѣчаютъ уже вліяніе сѣверно-великорусское, потому что въ южно-великорусскомъ долженъ бы случиться переходъ неударяемаго **о** въ **а**. То же вліяніе сѣверно-вел. отмѣчается въ окончаніи 3-л. ведетъ, ведутъ (окончаніе твердое). Отмѣчается вліяніе южнов. (опять не констат. на письмѣ) — произношеніе твердое **ш**, **ж**, **ц** и мягкое **ч**, переходъ сочетанія **чн** въ **шн** (конешно, булошникъ, каковыя написанія и находимъ въ литерат. памятникахъ 18 ст.). Вліяніемъ южновел. говора объясняется появленіе окончаніе **ы** въ существительныхъ средн. рода: селы, румяны и пр. (неуд. **а** — въ **ы**). Если согласиться съ такимъ объясненіемъ то станутъ понятны и переходы въ сл.: яблоки, окошки и пр. Подъ вліяніемъ перехода въ склоненіи средняго рода въ мужескій получились узаконенныя въ литературѣ ф.: облаковъ, платьевъ, кушаньевъ (въ то время, какъ особенно распространенныя въ московск. говорѣ: мѣстовъ, дѣловъ не получили такого признанія). Тѣмъ же вліяніемъ южновел. объясняютъ и появленіе **а** въ оконч. имен. пад. мн. ч. въ м. р. вмѣсто **ы** (**я** вм. **и**). Можно наблюдать, какъ постепенно происходитъ замѣна въ подобныхъ случаяхъ, потому что раньше сплошь и рядомъ употреблялись окончанія **ы** и **и**: домы, парусы, вѣки и пр.

Такимъ образомъ необходимо отмѣтить, что опредѣле-

ніе вліянія русскихъ говоровъ и, въ частности, стремленіе опредѣлить вліяніе московскаго говора не подлежитъ такому точному учету какъ опредѣленіе основъ заимствованныхъ изъ др.-ц.-сл. языка. Послѣднія данныя являются фиксированными самой письменностью. Вліяніе же московскаго говора опредѣляется во многихъ случаяхъ далеко не съ такой увѣренностью, при чемъ можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ та или другая особенность получила начало въ періодъ, когда московское нарѣчіе не было положено въ основу языка литературнаго.

Далеко отстоитъ литературный языкъ отъ различныхъ народныхъ говоровъ. Разница прежде всего въ словарномъ матеріалѣ. Народъ не обладаетъ такимъ богатствомъ словарнаго матеріала, какъ образованные его классы, такъ какъ и жизнь его представляется гораздо болѣе простой и несложной. У просто народа нѣтъ того богатства понятій, идей, какимъ обладаетъ человѣкъ образованный. Въ созданіи русскаго литературнаго языка можно отмѣтить нѣсколько періодовъ, когда въ образованіи языка замѣтны были уклоны то въ ту, то въ другую сторону. Былъ періодъ, напр., увлеченія французской литературой и можно видѣть сколько тогда было заимствовано слова французскихъ, многія изъ этихъ заимствованій были нежизненны и погибли съ наступленіемъ періода отрезвленія.

Если мы захотѣли бы написать подробную исторію развитія нашего литературнаго языка, то должны были войти въ подробное изложеніе всего того, что сдѣлано было въ этомъ случаѣ не только крупными русскими писателями, но и писателями часто заурядными, войти въ подробную характеристику всѣхъ тѣхъ вліяній, которымъ подчинялись эти писатели. Можно отмѣтить все же, что вліянія были самыя разнородныя, подчасъ даже противорѣчивыя, такимъ образомъ языку пришлось въ своемъ теченіи итти очень извилистыми путями. Оцѣнка сдѣланнаго въ данномъ случаѣ даже крупными писателями не представляется вполнѣ учтенной наукой. Отмѣчены, впрочемъ, уже тѣ общія направленія, которыя выдвигаются съ тѣмъ или инымъ русскимъ писателемъ. Интересно отмѣтить разное отношеніе у русскихъ писателей въ данномъ случаѣ къ русскимъ народнымъ говорамъ и отношеніе къ источникамъ иноземнымъ.

* * *

Въ современномъ русскомъ языкѣ представляется однимъ изъ трудныхъ и еще неизслѣдованныхъ вопросовъ—удареніе. Въ учебныхъ грамматикахъ ему обыкновенно не отводится мѣста. На него какъ-то вообще мало обращается вниманія, между тѣмъ это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Есть, правда, нѣсколько работъ, посвященныхъ разработкѣ этого вопроса, но все же законы ударенія во многихъ случаяхъ до сихъ поръ остаются неясными. Для того, чтобы убѣдиться въ разнообразіи произношенія словъ въ разныхъ мѣстностяхъ, стоитъ просмотрѣть словарь Даля. Даже въ говорѣ людей образованныхъ мы замѣчаемъ иногда совершенно разную постановку ударенія на одномъ и томъ же словѣ. До сихъ поръ остается цѣннымъ трудъ Грота о русскомъ удареніи (въ I т. его „Филолог. разысканій" СПБ. 1876 г.). Здѣсь впервые мы видимъ группировку довольно большого матеріала и стремленіе уловить законы ударенія въ различныхъ случаяхъ его постановки. Работа касалась ударенія въ глаголахъ и ударенія въ именахъ существительныхъ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ работы Грота написаны послѣдующіе труды проф. А. И. Александрова (Русск. Филолог. Вѣстн. 82 г. — относительно ударенія въ существительныхъ, имѣющихъ суфф. икъ, ынь, ива, ева), Шарловскаго („Русское слогоудареніе" 84 г.) и еще ранѣе трудъ, посвящ. малорусск. ударенію — Ганкевича (въ Arch. f. sl. Ph. 77 г.). Работа Грота дала матеріалъ и изслѣдованію общаго характера проф. Р. Ѳ. Брандта — „Начертанію славянской акцентологіи" (СПБ. 80). Упомянутый общій трудъ Шарловскаго не отличается особыми научными достоинствами, но можетъ представлять интересъ по приводимому матеріалу. Цѣнными являются отдѣльныя замѣтки ак. А. И. Соболевскаго по исторіи отдѣльныхъ случаевъ ударенія. Въ практическомъ отношеніи можетъ имѣть значеніе небольшая работа г. Чернышева „Законы и правила русскаго произношенія" (въ Р. Ф. В. 906 г. № 3—4) и недавно изданная работа г. Огіенка „Русское литерат. удареніе" (Кіевъ 1914 г.).

Русское удареніе въ общемъ экспираторное. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы можемъ отмѣтить оттѣнки музыкальности. Русское удареніе разномѣстное, свободное, въ этомъ отношеніи оно сильно разнится отъ ударенія въ польскомъ яз. (гдѣ удареніе прикрѣплено ко 2-му отъ конца слогу), чешскаго (гдѣ удареніе на начальномъ слогѣ) и сближается съ удареніемъ въ болгарскомъ и сербо-хорватскомъ языкахъ (особенно съ чакавскимъ нарѣчіемъ).

Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ удареніе не ставилось. Начало постановки наблюдается лишь съ памятниковъ XIV ст., при чемъ здѣсь иногда трудно установить, чисто ли русское удареніе или древне-церк. славянское. То же можно сказать и о памятникахъ дальнѣйшаго времени, 15—17 вв., гдѣ постановка ударенiй все болѣе и болѣе увеличивается.

Русское удареніе очень гибкое, подвижное, при чемъ не стѣсненное количествомъ слоговъ, какъ въ греческомъ языкѣ. Какъ показываетъ сравненіе съ литовскимъ языкомъ и упомянутымъ чакавскимъ нарѣчіемъ сербо-хорватскаго языка, русское удареніе иногда удерживаетъ черты глубокой древности.

При опредѣленіи „правильности" или „неправильности" постановки ударенія необходимо руководствоваться данными сравнительнаго характера, необходимо, въ случаѣ возможности, привлекать аналогичные примѣры изъ родственныхъ языковъ. Нужно помнить, что въ дѣлѣ постановки ударенія на томъ или иномъ слогѣ огромное значеніе имѣетъ такъ называемая аналогія. Лучшимъ доказательствомъ могла бы служить обыкновенная передача какого-либо иностраннаго слова, когда оно входитъ въ цѣпь знакомыхъ звуковыхъ представленій и воспринимаетъ новую постановку ударенія. Тѣмъ же вліяніемъ ассоціаціи могло быть объясняемо часто и различное удареніе въ одныхъ и тѣхъ словахъ, напр., христіáнинъ-христіанйнъ, изобрѣтеніе-изобрѣтéніе, высóко-высокó и пр. Разницу въ такомъ направленіи можно подмѣтить въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ въ литературномъ языкѣ съ одной стороны и въ произношеніи тѣхъ же словъ въ нарѣчіяхъ, говорахъ — съ другой. Дѣйствіе этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, является причиною измѣненій въ произношеніи литературнаго языка (въ

данномъ случаѣ можно, напр., подмѣтить нѣкоторыя особенности въ удареніи въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ, принимая во вниманіе, конечно, иногда измѣненіе постановки ударенія подъ вліяніемъ стиха). Если мы возьмемъ такое слово, какъ ворота́, то появленіе воро́та можно объяснить вліяніемъ формы родительнаго падежа воро́тъ; разница въ постановкѣ удареній въ удало́й-уда́лый, люто́й-лю́тый и пр. могла бы быть объяснена вліяніемъ уда́лъ, лю́тъ и пр., благодаря чему болѣе древнее удареніе передвинулось. Подобное можно наблюдать и во многихъ другихъ случаяхъ.

Изъ приведенныхъ уже примѣровъ можно было бы вывести одинъ изъ основныхъ законовъ русскаго ударенія — его подвижность. Эта подвижность наблюдается въ массѣ разнообразныхъ формъ, примѣровъ, и она также является иногда одною изъ причинъ колебанія въ постановкѣ ударенія. Возьмемъ такія формы съ подвижнымъ удареніемъ: гублю-гу́бишь, хвалю-хва́лишь, тону́-то́нешь и пр. во́лкъ-волка́, волку́ . . . богаты́рь-богатыря́ . . . сте́пь род. п. сте́пи, предл. степи́ . . . Если отъ глаголовъ гублю, хвалю и пр. будемъ образовывать причастіе настоящ. времени, то въ формахъ послѣдняго наталкиваемся на нѣкоторое колебаніе въ постановкѣ ударенія въ силу передвижки этого ударенія въ другихъ глагольныхъ формахъ: губя́щій-гу́бящій (вторая форма подъ вліяніемъ гу́бишь и пр.). Перенесеніе ударенія бываетъ иногда на предлогъ: по́ воду, за́ ногу, и въ такихъ даже случаяхъ: о́ттепель, по́чести и пр. Наряду съ этимъ, конечно, сплошь и рядомъ удареніе остается. Имѣются такіе случаи: по́зывъ, позы́въ. Въ сложеніи съ разными приставками измѣняется въ словѣ удареніе: вы́ставка, поста́вка, вы́бѣгъ, побѣ́гъ, набѣ́гъ. Въ словахъ: вы́сыпать и высыпа́ть замѣчается уже и видовое отличіе, то же можно сказать и относительно: дви́гать, задвига́ть, кли́кать, наклика́ть и пр. Стоитъ сравнить въ данномъ случаѣ и такіе глаголы: пу́хнуть, мо́кнуть — кольну́ть, хлебну́ть и пр. Наряду съ подобнымъ передвиженіемъ, какъ но́съ-но́са-носы́ заслуживаетъ вниманія и обратное передвиженіе: окно́-о́кна, колесо́-коле́са и др. Оттяжка ударенія въ предложномъ падежѣ на у происходитъ даже въ такихъ словахъ: бе́регъ, бе́рега, на берегу́. То же можно сказать и объ окончаніи

мн. ч. на **а**: берегá и др. Это **á** при существованіи другого окончанія **ы** придаетъ слову извѣстный оттѣнокъ значенія: хлѣбá, хлѣ́бы и др. Можно привести цѣлый рядъ словъ, гдѣ съ извѣстнымъ удареніемъ при одинаковости звукового комплекса связывается то или другое значеніе: пари́ть, пá-рить, добрóта, добротá, верхóмъ, вéрхомъ, вóвремя, во врéмя, крýгомъ, кругóмъ и др. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ съ разно ставимымъ удареніемъ: бáловáть, сéрди́ться, терéби́ть, библіóтéка, грáждани́нъ, жи́ли́ще, прáбáбка, сáжéнь, рáвéнство, мы́шлéніе, и́згнáнникъ, зáсýха и др.

VII.

Къ методикѣ объяснительнаго чтенія.

Въ заключеніе я хочу остановиться на одномъ вопросѣ, который хотя и не имѣетъ прямого отношенія ко всему предыдущему, но зато представляетъ огромное значеніе въ дѣлѣ школьнаго преподаванія русскаго языка. Въ частности, этотъ вопросъ долженъ пріобрѣсти особенное значеніе въ томъ же 4-мъ классѣ съ введеніемъ въ этомъ классѣ начатковъ изученія теоріи словесности. Этотъ вопросъ — такъ называемое объяснительное чтеніе и его методика.

„Одною изъ главныхъ цѣлей преподаванія русскаго языка, справедливо замѣчаетъ проф. Кульманъ въ своей методикѣ, является обученіе чтенію въ широкомъ смыслѣ этого слова: умѣть хорошо читать книгу, т. е. сознательно отнестись къ ней, извлечь изъ нея возможно больше, — есть дѣло навыка, который пріобрѣтается только путемъ долгихъ упражненій. Преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній знаютъ, съ какимъ трудомъ ихъ ученики читаютъ серьезную книгу въ первый годъ пребыванія въ высшей школѣ: почти всегда обнаруживается неспособность дать отчетъ въ прочитанномъ, указать основныя мысли, уяснить построеніе научнаго сочиненія, хотя бы самаго простого. Вотъ почему прежде всего приходится учить студентовъ читать. Между тѣмъ, если бы средняя школа обращала на эту сторону больше вниманія, то работа профессоровъ была бы значительно облегчена“.

До сихъ поръ не выясненной представляется нашими методиками задача объяснительнаго чтенія. Задачи и цѣли объяснительнаго чтенія опредѣляются разно, и особенное

разнообразіе, конечно, мы находимъ на практикѣ. Очень часто даже объяснительное чтеніе ведется преподавателями не послѣ долгой предварительной работы, а такъ, какъ Богъ на душу положитъ и какъ потому подсказываетъ выработавшаяся привычка.

Неумѣнье вести объяснительное чтеніе можетъ сослужить плохую службу: можетъ способствовать пагубной привычкѣ поверхностнаго чтенія. Если задачей объяснительнаго чтенія является научить вдумчиво читать, научить отдавать себѣ ясный отчетъ въ прочитанномъ, то послѣ каждаго объяснительнаго чтенія долженъ оставаться осязательный результатъ отъ прочитаннаго — учащійся долженъ всякій разъ чувствовать, что онъ пріобрѣлъ что-то. А можно ли сказать послѣднее относительно объяснительнаго чтенія у многихъ преподавателей? Часто остается какое-то грустное чувство послѣ пережитой скуки отъ слушанныхъ статей въ классномъ чтеніи.

„Помнится при самомъ началѣ нашей педагогической работы, говоритъ Алферовъ, вопросъ объ объяснительномъ чтеніи былъ для насъ однимъ изъ самыхъ мучительныхъ вопросовъ. Какая цѣль этого занятія? На что тутъ надо обращать вниманіе? Произвольное ли это дѣло, или у этого предмета есть какое-либо опредѣленное объективное содержаніе? Все это насъ волновало, заставляло обращаться къ опытнымъ преподавателямъ, но ихъ указанія мало давали намъ удовлетворенія. И вотъ, теперь, послѣ многихъ лѣтъ работы, стараясь отдать себѣ отчетъ въ основахъ этого дѣла, мы должны признаться, что содержаніе такъ называемаго объяснительнаго чтенія сейчасъ для насъ представляется дѣломъ спорнымъ“ (Родной языкъ, 150).

Если такъ говоритъ опытный преподаватель, безспорно отличающійся недюжинными преподавательскими способностями (какъ показываетъ его во многихъ отношеніяхъ прекрасно написанная книга), то можно себѣ представить то положеніе, въ какомъ находится данный вопросъ у многихъ другихъ преподавателей русскаго языка.

Оказывается — не только иногда неясны бываютъ цѣли и задачи объяснительнаго чтенія, что производитъ и разнообразіе пріемовъ при примѣненіи въ жизни этого отдѣла, но иногда вообще объяснительное чтеніе отрицается

даже какъ вредное. Особенно такое отношеніе замѣчается у нѣкоторыхъ представителей свободнаго воспитанія, которые и въ данномъ вопросѣ считаютъ необходимымъ провести свои принципъ. Они не допускаютъ какого-то посредствующаго звена особенно между поэтическимъ произведеніемъ и учащимся въ видѣ преподавателя и считаютъ въ данномъ случаѣ объяснительное чтеніе своимъ врагомъ. Дѣйствительно, та катехизація, которая часто продѣлывается надъ художественнымъ произведеніемъ въ состояніи убить должное быть впечатлѣніе, и преподаватель такимъ образомъ выступаетъ въ роли дѣйствительно вредной, но вѣдь этого по существу быть не должно и изъ ошибокъ жизни, практики нельзя выводить вредъ даннаго вопроса съ принципіальной точки зрѣнія. Въ данномъ случаѣ отрицающіе не только значеніе объяснительнаго чтенія, но и признающіе даже вредъ его впадаютъ въ односторонность. Надо помнить также, что анализъ необходимъ при чтеніи художественныхъ произведеній уже потому, что многое не можетъ быть понято учащимися или будетъ понято превратно. Надо только умѣло поставить этотъ анализъ, сдѣлать такъ, чтобы не уничтожилъ этотъ анализъ художественнаго воспріятія.

Объяснительное чтеніе не должно сводиться на выясненіе значенія отдѣльныхъ словъ. Подобная работа будетъ скучной, она не вызоветъ самодѣятельности учащихся. Такъ какъ самымъ интереснымъ для учащихся является содержаніе, на послѣднемъ и надо строить главнымъ образомъ работу класса, въ зависимости лишь отъ послѣдняго надо ставить работу словотолкованія. Трагическимъ часто получается создающееся положеніе объяснительнаго чтенія у насъ, когда выдвигается на первый планъ словотолкованіе, и при этомъ слова толкуются совершенно неправильно. Задайте вопросъ такому учителю-словотолкователю, въ чемъ же заключается его работа, онъ отвѣтитъ, что работа эта въ выработкѣ слога, языка учащихся, но какъ эта работа должна итти, онъ вамъ или не отвѣтитъ, или отвѣтитъ общими ничего не говорящими положеніями и фразами. Поэтому-то прежде всего преподавателю необходимо ознакомиться со всѣми теоретическими и практическими трудами въ области объяснительнаго чтенія. Необходимо преподавателю прежде всего ознакомиться съ тѣми вопросами, которые вызываются

этимъ очень важнымъ отдѣломъ преподаванія. Затѣмъ важнымъ является вдумчивое отношеніе къ прочитанному. Безъ этого, можно думать, преподаватель впадетъ въ тѣ многочисленныя ошибки, въ которыя впадали его предшественники учителя-практики.

Главная цѣль объяснительнаго чтенія — научить читать, научить вдумываться, понимать прочитанное. Задача эта требуетъ огромныхъ усилій и должна сопровождаться со стороны преподавателя работой самаго различнаго характера. Пониманіе преподавателемъ художественныхъ произведеній поможетъ учащемуся подойти къ болѣе полному воспріятію красотъ этого произведенія. Разъясненіе плана, идеи прочитанной статьи иногда является прямо-таки необходимымъ для учащагося, который самъ безъ посторонней помощи не сможетъ продѣлать на первыхъ порахъ подобной работы. Но только во всемъ этомъ необходима мѣра, необходимо, чтобы при чтеніи даже небольшой статьи было бы замѣтно учащемуся, что онъ дѣлаетъ для себя полезную работу, что онъ обогащаетъ свои познанія или увеличиваетъ свою способность воспринимать худож. произведенія.

Безъ этого всего объяснительное чтеніе утратитъ свое значеніе и огромную пользу, оно дастъ такіе результаты, къ которымъ не безъ справедливости такъ отрицательно относятся противники этого чтенія.

Надо помнить всегда связь мысли и слова и въ выясненіи этого ставить главную задачу объяснительнаго чтенія. Отсюда уже будетъ яснымъ отношеніе наше къ тому положенію, котораго добивались отъ объяснительнаго чтенія Ц. и В. Балталоны. Чтеніе должно воспитывать, но въ задачи преподавателя русскаго языка не должно исключительно входить подобное направленіе. Совершенно справедливо отзывается Алферовъ о лучшихъ хрестоматіяхъ нашихъ (такъ напр. „Нашъ міръ" или „Живое Слово"), что онѣ преслѣдуютъ не задачи русскаго языка, а на первый планъ ставятъ пониманіе и знаніе окружающей природы (въ „Живомъ Словѣ" кругъ статей распредѣленъ по временамъ года). Правъ Алферовъ, замѣчая, что чтеніе моральныхъ произведеній, облеченныхъ въ художественную форму, можетъ быть лишь подспорьемъ въ дѣлѣ воспитанія въ умѣ-

ренномъ количествѣ. Сами же художественныя произведенія не потому должны имѣть здѣсь значеніе, что они (какъ думали гг. Балталоны) должны восхищать, волновать дѣтскій міръ. „Мы не думаемъ, чтобы школа должна была „восхищать“ и „волновать“ дѣтей: нужно, чтобы онѣ ее любили, охотно бы въ ней работали и иногда, только иногда приходили бы въ „восхищеніе“ или радостно „волновались“. Намъ представляется, что постоянно напрягать дѣтскую душу и нервы восторгомъ и волненіемъ — это значитъ слишкомъ ихъ надрывать и утомлять...“ (160).

„Намъ думается, что сущность веденія объяснительнаго чтенія сводится къ умѣнію руководить преніями, предсѣдательствовать, поддерживать то, что идетъ къ выясненію вопроса, поддерживать и тѣхъ дѣтей, которыя искренно и просто хотятъ содѣйствовать пониманію стоящей передъ всѣми задачи. Сколько разъ намъ приходилось видѣть, какъ какая-нибудь робко поднимающаяся дѣтская рука, незамѣченная преподавателемъ или преподавательницей, грустно опускалась, и какъ гасли при этомъ на дѣтскомъ лицѣ было освѣтившія его надежды и оживленіе. И кто знаетъ, насколько могло бы подняться творчество работы всего класса, если бы такія робкія попытки, во-время замѣченныя, получали бы поддержку и укрѣпляли и вѣру въ себя у какой-нибудь скромной ученицы или ученика“ (Алферовъ. Родной яз., 166—7).

„Вообще намъ кажется, что тайна живого и плодотворнаго преподаванія именно и заключается въ томъ, чтобы чутко относиться къ тому, чѣмъ живетъ, чѣмъ заинтересовался (по существу урока) въ данную минуту вашъ классъ, и цѣлесообразно, тактично на это отзываться; сколько разъ приходилось намъ наблюдать, какъ умно задуманный урокъ оставался мертвымъ, шелъ мимо класса, въ которомъ гасла и гасла жизнь именно потому, что преподаватель не чувствовалъ, не замѣчалъ этой жизни, которая возникала у него на глазахъ, потому что ему чужда была способность войти въ чужое положеніе, признать и понять законность угла зрѣнія не совсѣмъ того, который имѣетъ онъ самъ“ (Алферовъ, 171).

Предварительная работа преподавателя надъ статьей, которая послужитъ предметомъ объяснительнаго чтенія,

должна состоять, конечно, прежде всего въ томъ, чтобы намѣтить мѣста или отдѣльныя слова, которыя потребуютъ объясненія, затѣмъ необходимо составить себѣ планъ. При примѣненіи объясненій или выработаннаго плана не надо, конечно, стремиться къ тому, чтобы эти объясненія и планъ были восприняты учениками безъ измѣненій, а измѣненія могутъ свободно выработаться въ теченіе классной работы. При выработкѣ плана въ классѣ лучше всего дать предварительно ученикамъ подумать относительно возможности дѣленія статьи, относительно количества частей въ дѣленіи. Послѣднее дастъ возможность активнѣе ученикамъ принять участіе въ занятіяхъ. Отъ этой работы получится цѣлый рядъ извѣстнаго рода проектовъ плана, и здѣсь учителю предоставляется полная возможность показать, почему тотъ или другой планъ неудаченъ, почему надо предпочесть ту, а не иную выработку этого плана. Указаніемъ соотношенія частей, ихъ послѣдовательности, безспорно, можно оказывать благотворное вліяніе на развитіе логическихъ способностей учащихся. Сама работа будетъ интересна для нихъ.

Выясненіе отдѣльныхъ словъ, отдѣльныхъ выраженій должно быть продѣлываемо учащими послѣ предварительной работы, послѣ необходимыхъ часто справокъ для точности. Здѣсь не должно быть объясненій неточныхъ или какихъ-либо неестественныхъ сопоставленій для опредѣленія трудно поддающагося смысла слова. Надо замѣтить, что очень часто при объясненіяхъ словъ допускаются грубыя ошибки, потому что учащій предварительно самъ не обдумаетъ, какъ точнѣе объяснить то или другое слово. Неразъ приходится обращаться и за помощью къ ученикамъ и къ ихъ непосредственному чутью языка, но ученики часто даютъ совершенно неправильныя толкованія. Иногда вся работа носитъ здѣсь крайне скучный характеръ, иной учитель проходитъ мимо нея, находя болѣе важнымъ лишь умѣнье со стороны учащихся передать все прочитанное произведеніе въ общемъ. Это, конечно, совершенно неправильное отношеніе къ предмету. Передача въ общемъ только тогда и пріобрѣтаетъ свое значеніе, если ясны детали изъ которыхъ составляется это общее.

Какъ передавать общее содержаніе прочитаннаго? Передавать ли, стараясь воспроизводить послѣдовательно все

прочитанное, или какъ-либо иначе? Обыкновеннымъ способомъ у насъ является послѣдовательная передача прочитаннаго. Надо относительно этого сказать, что невсегда такая передача является полезною. Передавать, напр., въ 4-мъ классѣ какую-либо статью, является ошибкой, потому что ученикамъ уже въ извѣстномъ возрастѣ трудно и неинтересно передавать совершенно ненужныя детали. Между тѣмъ передача содержанія съ измѣненіемъ плана автора, по извѣстнымъ вопросамъ, которые заставляли бы учащихся задумываться и работать самостоятельно, принесла бы гораздо большій результатъ. И въ младшихъ классахъ можно побуждать къ такой самостоятельности, при чемъ очень легко уничтожить могущее быть выставленнымъ возраженіе, что такимъ образомъ мы менѣе даемъ возможность практиковаться въ языкѣ. Правъ Шереметевскій, когда указываетъ, какъ портимъ мы учениковъ, когда заставляемъ придерживаться при передачѣ желанія воспроизвести „своими словами прочитанное". „Нельзя не возстать лишь противъ подробныхъ разсказовъ своими словами, всего что бы ни читалось. Положимъ, прочитана и объяснена обычнымъ экзаминаціоннымъ способомъ та же басня Крестьянинъ и Работникъ. Требуется сейчасъ же разсказать ее своими словами. Но откуда же возьмутъ свои слова тѣ полусловесныя существа, которыя именно за неимѣніемъ своихъ словъ постоянно и заучиваютъ буквально текстъ учебника по любому предмету и также буквально въ классѣ сказываютъ заученное? Если бы такое требованіе было предъявлено самому учителю, то далеко не всякій безъ подготовки сумѣлъ бы исполнить его удовлетворительно. И что же получилось бы вмѣсто Крыловской басни, даже при удовлетворительномъ пересказѣ? Вмѣсто бойкой, игривой, мѣткой рѣчи, вмѣсто мастерскаго стиха, окрыленнаго ритмомъ и заостреннаго риѳмой, получилось бы какое-то блѣдное, вялое, тяжелое, казенно-форменное прозаическое переложеніе" (73—74).

Можно прочитанное произведеніе разбить на части, стремиться подыскать отдѣльныя заглавія этимъ частямъ, можно видвинуть разнаго рода обобщенія, напр. попытаться составить характеристику того или другого лица или заняться опредѣленіемъ различныхъ выставленныхъ чертъ характера. Не безъ основанія выдвигается, напр., все то удоб-

ство, которое представляютъ для разбора въ данномъ случаѣ басни, дающія возможность остановиться на разсказѣ и на выпукло очерченныхъ лицахъ. Разсказъ небольшой, сюжетъ сразу опредѣляется, опредѣляются и дѣйствующія лица, потому что они обрисованы немногими, но сильными чертами. И дальнѣйшая работа можетъ быть продѣлана надъ баснями именно въ сближеніи этихъ басенъ по основной заложенной мысли съ пословицами. Шереметевскій обращаетъ вниманіе на то, что анализъ, продѣлываемый надъ баснями, сослужитъ свою службу и для дальнѣйшаго въ анализѣ болѣе обширныхъ произведеній — въ драмѣ, комедіи, потому что въ баснѣ въ миніатюрѣ заключаются тѣ же элементы, которые тамъ гораздо труднѣе вскрыть. Въ этомъ случаѣ онъ даетъ, напр., очень подходящее сопоставленіе „Лжеца“ и Хлестакова, отмѣчая только, что ситуація „Лжеца“ и Хлестакова получается разная, такъ какъ ихъ хвастовство находитъ разную почву въ слушателяхъ. Я соглашаюсь съ тѣмъ общимъ положеніемъ, которое было высказано Шереметевскимъ, о желательности задаванія предварительна на домъ того образца, который будетъ читаться затѣмъ въ классѣ. Иначе — получается неестественная картина: въ классъ является преподаватель, заранѣе обдумавшій то, что будутъ читать, и ученики, которые не знаютъ ничего. Съ одной стороны, запасъ различныхъ вопросовъ, съ другой — ихъ отсутствіе. При домашнемъ чтеніи у ученика могутъ возникнуть такіе вопросы, которые сразу и не придутъ ему въ голову въ классѣ. У всѣхъ учениковъ уже будетъ общій матеріалъ и работа надъ этимъ матеріаломъ будетъ гораздо болѣе дружной и интересной, чѣмъ въ противномъ случаѣ.

При объяснительномъ чтеніи энциклопедическаго характера преподаватель русскаго языка беретъ неподобающую себѣ задачу. Преподаватель русскаго языка не можетъ браться какъ бы за выработку всего міросозерцанія ученика, за эту задачу должна браться школа и вся окружающая ученика обстановка. Слѣдовательно, задача должна быть сужена и ограничена только языкомъ и требованіями для развитія извѣстной лишь стороны изученія послѣдняго — русской рѣчью ея законами, правилами письма, выработкой устной и письменной рѣчи.

Собственно говоря, объяснительное чтеніе должно подготавливать къ той также работѣ, которая представляетъ для многихъ изъ преподавателей русскаго языка огромныя затрудненія — къ веденію сочиненій. Тѣ цѣли и задачи, которыя вносятся нами для объяснительнаго чтенія, должны характеризовать и сочиненія ученическія, охраняя преподавателей отъ задаванія темъ, не имѣющихъ отношенія къ предмету русскаго языка, и охраняя учащихся отъ тѣхъ голословныхъ сужденій, къ которымъ ихъ пріучаетъ ложно вводимый энциклопедизмъ.

Характеръ объяснительнаго чтенія долженъ мѣняться съ возрастомъ учащихся. Нельзя, напр., ограничиваться одними и тѣми же пріемами объяснительнаго чтенія въ 1 и 4 классахъ, потому что работа, производимая въ 1-мъ классѣ, уже будетъ скучной и безполезной въ классѣ старшемъ. Если для мальчика 1-го класса можетъ еще представить интересъ отрывочная передача того, что читается въ классѣ, да и то невсегда, то подобная работа въ 4-мъ классѣ кромѣ скуки ничего не дастъ. Если въ 1-мъ классѣ можно возбуждать извѣстную самостоятельность при передачѣ прочитаннаго, то это особенно необходимо въ классѣ старшемъ.

Не только самъ учитель долженъ наводить на эту самостоятельную работу своими вопросами, но слѣдуетъ предоставить возможность задавать интересующіе вопросы самому классу.

Говоря о предварительномъ прочтеніи на дому, мы тѣмъ самымъ соединяемъ какъ бы классное и внѣклассное чтеніе. Дѣлая такую связь, мы подходимъ и на помощь къ внѣклассному чтенію, которое остается безъ призора. Установивъ эту связь, мы сдѣлаемъ позже возможнымъ разбирать въ классѣ болѣе обширныя произведенія, прочтенныя учащимися на дому.

Я остановлюсь подробно еще на одной очень важной сторонѣ нашего чтенія, сплошь и рядомъ находящейся въ пренебреженіи.

Прежде всего поражаетъ посѣщающаго уроки объяснительнаго чтенія то обстоятельство, что обыкновенно очень мало обращается вниманія на самое чтеніе, на выразительность, не говоря уже о художественности передачи поэтическихъ произведеній. Какъ-то забывается преподава-

телями огромное значеніе этой стороны. Сами преподаватели не обращаютъ вниманія на выработку и собственнаго чтенія, поэтому происходитъ пренебреженіе этой стороной при объяснительномъ чтеніи. Между тѣмъ эта сторона могла бы возбудить огромный интересъ среди учащихся. Достаточно вспомнить, съ какой подчасъ скукой происходятъ объяснительныя чтенія различныхъ художественныхъ произведеній. „Одно только искусное чтеніе, говорилъ Гоголь, можетъ установить о нашихъ поэтахъ ясное понятіе". Попробуйте заставить учащихся обратить вниманіе на эту сторону и вы увидите, какой интересъ пріобрѣтетъ урокъ въ ихъ глазахъ, вы увидите, съ какимъ жаромъ примутся они другъ предъ другомъ за передачу даже тонкихъ оттѣнковъ мысли. Я сказалъ бы, что самъ преподаватель можетъ иногда поучиться той непосредственной художественной передачѣ, которая можетъ сказаться въ произношеніи того или другого ученика или ученицы. Стоитъ сравнить, какъ произносятъ часто стихотворенія дома мальчики и дѣвочки и затѣмъ въ классѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ данномъ случаѣ классная жизнь, какая-то классная традиція кладетъ свою мрачную печать монотонности на ихъ живое воспроизведеніе поэтическихъ произведеній.

Посмотримъ теперь, что же можно сдѣлать для того, чтобы добиться хорошаго чтенія. Прежде всего, конечно, самъ преподаватель долженъ подавать въ данномъ случаѣ примѣръ, самъ долженъ учиться хорошему чтенію. Надо учиться здѣсь путемъ подражанія и путемъ теоретическаго освѣщенія тѣхъ особенностей, которыя создаютъ хорошее чтеніе. Посмотримъ на эти послѣднія. Впрочемъ, надо помнить, что знаніе этихъ особенностей, знаніе чисто теоретическое сдѣлать всего не можетъ. „Мнѣ приходилось, говоритъ Лубенецъ (Педагог. бесѣды, 107), слышать лекцію опытнаго педагога, составителя книги о выразительномъ чтеніи, въ которой лекторъ прекрасно объяснялъ слушателямъ всѣ тонкости правилъ, остановокъ, логическихъ удареній, паузъ, интонаціи и проч. Когда же онъ подтверждалъ свои теоретическія правила примѣрами изъ образцовыхъ русскихъ писателей, то выразительность его чтенія вызывала смѣхъ въ слушателяхъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что законы и правила, на которыхъ основывается чте-

ніе, не даютъ дара выразительнаго чтенія“. Этотъ примѣръ, приведенный г. Лубенцемъ, является уже, конечно, своего рода крайностью, хотя и крайностью характерной: здѣсь, очевидно, не только практическое неумѣніе примѣнить правила, но и ошибочное примѣненіе этихъ самихъ правилъ. Дѣйствительно, если бы упомянутый лекторъ прочелъ бы взятые имъ отрывки, добиваясь хотя бы только логической правильности, проявивъ вполнѣ доступную простоту въ чтеніи, то его чтеніе во всякомъ случаѣ не могло бы вызывать смѣха, въ крайнемъ случаѣ оно могло бы быть только не художественнымъ.

Въ чтеніи, такимъ образомъ, надо отдѣлять нѣсколько сторонъ. Прежде всего надо добиваться естественности въ чтеніи. Здѣсь мы замѣчаемъ прежде всего и промахи въ чтеніи учащихся и часто даже учителей. Это можно особенно сказать относительно чтенія стихотвореній. Остановки въ чтеніи дѣлаются не тамъ, гдѣ это надо, а въ концѣ каждаго стиха и потому получается прежде всего чтеніе совсѣмъ неправильное. Между тѣмъ правильности въ данномъ случаѣ и такимъ образомъ естественности добиться совсѣмъ нетрудно: надо побольше только интереса и вниманія къ данному вопросу. Надо разъ навсегда замѣтить, что конецъ стиха не требуетъ въ то же время и остановки. На остановки прежде всего, конечно, указываютъ знаки препинанія. Слѣдовательно, надо обращать вниманіе на постановку этихъ послѣднихъ, при чемъ, конечно, выполнять въ произношеніи требованіе бо́льшей или меньшей остановки смотря по тому или другому знаку препинанія. Знаки препинанія облегчаютъ задачу нашу при произнесеніи предложеній или частей предложеній, но въ то же время мы дѣлаемъ еще нѣсколько меньшія остановки при произнесеніи отдѣльныхъ словъ, нераздѣленныхъ знаками препинанія. Въ одномъ предложеніи можетъ существовать нѣсколько очень небольшихъ остановокъ. Здѣсь уже особенно необходимо вниманіе, чтобы не дѣлать остановокъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, необходимо слѣдить затѣмъ, чтобы тѣсно примыкающія по смыслу слова не были нами раздѣляемы въ произношеніи.

Такимъ образомъ первой, подготовительной ступенью будетъ расчлененіе стихотворенія на части по отношенію къ паузамъ, и опредѣленіе бо́льшей или меньшей продолжи-

тельности паузъ. Для этого приходится стихотворенiе дѣлить на части и устанавливать отношенiе этихъ частей другъ къ другу.

Для предварительныхъ упражненiй въ искусствѣ правильнаго чтенiя, я бы рекомендовалъ тотъ путь составленiя нотъ для чтенiя, который далъ Шереметевскiй. Эти ноты имѣютъ въ виду показать паузы, логическiя ударенiя и интонацiю и не представляютъ трудности своей системой, состоя изъ несложныхъ условныхъ значковъ.

„Въ сущности, говоритъ Легувэ, правила пунктуацiи содержатъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ всѣ остальныя правила искусства чтенiя. Въ самомъ дѣлѣ, на какихъ главныхъ основанiяхъ покоится это искусство? На произношенiи, на дыханiи и на выразительномъ воспроизведенiи мысли писателя — на правильныхъ интонацiяхъ. Изъ всѣхъ этихъ основанiй нѣтъ ни одного, въ которомъ бы пунктуацiя, соблюдаемая строго, не оказалась бы весьма сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ. Разсмотримъ ближе: соблюдать пунктуацiю значитъ неизбѣжно дѣлать передышки (такъ какъ при этомъ дѣлаются остановки), а значитъ и читать съ меньшей усталостью. Кто соблюдаетъ пунктуацiю, тотъ и отдыхаетъ. Запятыя, точки съ запятыми — все это маленькiя остановки, дающiя возможность чтецу перевести духъ.... Далѣе соблюдать пунктуацiю — значитъ и произносить отчетливѣе, выговаривать яснѣе, ибо, отъ чего происходятъ погрѣшности произношенiя и артикуляцiи? Отъ нѣкоторой слабости, вялости артикулирующихъ мускуловъ и органовъ, мѣшающей чтецу вырисовывать, такъ сказать, каждое слово, придавая ему надлежащую форму; если же къ такой вялости еще прибавится и торопливость, то не только получается неразборчивое, тусклое произношенiе, но и сама рѣчь становится непонятной; стало быть, пунктуацiя ограждаетъ отъ невнятности уже тѣмъ однимъ, что исключаетъ возможность торопливости. Но это еще не все: раздѣляя фразу на составныя части, выдѣляя отдѣльныя слова или же соединяя ихъ въ небольшiя группы, пунктуацiя даетъ чтецу возможность заняться каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, сосредоточить на каждомъ усилiе губъ, языка, челюстей и тѣмъ самымъ легче преодолѣть вялость, лѣность этихъ органовъ, такъ какъ легче произнести отчетливо два или три слова, чѣмъ

цѣлую страницу заразъ. Пунктуація играетъ видную роль даже въ вопросѣ мелодичности изустнаго чтенія. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ недостатковъ чтенія — это монотонность, обращающая чтеніе во что-то тягучее, плаксивое или въ какое-то бормотаніе на распѣвъ, столь же несносное для слуха, какъ и противное здравому смыслу. Правильная пунктуація отчасти поможетъ и здѣсь: прерывая нить этого пѣнья, она уже не позволяетъ такъ легко вновь возвратиться къ нему, и школьнику поневолѣ приходится измѣнять тонъ".

Всѣмъ хорошо конечно извѣстна та градація, которая соединяется съ употребленіемъ запятой, точки съ запятой и точки. Эти знаки препинанія прежде всего могутъ показывать, конечно — относительно степени паузъ въ читаемомъ произведеніи. Надо замѣтить, что и съ данными знаками препинанія соединяется извѣстное тонированіе, какъ то ни странно на первый взглядъ. Точка, говорящая объ окончаніи рѣчи, въ то же время указываетъ на необходимость извѣстнаго пониженія тона, этого пониженія не должно быть при запятой или точкѣ съ запятой. Особая опасность въ тонированіи можетъ быть при точкѣ съ запятой — тонъ можетъ упасть, а этого не должно быть, такъ какъ рѣчь не представляется законченной, поэтому послѣ точки съ запятой приходится тонъ держать болѣе высокій, чѣмъ при запятой, чтобы именно этимъ показать, что рѣчь еще продолжается. Повышеніе тона показываетъ, что вниманіе должно быть сосредоточено, поэтому-то является необходимымъ повышеніе этого тона при двоеточіи, такъ какъ двоеточіе обращаетъ наше вниманіе на сейчасъ послѣ него слѣдующее, такъ какъ это слѣдующее должно казаться именно самымъ важнымъ.

Повышеніе тона конечно особенно сильно при специфически тоновыхъ знакахъ препинанія — вопросительномъ и восклицательномъ. Важно, впрочемъ, отмѣчать, стоитъ ли въ концѣ вопросительной или восклицательной фразы то слово, къ которому данный знакъ относится, или это слово находится раньше. Смотря по этому мѣняется и сила повышенія. Иногда для выраженія измѣненія тона употребляется тире, назначеніе котораго болѣе всего для паузы. Къ тонирующимъ знакамъ принадлежатъ скобки, которыя показываютъ, что помѣщенное въ нихъ должно быть произносимо болѣе

пониженнымъ тономъ, такъ какъ является второстепеннымъ сравнительно съ тѣмъ, что находится внѣ скобокъ. Для тона часто употребляется многоточіе, правда назначеніе его бываетъ различное — иногда оно показываетъ, что рѣчь прервалась.

Продолженіемъ произведенной работы будетъ опредѣленіе постановокъ логическаго ударенія. Съ логическимъ удареніемъ учащіеся первоначально ознакамливаются на небольшихъ вопросительныхъ предложеніяхъ, и на этихъ предложеніяхъ съ особенной яркостью отмѣчается для нихъ значеніе логическаго ударенія.

Приступая къ первоначальной работѣ, именно къ дѣленію читаемаго на части, надо имѣть въ виду, что подобное дѣленіе прежде всего необходимо потому, что знаки препинанія являются недостаточнымъ указателемъ этихъ остановокъ. Затѣмъ-нельзя вполнѣ руководиться при остановкахъ грамматическими соображеніями: иногда остановка требуется тамъ, гдѣ грамматика не даетъ повода думать о какомъ-то раздѣленіи. Конечно, наряду съ этой первоначальной работой можетъ совершаться и другая — выдѣленіе словъ, которымъ придается въ изложеніи особое значеніе. Это такъ называемыя „цѣнныя“ слова, которыя могутъ быть произносимы не только съ повышеніемъ тона, но и пониженіемъ, но только должны быть обозначены; при этомъ должна быть конечно, бóльшая степень продолжительности произнесенія слова сравнительно съ другими словами.

Послѣ этого уже можетъ только наступить задача о выразительности или колоритности чтенія. Это наиболѣе трудная и не всѣми достигаемая сторона, для которой особенно важны образцовые примѣры, которымъ можно было бы подражать.

На первый взглядъ кажется парадоксомъ мысль о томъ, что настоящее выразительное чтеніе можетъ замѣнить всякій комментарій къ произведенію, на самомъ же дѣлѣ эта мысль совершенно правильна. Основывается это на томъ, что выразительно читая, мы тѣмъ самымъ оттѣняемъ всѣ тѣ особенности мысли, которыя хотѣлъ вложить авторъ въ свое произведеніе. Чтобы прочесть выразительно, надо прежде всего постигнуть, понять хорошо самому то произведеніе, которое читаешь.

Искусство выразительнаго чтенія представляется труднымъ прежде всего потому, что на него мало обращается вниманія, мало обращается вниманія преподавателями русскаго языка, которымъ особенно слѣдовало бы заняться этимъ искусствомъ. Это искусство очень трудно, оно требуетъ прежде всего огромной усидчивой работы, не говоря, конечно, и о талантѣ. Но ссылаться на отсутствіе послѣдняго не приходится, потому что этотъ талантъ не сразу виденъ во первыхъ, а, во вторыхъ, и безъ надлежащаго таланта можно достигнуть извѣстныхъ результатовъ путемъ усидчивой работы и путемъ особенно подражанія. Несомнѣнно, что искусство это раскрываетъ цѣлый міръ эстетическихъ наслажденій, оно помогаетъ войти болѣе близко и глубоко въ художественный міръ поэзіи, открываетъ тайники этого міра, сближая воспроизводителя-чтеца съ художникомъ-поэтомъ. Здѣсь представляется немалая доля и для творчества.

„Искусство выразительнаго чтенія, говоритъ Коровяковъ (Этюды выразительнаго чтенія. СПБ. 1900. 8—9), не ограничиваетъ, однако, кругъ своихъ даровъ только эгоистическими личными наслажденіями чтеца-исполнителя, оно сильно еще тою пользою, которую приноситъ всѣмъ соприкасающимся съ нимъ. Служа средствомъ могучей проповѣди высокихъ мыслей, прекрасныхъ образовъ и благороднѣйшихъ чувствъ, оно оказываетъ неотразимое вліяніе и кладетъ неизгладимые слѣды въ душахъ наиболѣе воспріимчивыхъ и чуткихъ, какъ души юношества и дѣтей въ воспитательной атмосферѣ семьи и школы. Сколько свѣтлыхъ понятій, прекрасныхъ наклонностей и чистыхъ идеаловъ можетъ зародиться въ молодой душѣ подъ обаяніемъ великихъ произведеній поэзіи, слышанныхъ въ яркомъ исполненіи искуснаго чтеца“.

Для прохожденія правилъ и вывода вообще тѣхъ законовъ, которые требуются техникой выразительнаго чтенія, особенно можно рекомендовать книгу Коровякова „Этюды выразительнаго чтенія художественныхъ литературныхъ произведеній“ (СПБ. 1900, 2-е изданіе). Отъ извѣстнаго сочиненія Легувэ эта книга отличается гораздо бо́льшей систематичностью изложенія и бо́льшей приспособленностью по разборамъ отечественныхъ произведеній къ нуждамъ нашей школы.

Какъ же поступать, если учитель самъ не отличается умѣньемъ выразительнаго чтенія, что дѣлать ему тогда по отношенію къ учащимся? Думается, что прохожденіе самой теоріи техники, указаніе учащимся правилъ произношенія можетъ сыграть извѣстную роль. Теорія можетъ направить ихъ усилія въ извѣстную сторону, и они даже самостоятельно могутъ совершенствоваться въ данномъ направленіи. Совершенно правильно отмѣчаютъ Легувэ и Коровяковъ, что учитель и ученикъ могутъ здѣсь совмѣстно работать, изыскивая совмѣстной работой различные виды выразительности. На этомъ основана и польза такихъ книгъ, какъ упомянутыя мною книги Коровякова, Легувэ и др. Авторы этихъ книгъ не могутъ собственнымъ примѣромъ наглядно показать, какъ надо читать то или другое произведеніе, но указывая пути, по которымъ должно итти это чтеніе, эти авторы раскрываютъ предъ нами собственный анализъ различныхъ литературныхъ образцовъ, помогаютъ анализировать эти произведенія. Они вводятъ такимъ образомъ въ свою работу, облегчая работу дальнѣйшую.

„Служеніе искусству выразительнаго чтенія, требуя постоянно проникновенія во всѣ детали исполняемаго произведенія, раскрытія и изученія тончайшихъ подробностей авторскаго замысла и оцѣнки, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ красотъ, пріобщаетъ декламатора къ задачамъ автора настолько близко, что образуетъ между ними родъ тѣснаго сотрудничества, удѣляя исполнителю не только часть творческаго труда, но и немалую долю творческаго наслажденія“ (Коровяковъ, 7).

Чего мы должны добиваться въ школѣ чтеніемъ поэтическихъ произведеній и вообще художественныхъ произведеній нашей литературы? Мы должны стремиться къ тому, чтобы эти произведенія своей красотой прежде всего произвели впечатлѣніе на учащагося, чтобы высокія мысли, заключенныя въ этихъ произведеніяхъ, оставили бы неизгладимые слѣды на молодыхъ душахъ. И этого прежде всего можно добиться выразительнымъ чтеніемъ художественныхъ произведеній.

Выпуклость, рельефность чтенія достигается прежде всего умѣньемъ создать какъ бы перспективу въ чтеніи: необходимо интонацiей, правильными паузами такъ оттѣнить

отдѣльныя мѣста, чтобы они какъ на картинѣ были бы изображены въ необходимой соразмѣрности своихъ частей.

„Рельефность, говоритъ Коровяковъ (70—71), далеко не исчерпываетъ задачъ искусства выразительнаго чтенія. Благодаря ей, вы можете вполнѣ понять мысль автора, вы усвоите себѣ ея тонкости, вы оцѣните даже ея красоты, но все же она не пріобщитъ вашу душу къ душѣ поэта, не заставитъ васъ думать его мыслями, чувствовать его чувствами и плакать его слезами. Вы остаетесь зрителемъ, свидѣтелемъ чего-то развернутаго передъ вашимъ умственнымъ взоромъ; зрителемъ и свидѣтелемъ, хоть и вполнѣ сочувствующимъ, но все же лицомъ постороннимъ. Для того, чтобы ваше сердце отозвалось согласнымъ біеніемъ на каждое біеніе сердца поэта, чтобы его восторги или тихое умиленіе отуманили слезою ваши взоры, чтобы вы слились съ поэтомъ въ одно существо, мыслящее, ощущающее и трепещущее однѣми и тѣми же душевными струнами..., нужно нѣчто еще помимо расчлененія составныхъ частей содержанія, размѣщенія каждой изъ этихъ частей на подобающее ей мѣсто и приданія каждой надлежащей выпуклости.... Нуженъ талантъ, чтобы восчувствовать поэта и нуженъ талантъ, чтобы передать это чувство слушателю.... Мостъ между декламаторомъ и слушателемъ есть выразительность чтенія въ ея высшемъ проявленіи — колоритности".

Конечно, художественность чтенія (именно художественность — я бы сказалъ, а не „выразительность") есть уже послѣдствіе особаго таланта, далеко не всѣмъ присущаго. Не всѣ могутъ быть художниками, не всѣ могутъ вкладывать въ то или иное слово, въ то или иное выраженіе все различіе тоновъ, не всѣ обладаютъ къ тому же необходимыми голосовыми средствами. Одна и та же музыкальная пьеса разно выполняется не только въ зависимости отъ техники играющихъ, но и отъ ихъ умѣнія вложить душевные переливы въ эту музыку.

Для образца того детальнаго анализа, который надо продѣлать прежде чѣмъ приступать къ чтенію художественныхъ произведеній, я приведу по моему очень удачно сдѣланный анализъ стихотворенія „Тучи" Лермонтова Коровяковымъ. Воспользуюсь въ данномъ случаѣ большой выборкой

изъ сочиненія Коровякова, приведя также и стихотвореніе „Тучи“:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

„Прочтя эти двѣнадцать строкъ, вы сразу входите въ настроеніе поэта. Уже первая строка живо рисуетъ вамъ человѣка, смотрящаго въ грустной задумчивости на бѣгущія по небу облака. Печать раздумья лежитъ на всемъ стихотвореніи. Раздумья грустнаго, но не бурно-горестнаго; тихаго, какъ бы нѣсколько разсѣяннаго, такого, какое бываетъ у человѣка, снѣдаемаго одною, ни на минуту не покидающею его мыслью, поглощающею его всего. На этомъ основномъ фонѣ могутъ проходить разныя впечатлѣнія, мысли и чувства, никогда, однако же, не заглушая того, что подъ ними таится и не даетъ ни минуты полнаго забвенья. Здѣсь эта основная, гнетущая душу поэта мысль — предстоящая разлука съ близкими сердцу мѣстами, неизбѣжный и вынужденный отъѣздъ. Подъ властью такой удручающей думы, все, что мимоходомъ попадается на глаза, пріурочивается къ ней, отражаетъ ее на себѣ, какъ быстро бѣгущія волны отражаютъ нависшую надъ ними тучу. Поэтъ смотритъ на облака, но они занимаютъ его мысль настолько, насколько, такъ или иначе, они совмѣщаются съ мыслью о грозящемъ изгнаніи. Вотъ почему обращеніе къ тучкамъ въ первыхъ словахъ пьесы не должно звучать яркимъ возваніемъ къ рѣзко опредѣленному предмету вниманія, а должно быть произнесено какъ бы вскользь, какъ называя первое, что попало на глаза, разсѣянно, и тягуче, такъ какъ

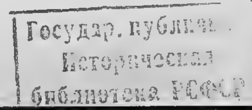
главное вниманіе мысли остается сосредоточеннымъ все на томъ же, прямо не высказываемомъ чувствѣ, которое точитъ и томитъ душу. Какъ будто бы человѣкъ, стоя у окна и думая все время о предстоящемъ изгнаніи, разсѣянно называлъ тѣ предметы, которые онъ видитъ: „Вотъ дерево стоитъ .... вдали лѣсъ темнѣетъ .... солнце уже садится ... на небѣ то облака такъ и бѣгутъ“ .... а самъ въ это время не перестаетъ думать совсѣмъ о другомъ, все о томъ, чѣмъ ноетъ его сердце. Быстрое движеніе облаковъ, направляющихся къ югу — мостъ между безучастно-видимымъ явленіемъ и занимающей душу мыслью. Человѣкъ ухватывается за это блеснувшее ему сходство положеній, и облака, до которыхъ ему за минуту передъ тѣмъ, не было никакого дѣла — становятся ему близки: его связываетъ съ ними, какъ ему кажется, общность ихъ судьбы съ его судьбою. Чѣмъ болѣе мысль работаетъ въ этомъ направленіи, тѣмъ тѣснѣе объединяется господствующая дума съ этими облаками; теперь, думая о нихъ, онъ этимъ самымъ продолжаетъ думать о своемъ горѣ. Вопросы, съ которыми онъ къ нимъ обращается — ничто иное, какъ перелистываніе прошлыхъ горькихъ страницъ своей собственной душевной повѣсти, и только послѣднія строки пьесы убѣждаютъ, что эта общность судьбы была создана только воображеніемъ, настроеннымъ основною мыслью, что связи не существуетъ, и что поэтъ остается по-прежнему одинокъ въ своемъ горѣ. Таково общее настроеніе стихотворенія. Придайте ему характеръ раздумья, мысли, витающей далеко, рѣчи полусознательной, разсѣянной, особенно въ началѣ, чуждой рѣзкихъ толчковъ и порывовъ на всемъ своемъ протяженіи, медленной ритмическими движеніями, наклонной къ протяженіямъ, такъ хорошо дающимъ почувствовать что-то лежащее въ глубинѣ. На всемъ исполненіи долженъ лежать какъ бы прозрачный покровъ тихой грусти, смирившейся передъ неизбѣжною грозой — и вы получите надлежащій основной тонъ, нужный здѣсь цвѣтъ фона, на которомъ подробности отдѣльныхъ мѣстъ должны быть вырисованы въ надлежащей колоритности. Мы уже видѣли характеръ обращенія въ первой строкѣ пьесы: это скорѣе наименованіе видимаго предмета, чѣмъ обращеніе къ нему; въ немъ слышится затаенный вздохъ. Господство главной

мысли такъ велико, что за нею какъ бы исчезаютъ поэтическія красоты видимаго міра. Было бы большою ошибкой придать яркій колоритъ описательнымъ словамъ: „степью лазурною“ и „цѣпью жемчужною“, какъ они ни прекрасны и ни поэтически образны, взятыя сами по себѣ. Подъ гнетомъ мысли объ изгнаніи поэту не до лазурности степи небесной, не до жемчужности цѣпи облаковъ, и не эти слова должны играть роль въ колоритности разбираемаго мѣста. Главная дума звучитъ въ словахъ „изгнанники“, „милаго сѣвера“ и въ „сторону южную“. Надо, чтобы каждое изъ этихъ словъ по своему выдавало затаенное горе поэта, чтобы слышалась отравленная горечью печаль въ словѣ „изгнанники“, чтобы колоритность слова „милаго“ выразила всю нѣжную привязанность къ покидаемому сѣверу, и чтобы въ выраженіи въ „сторону южную“ звучало не только холодное, но даже чуть-чуть непріязненное чувство къ этой сторонѣ, чужой для сердца поэта. — Посмотрите теперь, какое разнообразіе и богатство оттѣнковъ въ колоритности каждаго изъ вопросовъ, которыми поэтъ доискивается, что же гонитъ эти облака съ сѣвера на югъ? „Судьбы-ли рѣшеніе?“ — требуетъ колорита покорности чему-то высшему, предъ чѣмъ нельзя не преклониться, а остается только съ достоинствомъ нести свой жребій. Затѣмъ два вопроса: „Зависть-ли тайная?“ и „злоба-ль открытая?“ звучатъ нѣкоторымъ противоположеніемъ, отражающимся въ особенности на словахъ „тайная“ и „открытая“. Колоритъ этихъ словъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ характеромъ экспрессивности словъ „зависть“ и „злоба“: первая таитъ свой ядъ подъ мягкою, лицемѣрною, сдержанною наружностью, она тайная, вторая — болѣе груба, рѣзка — открытая. Но оба эти вопроса не звучатъ опредѣленностью, какъ бы сами сомнѣваются въ ясномъ и точномъ отвѣтѣ. И зависть, и злоба — враги трудно осязаемые, трудно уловимые; ихъ трудно уличить, еще труднѣе отъ нихъ оборониться, но и въ томъ и другомъ случаѣ явное сочувствіе на сторонѣ жертвы (облака). Другое дѣло вопросъ: „Или на васъ тяготитъ преступленіе?“ тутъ все ясно и опредѣленно; на такой прямой вопросъ возможенъ только прямой ясный отвѣтъ. Предполагая въ комъ-нибудь преступника, нельзя его спраши-

вать иначе, какъ тономъ серьезнаго сознанія тягости преступленія, хотя это не исключаетъ возможности отнестись къ преступнику снисходительно, болѣе съ чувствомъ сожалѣнія, чѣмъ съ холоднымъ, строгимъ осужденіемъ.... Наконецъ послѣдній изъ вопросовъ — наиболѣе содержательный и богатый оттѣнками: „Или друзей клевета ядовитая?“ Поэтъ самъ испыталъ эту напасть, онъ до дна испилъ эту чашу дружеской отравы, онъ знаетъ всѣ муки этого яда... Произнесите же слово „друзей“ такъ, чтобъ въ немъ подразумѣвалось многое: длинная вереница испытанныхъ разочарованій, купленное дорогой цѣной знаніе, чего эти друзья стоятъ, чтобы горькая иронія съ оттѣнкомъ презрѣнія слышалась въ этомъ словѣ... Со словомъ „друзей“ ироническій тонъ исчезаетъ, и слово „клевета ядовитая“ должно звучать сознаніемъ силы клеветы, чуть ли не ужасомъ предъ этою силой, ненавистью къ ней и отвращеніемъ, котораго она достойна. Задавши эти вопросы, поэтъ самъ отвѣчаетъ себѣ на нихъ, опровергая всѣ высказанныя предположенія. „Нѣтъ, дѣло гораздо проще: вамъ просто надоѣло носиться надъ нивами, неприглядными своей безплодностью; вамъ, привыкшимъ бросать тѣнь на пышныя равнины юга — и ничего больше“. Такого рода незамысловатое объясненіе въ отвѣтъ на всѣ вопросы поэта — порождаетъ другую категорію мыслей въ его душѣ, вызываетъ другіе тона, соотвѣтствующіе тому новому отношенію поэта къ облакамъ, въ которое онъ сталъ, убѣдившись въ различіи причинъ, существующихъ между ихъ и его положеніемъ. Въ строкѣ „нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя“ должна отражаться исключительно только одна незамысловатость, ясность, простота двигающей полетомъ облаковъ причины. Какое-либо ироническое, насмѣшливое или злобное отношеніе за это къ облакамъ — было бы величайшей ошибкой и послѣдующія строки проникнуты совсѣмъ другими оттѣнками чувства. „Чужды вамъ страсти и чужды страданія“ должны звучать такъ, что поэтъ вполнѣ понимаетъ, что согласно природѣ облаковъ они и не могутъ быть иными, какъ чуждыми страстей и страданій. Они „вѣчно холодныя“. Здѣсь умѣстна описательная колоритность, требующая произнесенія слова „холодныя“ съ такой экспрессивностью, чтобы въ немъ ярко отразились и холодность въ прямомъ смыслѣ, и безстрастное равноду-

шіе въ переносномъ. За то въ словахъ „вѣчно свободныя“, на послѣднемъ изъ нихъ, голосъ долженъ дрогнуть многозначущей вибраціей, съ одной стороны — зависти къ этимъ свободнымъ дѣтямъ небеснаго простора, съ другой — глубокимъ горемъ надъ собственной неволей. Эти чувства личнаго горя и невольной зависти, чувства испытываемыя каждымъ узникомъ при взглядѣ на жизнь, кипящую за рѣшеткой тюрьмы, звучатъ и въ послѣдней строкѣ стихотворенія: „Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія“. Въ этой послѣдней строкѣ есть еще одинъ оттѣнокъ, который слѣдуетъ замѣтить. Слова „родины“ и „изгнаніе“ поставлены въ нѣкоторое соотношеніе, отражающееся на тонѣ ихъ произнесенія тѣмъ, что одно изъ нихъ поясняетъ другое, одно есть какъ бы слѣдствіе, а другое — причина. Но этого мало: въ добавокъ къ такому значенію присоединяется еще отраженіе личнаго отношенія поэта къ такому ихъ взаимному положенію. Эта нѣсколько сложная комбинація экспрессивности можетъ быть передана слѣдующей распространенной фразой: — „Правда, вы, бѣдныя, не знаете, что такое родина, и я жалѣю, что вы лишены этого сладкаго чувства, но поэтому-то для васъ не можетъ быть и изгнанія, и я вамъ завидую, что вы ограждены отъ несчастія испытать это горе“. Или короче: „Вы несчастливы однимъ, но за то вслѣдствіе этого счастливы другимъ“.

Итакъ если ведется чтеніе художественныхъ произведеній, то на первый планъ надо ставить проведеніе эстетическихъ элементовъ, учить оттѣнять живымъ словомъ красоты подобныхъ произведеній и тѣмъ самымъ дѣйствовать уже на умственное и нравственное развитіе учащихся. Если же мы обратимъ вниманіе на дѣйствительность, то увидимъ, что въ школѣ сплошь и рядомъ происходитъ порча въ данномъ случаѣ неразвившихся умовъ. Не обращая вниманія на внѣшнюю передачу художественныхъ произведеній, разрѣшая читать и воспроизводить на память невозможнымъ произношеніемъ, мы тѣмъ самымъ коверкаемъ ихъ содержаніе, уничтожаемъ ихъ красоты. Этому способствуетъ часто и тотъ катехизаторскій способъ комментировать произведенія, способъ, который за массой ненужныхъ разъясненій заставляетъ забывать самое произведеніе.

Оглавленіе.

Стр.

